РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

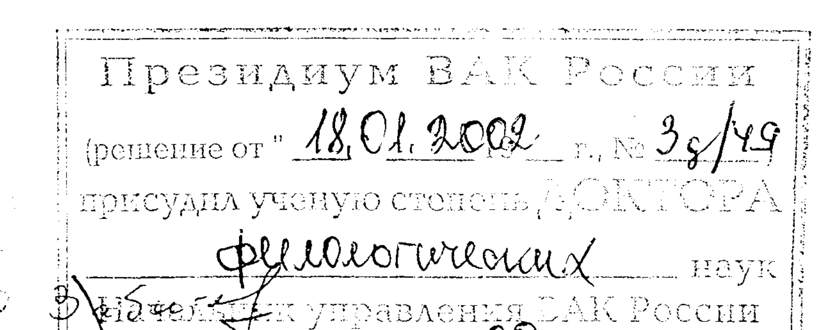
Забитов Саид Магомедович

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Специальность 10.02.02 – Языки России
(Кавказские языки)

Москва 2001

ВВЕДЕНИЕ

Рассмотрение арабских заимствований в нахско-дагестанских языках в сравнительном аспекте, обобщение результатов изучения фонетических, морфологических и лексических особенностей заимствований в отдельных языках данной лингвистической семьи относится к числу актуальных проблем исторической лексикологии нахско-дагестанских языков, имеющих как практическое, так и теоретическое значение, поскольку сама проблема находится в тесной связи с решением целого ряда вопросов, касающихся различных аспектов контактирования как генетически родственных, так и разносистемных языков. Важность и актуальность этой темы вытекает прежде всего из необходимости глубокого и всестороннего исследования словарного состава нахско-дагестанских языков.

В неразрывной связи с изучением места, занимаемого арабскими элементами в словарном составе нахско-дагестанских языков, находится также вопрос о степени и характере включения арабизмов в структурную модель языка-рецептора. Разработка проблем заимствования отражается и в теории перевода [Найда 1970: 14]. На наш взгляд, не вызывает сомнения то, что ознакомление с историей и этимологией слова часто помогает понять особенности его употребления на современном этапе. Изучение результатов взаимодействия разносистемных языков способствует решению ряда вопросов лексикографии, а также теории заимствования, анализ модификации арабских заимствований на нахско-дагестанской почве позволит кавказоведам более правильно отразить их в словарях, грамматиках и учебниках, высказать предположения о тенденциях тех изменений, которым подвергаются арабские слова в восточнокавказских языках. Они могут представить интерес и для

арабиста, поскольку эти изменения в некоторых случаях отражают процессы, происходившие в недрах арабского языка.

Представляется закономерным то, что определенную часть словарного запаса нахско-дагестанских языков, как и других языков, составляют слова иноязычного происхождения, так как развитие словарного состава любого языка осуществляется как за счет своих внутренних ресурсов, так и за счет заимствований из других языков. Заимствования – это один из наиболее значительных источников пополнения лексического состава языка и его фразеологии. Как и любой другой язык, нахско-дагестанские языки входили в соприкосновение с другими языками, заимствуя из них известное количество слов. Безусловно и то, что "соприкосновение языков неизбежно влечет за собой их взаимопроникновение" [Вандриес 1937: 257].

Кавказ в этом отношении представляет весьма своеобразное историко-культурное образование. Как отмечает, например, В. М. Загиров, "Кавказский хребет и его отроги ни в прошлом, ни особенно в настоящем не являлись преградой для осуществления контактов населения этой горной страны. Более того, Кавказ играл особую роль в исторических передвижениях древних племен, в частности, по побережью Каспийского моря из Европы в Азию и наоборот, что, несомненно, наложило определенный отпечаток и на лексику дагестанских языков" [Загиров 1987: 95]. Действительно, в настоящее время ближайшими соседями нахско-дагестанских народов являются носители языков, принадлежащих к различным лингвистическим семьям: тюркской, картвельской, индоевропейской. Безусловно, что в прошлом контактирование этих языков было также довольно интенсивным, о чем свидетельствуют многочисленные арабизмы, тюркизмы, персизмы и русизмы в словарном составе исследуемых языков. В специальной литературе отмечаются и некоторые другие источники заимствований.

Чтобы продемонстрировать огромную роль, которую играют заимствования в словарном составе нахских и дагестанских языков, достаточно указать на то, что они по существу вторгаются в бытовую лексику повседневной жизни. Довольно высоким, например, является процент иноязычной лексики даже в пределах стословного списка, относящегося к пласту наиболее устойчивого в этом отношении словарного фонда:

буд. *питин,* уд. *битов,* хин. *битин* 'все';

лезг. *гзаф*, таб. *гизаф,* агул. *ппара,* рут. *бала,* крыз. *пара* 'много';

лезг. *итим,* цах. *адми,* лак. *адимина* 'мужчина';

лезг. *кас*, таб. *кас*, агул. *идеми,* рут. *аьдаьми,* цах. *инсан*, арч. *адам*, крыз. *адми*, буд. *едми*, уд. *адамар,* хин. *х'аьдми*, авар. *гIадан*, лак. *инсан* 'человек'.

таб. *балыгь*, рут. *балыгь*, цах. *балугь,* крыз. *балыгь,* буд. *балыгь,* хин. *балыгь*'рыба';

рут. *тыла* 'собака';

лезг. *тум*, таб. *тум*, агул. *тум*, рут. *тухум*, цах. *тухум, крыз. тум,* буд. *тум, хин. тум* 'семя';

буд. *йарпагъ,* хин. *йарпагь*'лист';

крыз. *кук*, буд. *кук*, уд. *тум*, хин. *кок* 'корень';

цах. *къабых,* крыз. *къабых,* буд. *къабугъ*, хин. *къобугь*'кора';

таб. *мурта*'яйцо';

хин. *лаьлаьг* 'перо';

хин. *агъзы* 'рот';

буд. *дырнагъ* 'ноготь';

лезг., таб., агул., рут., цах., хин. *гардан,* крыз. *гаьрдан,* буд. *гәрдән* 'шея';

цах. *кокси* 'грудь';

хин. *(мичIаь) бийар* 'печень';

лезг. *сирнав авун;* таб. *уьзмиш хьуб,* агул. *салав акьас,* цах. *йуьзмиш хьес*, крыз. *уьзмиш хьийидж,* буд. *уьзми йихьәр,* хин. *учмушкьи* ‘плавать’;

хин. *учмушкьи* ‘летать’;

цах. *кьайе,* буд. *кьайе* ‘камень’;

лезг., агул., крыз., цах., хин. *къум.* арч., буд. *хъум,* таб. *гъум,* лак. *къун* ‘песок’;

цах. *булут* ‘облако’;

лезг., таб., крыз., буд. *дагъ* ‘гора’;

буд. *ал* ‘красный’;

уд. *йаьшил* ‘зеленый’;

буд. *тәзә*, уд. *ини*, хин. *таза* ‘новый’ [по кн. Алексеев 1985: 18-22].

Лексика является такой сферой языка, которая тесно связана о историей и культурой народа. Поэтому исследования лексических заимствований интересно не только в лингвистическом аспекте, но и для изучения истории и этнографии Северо-Восточного Кавказа. Появление иноязычных элементов может быть вызвано как внешними, внеязыковыми причинами, так и внутренними, языковыми факторами. Необходимо подчеркнуть и то, что экстралингвистические причины играют важную роль в осуществлении заимствований на лексическом уровне.

Возрождение в последние годы интереса к исламской культуре, к арабскому языку оказывается дополнительным фактором, обусловливающим настоятельность исследования результатов дагестанско-арабского контактирования в лексике восточнокавказских языков. Р. И. Гайдаров и Р. Р. Гасанова потребность в более детальном исследовании арабизмов в языках лезгинской группы объясняют, “во-первых, тем что в последнее время в русле происходящих в стране реобразований изменилось отношение к мусульманской религии – ламу, который в течение более полувека охаивался как чуждый для

трудящегося человека антинародный фактор; во-вторых, пришло время и возникла возможность объективно оценивать вклад в культуру и язык таких малочисленных и не имеющих собственной письменности народностей, какой являются агулы" [Гайдаров, Гасанова 1996: 15].

В связи с вышеизложенным, актуальность и необходимость исследования заимствованной из арабского языка лексики нахско-дагестанских языков, предпринятого в настоящей работе, вытекает из того значительного влияния, которое в свое время оказал арабский язык и арабская культура на нахско-дагестанские и иные языки Северного Кавказа, а также на их культуру. Следует отметить, что такая необходимость сопряжена еще с несколькими аспектами. Во-первых, развитие дагестанско-русского и нахско-русского двуязычия неуклонно приводит не только к пополнению и расширению его словарного запаса, но и к практическому вытеснению как исконных лексем исследуемых языков, так и многих старых заимствований, которые функционировали в течение ряда столетий, т. е. по существу к утрате его основного словарного фонда. Неслучайно, многие арабизмы снабжены в словарях пометой "устарелое". Фиксация этого материала и его последующее изучение представляются нам важной задачей не только в лингвистическом, но и в этнокультурном плане, поскольку в лексике прежде всего находит свое отражение национально-культурная специфика языка.

Как отмечает З. К. Тарланов, "заимствования свидетельствуют об уходящей в глубь веков давности и интенсивности межэтнических контактов. Этот факт вполне может быть использован для установления относительной хронологии как в истории языка, так и в этнической истории" [Тарланов 1994: 268]. Отсюда следует, что исследование лексики того или иного языка с точки зрения взаимоотношения с языками иной структурно-типологической и социокультурной орга-

низации дают важные сведения не только для языкознания, но и ряда смежных наук – истории, этнографии и др. Учитывая, что лексика исследуемых языков, включая ее заимствованный компонент, является своеобразным отражением исторической памяти народа, ее изучение может привести к решению остающихся не раскрытыми до сих пор загадок истории нахско-дагестанских народов.

Исконная лексика нахско-дагестанских языков, обнаруживающая общность лексического состава языков, входящих в данную лингвистическую группу (нахские языки: чеченский, ингушский, бацбийский; лезгинские языки: лезгинский, табасаранский, агульский, цахурский, крызский, будухский, арчинский, удинский, хиналугский; аваро-андо-цезские: аварский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, тиндинский, багвалинский, чамалинский, цезский, гинухский, хваршинский, бежтинский, гунзибский; лакский и даргинский языки), восходящая к восточно-кавказскому языку-основе, является предметом анализа в целом ряде специальных исследований сравнительно-исторического направления [Лексика 1971; Бокарев 1961; 1981; Хайдаков 1973; Гигинейшвили 1977; Талибов 1980; Алексеев 1985; Загиров 1987; Трубецкой 1987; Nikolayev, Starostin 1994 и др.]. Важно заметить, что в любой разработке сравнительно-исторического характера неотъемлемой задачей является отделение от общего исторического наследия генетически родственных языков следов иноязычного влияния, не подчиняющихся законам внутреннего развития языковой структуры, ср.: "Непригодны для целей сравнения междометия, некоторые культурные и социальные термины, поскольку они легко заимствуются одним языком из другого, например, на основании изучения названий металлов в финно-угорских языках нельзя составить ясного представления о родственных связях этих языков, поскольку названия металлов в финно-угорских языках часто

представляют заимствования из древних иранских языков" [Общее языкознание 1973: 39].

На необходимость исследования заимствованного фонда с целью предотвратить опасность неверного этимологического анализа соответствующих лексем указывал Г. А. Климов: “Неблагоприятно заявляет о себе и обычное отсутствие у кавказоведов минимальной востоковедческой подготовки, что особенно сказывается на все еще очень нечетком разграничении исконного и заимствованного материала в кавказских языках (его следствием является, в частности, практика выделения исторических "классных префиксов" в лексике, усвоенной из арабского, тюркского и иранского источников, например в чеч. bāla 'беда, горе', dow 'спор', nur 'сияние', tammaɣa 'тавро, клеймо' и мн. др.)” [Климов 1986: 19].

Несмотря на очевидность вышеприведенного утверждения, попытки “объяснения” на исконной почве достаточно прозрачных заимствований не прекращаются. Например, в работе И. Ш. Абдуллаева [1999] мы находим целый ряд подобных “этимологий”. В частности, здесь предложено оригинальное толкование заимствования со значением “буква”: “Таким образом, *гьар фун* – это «каждая, всякая тварь». А в системе алфавита «каждая тварь» – это буква *(гьар фун – гьарфун - гьарф)*. Сокращение исходного количества, как уже было показано, в дагестанских языках проявляется в абсолютном большинстве случаев” [Абдуллаев 1999: 78]. Нетрудно заметить, что в данном случае игнорируется наличие в слове “буква” фарингализации и ряд других параметров.

Там же “доказывается” исконность “таб. *джиб,* лак. *жип,* лезг. *джибин* «карман», т.е. место, где «прячут» вещи (несмотря на явную семантическую и формальную близость с араб. *джибун* «карман»). В свете сказанного можно ли считать заимствованными слова типа *жаза* «наказание; беда, трудность», *джагьанам, джегьлем* «ад»”

[Абдуллаев 1999: 90]. И это несмотря на очевидные мусульманские истоки по крайней мере последнего слова!

Таким образом, анализ заимствованной лексики дает возможность для сравнительно-исторического языкознания выделить усвоенную иноязычную лексику, не рассматривать ее в составе исконной, восходящей к праязыку-основе: в противном случае при восстановлении последнего могут быть получены искаженные результаты.

В то же время встречаются ситуации, когда именно заимствования проливают свет на характер имевших место в истории языка фонетических и иных изменений: "Свидетельства поздних заимствований тоже не лишены познавательной ценности в сравнительно-исторических изысканиях: они обычно показывают характер относительно новых звуковых изменений в том или ином языке. В частности, наличие арч. *шара* ‘возможность’, ‘необходимость’ при азерб. *чарэ* ‘средство, выход (из положения)’ (< перс.) как будто указывает на поздний характер перехода слабых аффрикат в спиранты арчинского языка, а арч. *датIэла* ‘мерка’ при араб. رطل raṭl – на аналогичный характер процесса **р* > *д*" [Алексеев 1986: 126].

Учитывая отмеченные выше обстоятельства цели и задачи настоящего исследования формулируются следующим образом:

1) выяснить экстралингвистические причины и пути проникновения арабизмов в словарный состав нахско-дагестанских языков на основе социолингвистической квалификации арабско-нахскодагестанских лингвистических контактов, анализа их исторических условий и выявления материальных свидетельств функционирования арабского языка у нахцев и дагестанцев; дать анализ отдельных образцов дагестанской арабоязычной литературы;

2) проанализировать пути проникновения арабизмов в лексическую систему нахско-дагестанских языков. Хотя основной корпус заимствованной лексики к настоящему времени в большинстве иссле-

дуемых языков уже можно считать выявленным, все же остается немало нерешенных вопросов, связанных, прежде всего, с проблемой разграничения различных групп лексики восточного происхождения – тюркизмов, арабизмов и иранизмов. Дело в том, что, во-первых, арабизмы и иранизмы проникали в нахско-дагестанские языки как непосредственно, так и через тюркское посредство; книжным путем или же через устное общение.

О проблеме тюркского посредства при усвоении арабизмов пишет Н. С. Джидалаев: “В аварской, даргинской и лакской среде арабо-мусульманская культура и арабский язык имели, если не большее, то и не меньшее распространение, чем в лезгинской среде. (Правда, в лезгиноязычном регионе мусульманская религия, как считают специалисты, начала распространятся раньше, чем у аварцев, даргинцев, лакцев). Исходя из этого, мы вправе предположить в этих четырех языках примерно одинаковое количество арабских слов, более того — одних и тех же. Однако даже беглое сопоставление «восточной» лексики в этих четырех языках показывает, что в лезгинском слов арабского происхождения намного больше, чем в аварском, даргинском и лакском. Чем это объясняется?

Как известно, лезгинский язык, сравнительно с аварским, даргинским, лакским подвергся сильному влиянию азербайджанского языка” [Джидалаев 1983: 11]. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, представляется корректной, однако требует и конкретной проработки вопросов фонетических закономерностей непосредственного и опосредованного усвоения арабизмов.

3) уточнить объем лексического вклада арабского языка в словарный фонд нахско-дагестанских языков; уделяя особое внимание выделению их из общего пласта так называемой "восточной" лексики, общей для арабского, персидского и тюркского языков (заметим в связи с этим, что в таком авторитетном труде, как историко-этимологический словарь осетинского языка В. И. Абаева [1958-1995],

как правило, даются недифференцированные указания на арабско-персидский источник.

В данной проблеме следует выделить такой ее аспект как по возможности более точное определение арабского прототипа заимствованных лексем. Дело в том, что решение этого вопроса может осложняться не только наличием в арабском языке нескольких лексем, близких по значению и звучанию и тем самым в равной степени претендующих на роль источника для того или иного заимствованного слова. Возможны такие случаи, когда предполагаемая лексема вообще отсутствует в языке-источнике. На материале персидского языка об этом пишет, например, Ю. А. Рубинчик: «... в языке можно встретить слова, отсутствующие в литературном арабском языке, и вполне возможно, что некоторые из них могли быть образованы на чисто персидской почве. В персидских грамматиках их обычно называют искусственными, ложными арабскими словами (*кäлемат-э мäдж'ул*). Они создаются как на базе арабских корней, так и на базе согласных звуков неарабских слов и только внешне по своим лексико-грамматическим моделям совпадают с арабскими масдарами и причастиями, именами профессии, места, прилагательными: *фäлакäт* 'бедствие', 'несчастье', 'катастрофа', *шеракäт* 'участие', 'компания', 'общество', *гäзавäт* 'суждение', 'мнение', *хэджалäт* 'стыд', 'смущение', *häрраф* 'речистый', 'говорливый', 'болтливый', *шäрур* 'злобный', 'упрямый', *мäгбур* 'захороненный', 'похороненный' и т.д. Подобного рода слова образованы от трехсогласных арабских корней по живым моделям. Они имеют значения, вытекающие из значения этих корней, и поэтому могут быть понятны носителям арабского языка, хотя в самом арабском языке они не употребляются» [Рубинчик 1999: 222].

Важно отметить также наличие в самом арабском языке заимствований из других источников (о влиянии среднеперсидского на

арабский см., например, [Белкин 1987]. В ряде подобных случаев, предполагая в качестве непосредственного источника заимствований в нахско-дагестанских языках все же арабский, мы включили их в число восточнокавказских арабизмов с указанием на первоисточник лексемы;

4) предложить лексико-тематическую и структурную классификацию восточно-кавказских арабизмов, включая заимствования на фразеологическом уровне. Последний аспект также представляется нам очень важным. По словам А. Г. Гюльмагомедова и Р. Гасановой [1991: 117], "предварительный сравнительный анализ неисконного материала лезгинского, агульского, табасаранского языков, с одной стороны, и сопоставление его с соответствующим материалом азербайджанского, арабского, персидского, русского и татского языков, с другой стороны, позволяет выделить следующие группы единиц: 1) фразеологические заимствования; 2) фразеологические кальки; 3) двулексемные сочетания различных типов. При этом отмечаются единицы, 1) общие для всех языков, 2) встречающиеся в двух или трех языках (в комбинации с одним из недагестанских языков)". Это означает, что влияние арабского языка на восточно-кавказские нельзя сводить лишь к восприятию последними отдельных арабских лексем;

5) проанализировать способы семантического, освоения арабских заимствований в рассматриваемых языках, в т.ч. изменение значений, возникновение устойчивых выражений, явления синонимии, омонимии и др.;

6) выявить общие и специфические закономерности фонетического освоения заимствований в различных нахско-дагестанских языках (включая возможное влияние на изменения в фонемном составе);

7) определить способы морфологического освоения арабских заимствований в рассматриваемых языках в плане словоизменения и словообразования;

8) уточнить роль языков-посредников (персидского, тюркских, аварского и др.) в проникновении в лексику рассматриваемых языков арабских заимствований;

9) дать сравнительную характеристику арабизмов нахско-дагестанских языков с фонетической, морфологической и функционально-семантической точек зрения. В этом аспекте немаловажное значение имеет выявление арабского прототипа заимствованного слова и его адекватная интерпретация. Дело в том, что в целом ряде работ вплоть до последнего времени арабские слова-прототипы цитируются с конечным *-ун* [см. Гайдаров, Гасанова 1996 (*-ун* заключается при этом в скобки); Курбайтаева 1999], что не соответствует ни речевой арабской традиции, ни отражению этого окончания в языках-рецепторах.

Некоторые аспекты толкования термина “заимствование”

Проблеме заимствования иноязычной лексики посвящено немало исследований как общетеоретического характера, так и работ, ограничивающихся изучением заимствований в конкретных языках. Представляется необходимым сделать краткий обзор соответствующей литературы с целью определения основных подходов к решению этой проблемы.

Несмотря на то, что и в советской и зарубежной лингвистической литературе накопилось значительное число работ, посвященных исследованию вопросов заимствования, до настоящего времени не существует общепринятого понимания основных детерминирующих признаков заимствованного слова. Так, О. С. Ахманова [1969: 151] определяет заимствованное слово как "слово, появившееся в данном языке в результате заимствования”. Л. П. Крысин [1968: 32-35] и некоторые другие исследователи рассматривают заимствованные слова только как часть слов иноязычного происхождения. По мнению этих

лингвистов, заимствованное слово - это слово, освоенное системой языка-рецептора. При таком подходе к заимствованию термин "заимствованное слово" можно соотнести лишь с частью слов иноязычного происхождения по принципу их ассимиляции. Л. П. Ефремов предлагает считать заимствованными "слова, которые как единство определенного значения и определенного звучания восходят к иноязычным прототипам, то есть слова, появление которых в языке обусловлено иноязычным влиянием, а не оригинальным словообразованием" [Ефремов 1959: 5].

Причиной отсутствия в лингвистической литературе общепризнанного определения термина "заимствованное слово" является, по-видимому то, что критерии, которые могут послужить определением иноязычной новации, относятся к разным планам: диахроническому и синхронному.

При диахроническом подходе необходимо уделить внимание процессу освоения иноязычных слов в языке, так как это освоение протекает во времени. Выделение заимствований из словарного состава данной языковой системы также связано с этимологией и историей языка. В то же время такие вопросы как употребительность слова в языке, лексико-семантические отношения заимствованного слова с исконной лексикой требуют синхронического анализа заимствований.

Решение вопроса классификации заимствованных слов зависит также от того, какие принципы кладутся в основу выделения заимствованного слова. До последнего времени господствующей классификацией заимствованной лексики являлось деление иноязычных слов по принципу ассимиляции их в заимствующем языке, предложенное немецкими лингвистами. Ими было предложено делить заимствования на слова, усвоенные языком-заимствователем (Lehnwörter) и слова иностранные, "чужие" (Fremdwörter), под которыми понимаются слова, вошедшие в словарный состав языка, но заимствованный ха-

рактер которых ощущается носителями заимствующего языка. Эта классификация была принята традиционным языкознанием и отразилась, в частности, в некоторых работах русских ученых. Так, например, И. И. Огиенко [1915: 12] различал три вида заимствованных слов: 1) Слова, заимствованные издавна и вполне усвоенные в нашем языке так, что иностранное происхождение их уже не чувствуется. 2) Слова чисто иностранные, но употребляемые в нашем языке довольно часто. 3) Слова чисто иностранные, народному языку не известные".

Этот принцип обладает серьезными недостатками и справедливо подвергался критике со стороны многих лингвистов. Например, О. Б. Шахрай указывает на то, что данная классификация основана на смешении функционального (употребительность слов) и формального (ассимиляция слов в языке) критериев. О. Б. Шахрай [1961: 56] предлагает "определять слово не как освоенное или неосвоенное вообще, но как освоенное или неосвоенное (недоосвоенное) в том или ином плане (функциональном, формальном), в том или ином аспекте формальной характеристики (морфологическом, фонетическом, орфографическом). Далее он говорит о том, что при выделении форм проявления процесса заимствования могут использоваться и критерии частного характера, которые, однако, могут быть применены лишь к некоторым языкам или группам языков. О. Б. Шахрай подразделяет слова греческого и латинского происхождения в современном английском языке "по характеру отношения их основной формы к парадигме их греческих или латинских прототипов" [там же]. Однако исследователь подчеркивает, что такое деление слов неосуществимо для заимствований из языков, в которых упрощена или отсутствует система склонения имен. Другим недостатком деления слов на слова усвоенные (Lehnwörter) и "чужие", иностранные (Fremdwörter) на наш взгляд, является то, что в нем не разграничиваются изменения, происходящие

в заимствовании в момент проникновения и при дальнейшем функционировании.

Подробным изложением проблематики, связанной с формулировкой принципов классификации заимствований, характеризуется монография Л. П. Крысина "Иноязычные слова в современном русском языке" [1968]. Автор предлагает отобрать из числа признаков освоенности слова те критерии, которые действительно необходимы для того, чтобы считать заимствование вошедшим в лексическую систему языка. Это:

"а) графемно-фонетичеекая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка;

б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями;

в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе;

г) для слова литературного языка - употребление не менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина - регулярное употребление в определенной терминологической сфере"[Крысин 1968: 42-43].

Исходя из данных признаков, Л. П. Крысин разграничивает иноязычные лексические элементы следующим образом:

1) заимствованные слова;

2) экзотическая лексика;

5) иноязычные вкрапления.

Эти три типа заимствований выделяются автором на основании структурных и функциональных различий, считается при этом существенным соотношение этих различий с системой употребляющего языка. И хотя Л. П. Крысин критикует традиционное деление иноязычной лексики по степени ее освоенности в языке, фактически его классификация сводится к бинарному противопоставлению заимство-

ванных слов с одной стороны и иноязычных вкраплений и экзотизмов с другой. Ему не удалось, на наш взгляд, определить четкие границы между различными типами заимствований. Необходимо отметить, что первый тип слов, выделенный Л. П. Крысиным, соответствует "Lehnwörter", а второй и третий близки к "Fremdwörter". Не могут также безоговорочно быть приняты и названные им критерии отнесения слова к заимствованиям. Так, по-видимому, необходимым признаком заимствованного слова не может считаться его соотнесенность с определенными грамматическими категориями и классами, так как любое слово иноязычного происхождения, даже употребленное окказионально, не может функционировать в речи, не соотносясь с грамматическими категориями языка-рецептора.

Понятие "вкрапления" на материале кавказских языков не получило развернутого освещения, однако следует указать на попытку анализа, предпринятую на чеченском материале М. Р. Овхадовым. Он пишет: "В специальной литературе отмечалось, что родная речь монолингва отличается от родной речи билингва [38, 24]. В основе нашего исследования лежат наблюдения за речью лиц, свободно владеющих русским и чеченским языками /студентов, преподавателей, учащихся и учителей, интеллигенции и т.д./.

Относительно принадлежности к частям речи следует заметить, что наибольшее количество вкраплений являются именами существительными. По нашим данным, вкрапляются различные существительные: новость, остановка, вкус, вопрос, бездельник, лентяй, прогулка, старик, обработка, призыв, свет, порядок, разница, молодежь, время, положение, формальность, подпись, преподаватель, заслуга, изменение, задание, погода, учеба и т.д.

Например:

Тховса барт а бина, встреча назначить ян еза вай.

/Вечером договорившись, встречу назначить надо нам/.

Мухха дийцича а, и-м цуьнан заслуга яцара.

/Как бы ни говорили, это-то не его заслуга/." [Овхадов 2000: 171].

К сожалению, конкретные примеры, приводимые в работе М. Р. Овхадова, не дают ясности в понимании вкрапления в его отличии от собственно заимствования в целом. Можно лишь предполагать, что вкраплением автор называет иноязычное слово, не зафиксированное словарями.

Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова и Л. Л. Кутина в исследовании по исторической лексикологии русского языка [1972: 84-93] характеризуют единицу заимствования с точки зрения сферы ее функционирования, источника заимствования и семантических особенностей слова.

Другой тип классификации заимствований предложен А. А. Реформатским. Он, уделяя основное внимание путям проникновения, предлагает подразделять заимствования, исходя из того:

1) происходит ли заимствование устным или письменным путем;

2) идет ли оно непосредственно из языка источника или же через посредников;

3) происходит ли заимствование внутри одного языка;

4) заимствуются ли кальки" [Реформатский 1955: 115-117].

Близка к данному делению и классификация иноязычных слов, предложенная Р. А. Будаговым. Этот лингвист делит заимствования по следующим признакам:

1) по степени связи с заимствованными вещами или понятиями;

2) по источнику – прямому или косвенному, из которого слова заимствуются;

5) по составу (заимствованные слова и структурные заимствования) ;

4) по степени проникновения и характеру ассимиляции в новой языковой среде;

5) по своеобразию смысловых изменений, которым подвергаются заимствования в системе другого языка [Будагов 1965: 129].

А. А. Реформатский и Р. А. Будагов, так же как и французские лингвисты А. Соважо [Souvageot 1964: 235-237] и А. Мартине [Martinet 1967: 169-170] относят к категории заимствований и результаты описательного перевода - кальки. То есть к заимствованиям предлагается относить не только сами заимствованные слова, но и заимствованные структуры, которые наполняется материалом родного языка. В этом случае происходит передача иноязычного прототипа без воспроизведения формальной модели языка-источника. Эта точка зрения наиболее четко выражена Н. М. Шанским [1955], понимающим под кальками все формы передачи иноязычного прототипа средствами заимствующего языка. Он выделяет лексические и фразеологические кальки. При этом в составе лексических калек, по мнению Н. М. Шанского, следует различать кальки словообразовательные и семантические. Другую точку зрения обосновывает Л. П. Ефремов [Ефремов 1962], считающий, что процесс калькирования не имеет ничего общего с процессом заимствования, так как это два различных способа освоения вещественного значения иноязычного слова.

Одной из наиболее известных классификаций заимствованной лексики, привлекающей внимание лингвистов, является классификация, предложенная Э. Хаугеном [1972]. Этот исследователь при определении типов заимствованных слов анализирует морфологические способы передачи моделей языка-источника. Э. Хауген отмечает, что процесс воспроизведения этих моделей не является простой имитацией заимствующего прототипа. Данный процесс отличается, в зависимости от целого ряда экстралингвистических и лингвистических причин, различной степенью морфемной и фонемной субституции. Иссле-

дователь выделяет два ряда воспроизведения иноязычных новаций в заимствующем языке:

1) перенесение элементов языка-источника в воспринимаемый язык;

2) субституцию иноязычных элементов элементами заимствующего языка.

Опираясь на данный вывод, Э. Хауген выделяет три основных типа заимствованной в зависимости от степени морфемной субституции в процессе заимствования:

1) заимствования без морфемной субституции;

2) заимствования с частичной морфемной субституцией;

3) заимствования с полной морфемной субституцией. Необходимо отметить, что, хотя эта классификация дает ясное представление о механизме процесса заимствования, о способах воспроизведения иноязычных моделей, ее недостатком является то, что она не представляет анализа результатов процесса заимствования.

К вопросу о степени ассимиляции заимствований, на наш взгляд, следует отнести также и вопрос об интернациональной лексике. М. М. Маковский в своей статье «К проблеме так называемой "интернациональной лексики"», отметив, что термины "интернациональная лексика" и "интернационализмы" не имеют до сих пор четких границ, и данная лексика не получила ясного определения своего места в сфере языковых заимствований, высказывает сомнение в правомерности употребления этих терминов вообще. В отличие от В. В. Акуленко [1969], рассматривающего интернационализмы только как синхронную категорию, а заимствование лишь как процесс и возражающего против отождествления интернационализмов и заимствований, М. М. Маковский считает, что "с лексикологической точки зрения так называемые "интернационализмы" суть заимствования" [Маковский 1960: 45]. Как отмечает автор, "параллельные языковые

заимствования весьма часто бывают распространены в различных неродственных и родственных языках, принадлежащих к определенному ареалу... Такие лексические единицы было бы целесообразно назвать регионализмами"[там же: 46]. М. М. Маковский на основании убедительных примеров доказывает, что графический, фонетический и семантический облик интернациональных слов (регионализмов) обнаруживает значительные расхождения в разных языках и, в связи с этим, графический, фонологический и семантический аспекты не могут служить критерием при их определении.

Подводя итог приведенному выше краткому анализу теоретической литературы по проблеме заимствования иноязычной лексики, можно сделать вывод о том, что в современном языкознании не существует единой, общепринятой точки зрения по вопросу определения заимствованного слова и в отношении выделения такого общего признака, который отражал бы все существенные стороны заимствования как процесса и заимствования как результата.

Говоря об арабских заимствованиях в восточно-кавказских языках, мы предлагаем считать освоенными те арабизмы, которые, став единицами языка в качестве наименований какого-либо явления действительности, регулярно употребляются в речи и передаются из поколения в поколение, семантически переосмысливаются на нахско-дагестанской языковой почве, приобретая новые значения, не имеющиеся у их арабских прототипов, фонетически уподобляются исконно восточно-кавказским словам, обладают фразеологической активностью. Способность слова принимать участие в словообразовательном процессе также определяется его функциональной активностью и является одним из признаков его освоенности. При этом, основными признаками освоения арабизмов нахско-дагестанскими языками мы считаем их фонетическую и грамматическую ассимиляцию, а также регулярную употребляемость в речи. К факультативным признакам

мы относим способность слова входить в состав устойчивых словосочетаний, образовывать производные на почве исследуемых языков, а также семантическое освоение арабизмов.

История изучения арабских заимствований в нахско-дагестанских языках

Учитывая важность выявления арабизмов в лексиконе нахско-дагестанских языков, не приходится удивляться тому, что практически в каждой работе по лексикологии того или иного языка имеется раздел, посвященный арабизмам [см. Азаев 1975; Алексеев, Загиров 1991; Гайдаров 1966; Гусейнова1988; Загиров 1978; 1981; Мусаев 1978; Нурмамедов 2000; Самедов 1976; Хайдаков 1961; Халилов 1981; Ширинова 1997]. В последние годы появляются и работы, специально посвященные арабским заимствованиям: Азаев 1973; Гайдаров, Гасанова 1996; Забитов 1983; Климов, Халилов 1983; Курбайтаева1999; Курбанова1999; Халиков 2000 и др.

Проблема выделения заимствованного фонда в лексике дагестанских языков была поднята еще А.Дирром, пытавшимся в своих словарях отмечать заимствованную лексику. В то же время непосредственный источник заимствования он не указывал. Указанием такого источника отличается аварско-русский словарь Л. И. Жиркова [1936].

Арабизмы, как составная часть лексики лакского языка, были предметом исследования в работе С. М. Хайдакова «Очерки по лексике лакского языка» [1961]. По мнению автора, лакский язык заимствовал из арабского преимущественно названия отвлеченных понятий и религиозно-мистические термины. Он также считает, что "единственной причиной, которая могла способствовать притоку арабских слов в лакский язык, был ислам" [Хайдаков 1961: 53]. Далее исследователь отмечает некоторые особенности семантического и фонетико-морфологического освоения арабизмов в лакском языке.

Арабские заимствования в лексике даргинского языка анализируются в статье М.-С. Мусаева «Заимствованная лексика даргинского языка» [1966: 161-173]. По мнению исследователя, наибольшее влияние в прошлом на даргинский, как и на другие дагестанские языки, оказал арабский язык, который охватывает различные области лексики. Автор изучает фонетические изменения в арабизмах, связанные с особенностями даргинской фонетики. В результате этих процессов в настоящее время большинство арабизмов в даргинском языке до того адаптировались, что они почти не отличаются от собственно даргинских слов. М.-С. Мусаев в своей работе уделяет внимание вопросам лексического и морфологического освоения арабизмов. Отдельный раздел посвящен арабизмам также в книге М.-С. Мусаева по лексике даргинского языка [1978].

Наиболее значительный вклад в разработку проблемы освоения арабских заимствований в лезгинском языке внесен Р. И. Гайдаровым. В монографии «Лексика лезгинского языка» [1966] изучаются основные группы заимствований в лезгинском языке, в том числе и арабизмов. Данная работа, в которой впервые применительно к лезгинскому языку освещаются вопросы развития и обогащения словарного состава языка, является одной из наиболее значительных по лексике лезгинского языка. В своем исследовании Р. И. Гайдаров дал тематическую классификацию арабизмов в лезгинском языке и указал на общие причины заимствования слов из арабского языка. Дана также подробная характеристика и основные пути освоения всех пластов заимствований в лезгинском языке. Однако, закономерности семантического и фонетико-морфологического освоения арабского пласта заимствований в лезгинском языке не являются предметом специального рассмотрения в работе «Лексика лезгинского языка».

Значительное внимание в лексикологических трудах уделяется прежде всего выявлению собственно заимствованного фонда и его те-

матической и семантической классификации. Группировка заимствованных лексем в тематические группы представляется нам существенным аспектом, поскольку позволяет дать компактную рубрикацию на сопоставимые по количественному составу классы лексем. В упомянутой выше работе по лексике лезгинского языка [Гайдаров 1966: 206 и сл.] мы находим следующую рубрикацию:

а) Наименования отдельных предметов;

б) Наименования веществ, полезных ископаемых, материалов;

в) Наименования людей по их профессии, специальности, роду занятий и особенностям нрава, поведения, возраста и взглядам;

г) Наименования отвлеченных понятий из области, науки, культуры и искусства;

д) Наименования отвлеченных понятий из области общественно-политических и экономических отношений;

е) Религиозные термины.

В монографии В. М. Загирова по исторической лексикологии лезгинских языков уделено внимание и арабизмам, в равной степени обнаруживаемым в различных лезгинских языках. В книге приводятся следующие ряды арабизмов:

Названия одежды и домашней утвари

ХАЛАТ, ПЛАЩ: лезг., буд. аба, таб. *гьаьба,* агул. *гIаба, аьба,* рут. *гь'аIба, аба,* цах. *хIаIба,* арч. *'аба* (араб. *'аба').*

СКАТЕРТЬ: лезг., таб., агул,, цах., буд. *суфра,* рут. *сухьра, суфра,* крыз. *суьфраь,* арч. *ссупра (*араб. *суфра*).

ПОСОХ, ТРОСТЬ: лезг. аса, таб. *гьаьса,* агул. *аьсса, гIаса,* рут. *аIса*, цах. *аIса*, буд. *гIаса,* арч. *'аса* (араб. *'аса̄*).

МЫЛО: лезг. *запун,* таб. *саьбун,* агул. *саIбун ,сегIбун,* рут. *сабын,* цах. *сапIын,* крыз. *сагIбун,* буд. *сабун,* удин. *сапIун,* арч. *сапун, супун* (араб. *с̣абун*).

ЧАСЫ: лезг. *сят,* таб. *сааьт*, агул. *са'гIат*, рут. *саIъ'аIт*, цах. *саьаьт*, крыз. *саьгIаьт,* буд. *саIат*, удин. *сагьад*, арч. *сса'ат* (араб. *са'а*).

Растительный мир

РАСТЕНИЕ (хлебное): таб. *маьгьсул,* лезг. *магьсул,* агул. *маьгьсул,* рут. *маьгьсул,* цах., буд. *махIсул* (араб. *маḫс̣ӯл).*

РАССАДА: лезг., таб., рут., цах. *штил,* буд. *шитил (араб. шатл).*

ЛЕН: лезг., цах. *канаб,* таб. *гиниб,* агул. *генеб,* рут. *ганаб,* буд. *ганап*, крыз. *гаьнаьб* (араб. *киннаб).*

Животный мир

НАСЕКОМОЕ: лезг. *гьашарат,* таб. *гьаьшарат,* агул. *гьаьшарат,* рут. *гIаьшарат,* цах. *хIаIшарат,* буд. *гьашарат, крыз. хIаьшарат* (араб. *ḫашара).*

ЖИВОТНОЕ: лезг. *гьайван,* таб. *гьаьйван* (лошадь), агул. *гьейван,* рут. *иван,* цах. *хIаIйван,* буд. *хIайван,* крыз. *хIаьйван,* арч. *хIаван* (араб. *хайуан).*

СКОТИНА: лезг. *мал*, таб., агул. *мал*, рут., цах. *мал*, буд., крыз. *мал* (араб. *мāл).*

ПАВЛИН: лезг. *тIавус,* таб., рут., арч. *тIавус,* агул. *тIаьвус,* цах. *тавус,* буд. *товус* (араб. *ṭавус).*

ОБЕЗЬЯНА: лезг., таб., агул., удин. *маймун* (араб. *маймӯн*) .

Названия веществ, полезных ископаемых и материалов

МАТЕРИЯ, АТЛАС: лезг., таб., агул., рут., буд. *атIлас*, цах. *кIилас*, крыз., удин. *атIлаз*, арч. *атIрас* (араб. *ъаṭлас*).

ЖЕМЧУГ: лезг., таб., цах. *мержан,* агул. *мержжан,* рут. *марджан*, буд. *мерджан,* арч. *маржан* (араб, *марджāн).*

АЛМАЗ: лезг., таб., агул., рут., цах., удин. *алмаз*, буд., арч. *алмас* (араб. *'алмāс*).

НЕФТЬ: лезг., таб., агул., рут., буд., цах., крыз. *нафт*, арч. *набт* (араб. *нафт)*.

МАЛАХИТ: лезг., таб. *лали*, рут. *лаъли*, буд. *лале* (араб. *ла'ла̄'*).

Строения и их части

БАНЯ: лезг., рут., буд., удин. *гьамам,* таб. *гьаьмам,* агул. *гIамам,* цах. *гьаьмаьм,* крыз., арч. *хIамам* (араб. *х̣амма̄м*).

БАССЕЙН: лезг. *гьавиз,* таб. *гьаьвуз,* агул. *гьаьвуз,* рут. *гьаьвуз,* удин. *гьовуз,* арч. *хIовзи* (араб. *х̣аўд)*.

ДВОР: лезг. *гьайат,* буд. *гьайат,* таб., агул. *гьаьйат,* цах. *гьаьйат,* рут. *хIайат* (араб. *х̣аййа)*.

ЭТАЖ: лезг., таб., буд. *мертеба,* агул. *мартаба* (араб. *мартаба*).[1]

КВАРТАЛ: лезг., рут. *магьле*, таб., агул. *маьгьла*, цах. *махаьлле*, буд. *махIла*, *магIал*, арч. *махIла* (араб. *махалла*).

Термины родства

ДЯДЯ (по отцовской линии): лезг. *амле*, таб., агул. *ими*, цах. *эмисти,* крыз. *эми*, буд. *аьми* (араб. *'амм*).

ПОТОМОК: лезг., таб., агул., рут. *велед* (араб. *валад*).

НАСЛЕДНИК: лезг. *варис,* таб., агул. *варис,* рут., цах. *варис,* буд. *варис* (араб. *ўарис̱)*.

Временные понятия

ВРЕМЯ, ЭПОХА: лезг. *вахт*, таб., агул., рут., цах., буд., удин. *вахт*, крыз. *ваьхт*, *вахт* (араб. *уакт)*.

ВРЕМЯ: лезг. *заман*, таб., агул., рут.., цах., буд. *заман* (араб, *за-ма̄н*).

ВТОРНИК: лезг. *саласа*, таб., агул. *талат*, рут. *саласад (йыгъ),* арч. *далат* (араб. *с̱ула̄са̄'*).

---

[1] Ср. рут. *мертебе* то же.

ВОСКРЕСЕНЬЕ: лезг. *гьаьд,* таб. *элгьет,* агул. *алгьад*, арч. *алхьат* (араб. *'ахад).*

Названия продуктов питания

ХАЛВА: лезг. *гьалва*, удин., арч. *гьалва*, таб. *гьаьлва*, рут. *гьавла*, цах. *гьаьлва* (араб. *халўа*).

ПРОПИТАНИЕ: лезг. *ризкьи,* таб., рут. *ризкь,* агул. *ризикь* (араб. *ризқ*).

ВАРЕНЬЕ: лезг., таб., агул., цах. *мураба*, рут. *мыраба, мираьпаьаь* (араб. *мурабба*).

Несмотря на отдельные фонетические неточности, в списке достаточно полно представлен материал разных языков лезгинской группы.

В сопоставительном плане рассмотрен ряд арабизмов А.-К. С. Баламамедовым [1992а], в т.ч. *накьыш* 'узор', *идара* 'учреждение, управление', *сиясат* 'политика', *шартI* 'условие', *баян* 'разъяснение', *маджбур* 'вынужденный', *манзил* 'расстояние', *'амр* 'приказ', *лаIле* 'жемчуг', *сен* 'год', *шере* 'улица', *миштерек* 'соучастник, сопричастный', *лугьат* 'язык, диалект', *тесдикI* 'подтверждение', *тIылаб* 'требовать', *назар* 'взгляд', *накьыш* 'узор', *беден* 'тело', *ифлатIун* 'Платон', *субут* 'твердость', *затэ* 'провизия', *сурат* 'портрет'. В данном списке вызывает сомнения лексема *сен* 'год', которая включается в число рефлексов соответствующей общедагестанской лексемы, ср.: буд. *сан,* крыз. *сан*, агул. *ис*, лезг. *йис*, таб. *йиси*, *йис*, цах. *сен*, хин. *уьс,* уд. *усен*, арч. *сан*, лак. *шин*, дарг. *дус*, багв. *решин*, авар. *сон*, чам. *реши*, ахв. *решен, реше*, кар. *решин*, тинд. *решен*, ботл. *реши* [см. Лексика 1971: 182]. С. Л. Николаев и С. А. Старостин [1994] возводят этот ряд к общесеверно-каказскому уровню, хотя исключают из него восточнолезгинскую изоглоссу.

Последние годы характеризуются повышенным вниманием дагестановедов к исследованию арабского пласта лексики дагестанских

языков. Расширение эмпирической базы исследований позволяет ставить и решать все более сложные вопросы, относящиеся к рассматриваемой проблематике.

В специальном исследовании, посвященном арабско-лакским лексическим контактам [Курбайтаева 1999], затрагиваются следующие проблемы:

(а) формирование и развитие письменности на основе арабского алфавита у народов Дагестана;

(б) фонетико-морфологическое освоение арабизмов, в т.ч. изменения в области консонантизма и вокализма; морфологическое переоформление арабских слов на лакской почве;

(в) лексико-семантическое освоение арабизмов, в т.ч. лексический состав арабских заимствований. Надо сказать, что предложенная Н. Б. Курбайтаевой классификация является одной из наиболее дробных, объединяя следующие группы лексем: 1. Религия. II. Человек, его душевное состояние, желания их проявления. Психические явления. (Имена существительные). III. Культура. Наука. Образование. IV. Духовные и физические качества человека. V. Государство и управление. VI. Предметы домашнего обихода. VII. Качества предметов. VIII. Номенклатура дней недели. Термины, связанные с понятием времени. IX. Род занятий. X. Растительный мир и сельское хозяйство. XI. Названия сооружений. XII. Термины родства. XIII. Торговля. XIV. Астрономические термины, природа. XV. Географические названия. XVI. Названия минералов. XVII. Ткани. Одежда. Украшения. XVIII. Медицина. Болезни. XIX. Военное дело. XX. Животный мир. XXI. Части человеческого тела. XXII. Продукты питания. XXIII. Личные имена собственные. XXIV. Прочее.

Несмотря на довольно подробный характер данной классификации, она не лишена определенных недостатков, касающихся группировки тех или иных видов лексики.

На наш взгляд, изучение арабизмов нахско-дагестанских языков представляет значительный интерес не только для кавказоведения, но и для изучения в Дагестане собственно арабского языка, интерес к которому в республике постоянно растет. Дагестанские языки отражают фонетические и семантические особенности многих арабских лексем, что позволяет при соответствующей методике преподавания более эффективно решать достаточно сложные вопросы практического изучения арабского языка.

Среди методов и приемов исследования, использованных в настоящей работе, можно отметить как принципы, характерные для лексикологических работ в целом (лексико-тематическая классификация, опора на контекст при анализе значения и т.д.), так и те приемы, которые характерны в специальных исследованиях заимствованной лексики.

Как представляется, при исследовании арабско-нахскодагестанских контактов следует учитывать также результаты работ по контактам рассматриваемых языков с языками других семей. В связи с этим полезные для нас материалы мы находим, например, в исследованиях по вопросам воздействия азербайджанского языка на дагестанские языки, в т.ч. в работах по тюркским заимствованиям в лезгинском языке [Саадиев 1957; Абукаров 1997], в трудах А. М. Асланова о взаимодействии азербайджанского и других языков, распространенных на территории Азербайджана [1965; 1982; 1989]. На материале будухского и хиналугского языков эта проблема рассматривалась А. И. Гамидовым [1982]. Влияние азербайджанского языка на вокализм хиналугского исследовал А. А. Магометов [1982]. Азербайджанско-удинские языковые взаимоотношения в широкой исторической перспективе рассматриваются в серии работ В. Л. Гукасяна [1966; 1972; 1973; 1977; 1978]. Результаты тюркско-дагестанских языковых контактов привлекали внимание и зарубежных языковедов [см. Outtier 1991].

Более или менее полным охватом заимствований из различных источников характеризуется монография Р. И. Гайдарова, посвященная лезгинской лексике [Гайдаров 1966], диссертации по ботлихской [Азаев 1975], табасаранской [Загиров 1978], арчинской [Самедов 1976], будухской [Ширинова 1976] лексике и др. Среди них наиболее важными представляются критерии определения непосредственного источника того или иного слова восточного происхождения (подробно о подходах к выявлению и анализу заимствованной лексики см. Загиров 1987: 98-101):

1. Фонетические критерии:

а) наличие в предполагаемом заимствовании нехарактерных для фонетической системы языка звуков или же их сочетаний; в арчинском языке, например, все слова с начальным *р-* являются заимствованными, в их числе и многие арабизмы: *рахIмат* ‘атмосферные осадки’, *рахIму* ‘пощада’, *рагIит* ‘раб, рабыня’, *риIзи* ‘быть согласным’ и т.д.;

б) наличие нерегулярностей в звукосоответствиях между родственными языками. В противном случае следует говорить все же о случайном фонетическом сходстве сопоставляемых слов. Так, из приводимых в работе по агульским арабизмам [см. Гайдаров, Гасанова 1996: 24-25] предполагаемых арабизмов, на наш взгляд, ряд лексем относится к исконной лексике и лишь случайно созвучен со своими арабскими коррелятами, в т.ч. *кьурц* “кусок” (< ар. кьурсатун?), *медж* “трава” (< ар. марджун?), *хев* “орех” (< ар. хавсун?), *дукI* “просо” (< ар. духнун?), *тIил* “веревка” (< ар. ?), *гъур* “заяц” (< ар. гьурайун?), *гIун* “спина” (< ар. гIункьун?), *нис* “сыр” (< ар. нишшун?), *некьв* “могила” (< ар. кьурсатун?), *хал* “комната” (< ар. халадун?), *хIур* “село” (< ар. хIуррун?) и др. На это указывает наличие закономерных звукосоответствий между родственными языками. Исконность большинства приведенных здесь слов подтверждается следующими лексическими сопоставлениями:

нисе ‘сыр’, ср.: крыз. *ниси*, буд. *нусу*, *нисаь*, цах. *ниссе,* хин. *э̃с*, таб. *ниси, нис*, агул. *нис*, лезг. *ниси*, *насу*, лак. *нис,* арч. *нисо*, дарг. *нуси*, гин. *ижу,* авар. *нису*, ботл. *инса*, тинд. *инса*, багв. *иса*, чам. *ӣса*, кар. *эса,* ахв. *иша,* анд. *исо* [см. Лексика 1971: 209]. Как видим, в случае признания арабского происхождения слова возникает проблема объяснения перехода *шш* > *с(с)* в большинстве дагестанских языков, при том что практически все дагестанские арабизмы *ш* сохраняют;

медж ‘трава’, ср. авар. *мичIчI,* ахвах. *мичIчIи, мицIцIи,* карат. *мичIчIи,* тинд. *мичча,* чамал. *мисIсI, мичIчIв,* багул. *мичIчI,* годоб. *мичча,* анд. *мичIчIи,* цез. *меччa,* хварш. *мич,* гинух. *меча,* гунз. *мич,* лак. *мечI,* арчин. *мач,* лезг. *маджв* ‘астрагал’, табас. *варжи, вырджи,* агул. *миджв,* цахур. *мадж* ‘астрагал’, крыз. *маьдж,* будух. *маьдж,* удин. *меч* [см. Лексика 1971: 165];

накьв ‘грязь’, ср.: цах. *н’акьв*, крыз. *кьум*, буд. *наькь*, уд. *кул,* таб. *накьв* ‘могила’, агул. *наькьв,* арч. *накьв*, лезг. *накьв*, авар. *ракьь*, гунз. *ракьь,* гин. *ракьь* [см. Лексика 1971: 186]. Близки к перечисленным по звучанию словам, хотя их генетическая связь с ними остается сомнительной, рут. *мыкь-лад* ‘грязный’, крыз. *кьириш*, цах. *микь,* лезг. *кьар, кьуруш,* арч. *мукьур*, хин. *макьал,* дарг. *рамкьа*, лак. *кьаIркьи* [см. Лексика 1971: 148];

хал ‘комната’, ср. чамал. *хад,* табас. *хал,* агул. *хал,* рутул. *хал,* цахур. *хав*[см. Лексика 1971: 197];

гъуIн ‘плечо’, ср. крыз. *хъунаь*, лезг. *къуьн*, таб. *гъуIн*, арч. *хъуIн.* Сопоставление находим во многих работах по сравнительно-исторической лексике и фонетике дагестанских и лезгинских языков [см. Лексика 1971: 122; Гигинейшвили 1977: 73, 85; Талибов 1980: 304; Загиров 1987: 77];

в) упрощение фонетического облика заимствования в языке-рецепиенте, которое проявляется, с одной стороны, в нейтрализации исконных фонематических противопоставлений и, с другой стороны,

в упрощении структуры слова за счет выпадения отдельных ее компонентов.

2. Морфологические принципы:

а) отклонение от обычного в рассматриваемом языке типа словоизменения; отметим в связи с этим, например, наличие у некоторых лезгинских тюркизмов формы множественного числа на *-лар/-лер* при стандартном аффиксе *-ар/-ер*;

б) наличие в языке-источнике морфологического членения слова при отсутствии такового в языке-реципиенте; в таких арабизмах, как *мактаб* 'школа', *китаб* 'книга', *мактуб* 'письмо' на арабской почве отчетливо выделяется трехсогласный корень и соответствующие словообразовательные модели, в то время как в нахско-дагестанских языках морфемное членение этих слов невозможно. Впрочем, нельзя не указать на возможность ложного членения, так наз. "народной этимологии" и т.п.

3. Семантические критерии:

а) в языке-источнике слово в большей степени является многозначным (в большинстве случаев семантические изменения при заимствовании сводятся к сужению объема значения;

б) в языке-источнике слово дает больший набор устойчивых идиоматических выражений;

в) наличие этимологических дублетов указывает на то, что один из вариантов является заимствованием (дублеты могут показывать и на разные источники заимствования).

4. Лингвогеографические критерии:

а) наличие у слова-источника широких параллелей в родственных языках при отсутствии таковых у заимствования;

б) наличие у слова-источника широких параллелей в родственных языках за пределами рассматриваемого ареала.

5. Историко-этнографические критерии:

а) возможность заимствования может подтверждаться сведениями об относительно позднем характере обозначаемой исследуемым словом реалии;

б) неисконность слова проявляется в несоответствии реконструируемого значения с эпохой, для которой предполагается реконструкция.

Критерии выделения арабизмов были рассмотрены Р. И. Гайдаровым и Р. Р. Гасановой, отмечающими, в частности, что "к арабизмам агульского языка нельзя отнести и такие слова, как *газит* "газета", *калуш* "галоша" (ср., однако, стр. 26 той же работы – С. З.), *шуфир* "шофер", *нафталин* и некоторые другие, которые не могли появиться и усвоены агульским в период арабо-агульских лингвистических контактов" [Гайдаров, Гасанова 1996: 17]. В то же время в этой работе в число агульских арабизмов включаются такие слова, как *лимунат* "лимонад", *шикалат* "шоколад" (с. 24). Первое берет начало из франц. limonade (< ит.) через русское посредство: впервые встречается у Петра III [см. Фасмер II: 498]. Второе восходит к ацтекскому (нахуатль), откуда пришло через испанский в другие европейские языки [см. Фасмер IV: 465].

При исследовании дагестанских арабизмов проблема осложняется трудностями определения непосредственного источника заимствования, поскольку, во-первых, многие арабизмы были усвоены дагестанскими языками через тюркское посредство и, во-вторых, в самом арабском языке выявляется значительный пласт иноязычной лексики, что, конечно, не позволяет относить ее с той же степенью вероятности к группе слов, усвоенных дагестанскими языками из арабского. Ср., например, такие предполагаемые арабизмы [Гайдаров, Гасанова 1966: 25], как *шагьбалут* "каштан", *беневша* "фиалка", разъясняемые на

персидской почве (< *шагь* + *балут*), *емиш* “фрукты”[2], *тапанча* “пистолет” с типично тюркской словообразовательной моделью и др.

В приведенном выше списке предусмотрены случаи контактирования двух языков – языка-источника и языка-реципиента. В нашем исследовании приходится также учитывать и третий компонент – язык-посредник, в качестве которого в различных ареалах арабско-нахскодагестанского контактирования выступали тюркские языки (азербайджанский или кумыкский), аварский и грузинский языки. Это обусловливает необходимость применения критериев разграничения непосредственных и опосредованных заимствований, которые во многом базируются на тех же принципах, что и критерии разграничения заимствованной и исконной лексики.

В статье А.-К. С. Баламамедова [Баламамедов 1992] о социолингвистических аспектах изучения заимствованной лексики высказываются некоторые соображения в пользу непосредственного освоения арабизмов дагестанскими языками. Все они имеют экстралингвистический характер: (а) дагестано-арабские контакты начались значительно раньше (в VII в.), чем с сельджуками (XI в.); (б) сельджукиды не были носителями культуры, способной оказывать в т.ч. и лингвистическое воздействие; (в) языком ислама оставался арабский, но не азербайджанский или какой-либо иной; (г) арабский же являлся языком делопроизводства в Дагестане.

Отметим, что в статье говорится об отсутствии в азербайджанском ряда слов арабского происхождения, в частности, в статье отсутствуют такие азербайджанские арабизмы, как *муштәрәк, тәләб, нәзәр, бәдән, сурәт*, хотя они и зафиксированы соответствующими

[2] Ср.: "Этимология слова *йемиш* довольно прозрачна, как утверждают этимологи, оно образовано от глагола *йе-* `есть' и первоначально представляло собой форму причастия прошедшего времени на -мыш..." ([Мусаев 1974: 247-248].

словарями. Представляется, что А.-К. С. Баламамедов не учитывает возможность заимствования дагестанскими языками большого количества арабизмов из тюркских уже в более позднее время. Тем не менее, можно согласиться с автором в том, априорное (по экстралингвистическим основаниям) приписывание проникновения любого арабизма в дагестанские языки тюркскому посредству трудно признать корректным, поскольку существовали и иные, не менее существенные каналы.

Источники и материалы исследования. Лексический материал нахско-дагестанских языков черпался, как правило, из двуязычных словарей. в При установлении семантических расхождений в заимствующем языке используются арабский толковый словарь (1960-1961) المعجم الوسيط لمجمع اللغة العربية القاهرة, а также словарь В. Ф. Гиргаса [1881], которые, на наш взгляд, в большей степени отражают семантику арабских лексических единиц в эпоху их интенсивного проникновения в языки народов Северного Кавказа, а именно периода XII - XIX веков. В меньшей степени использовался словарь арабского языка Х. К. Баранова [1976], который отражает современное состояние семантической системы арабского языка.

Анализ лексического материала нахско-дагестанских языков проводился в основном по дагестанско-русским и русско-дагестанским, нахско-русским и русско-нахским словарям, в связи с чем заметим, что до настоящего времени изданы словарные собрания далеко не всех восточнокавказских языков. В частности, нами были использованы:

- по нахским языкам: сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов И. Ю. Алироева [1975], русско-чеченский словарь [1978] А. Т. Карасаева и А. Г. Мациева, русско-чеченско-ингушский словарь [1966] А. Г. Мациева, И. А.

Оздоева и З. О. Джамалханова, чеченско-ингушско-русский словарь А. Г. Мациева и И. А. Оздоева [1962] и др.;

- по аварскому языку: Аварско-русский словарь Л.И. Жиркова [1936], отличительной особенностью которого является указание источника заимствования. Например, как арабизмы в нем помечены слова adab, adabijjat, ahlo, aħmaq (и производные от него на аварской почве), alat, albuxari, alipba, allah, aman, amanat, am(m)a, amro/amru, arbaħ, arz, asir, axir, azal и т.п.; аварско-русский словарь М.-С. Саидова [1967], в котором многие арабизмы имеют помету "устаревшее", и русско-аварский словарь М.-С. Саидова и Ш. И. Микаилова [1951], содержащий около 37000 слов;

- по андо-цезским языкам: чамалинско-русский словарь П. Т. Магомедовой [1999], содержащий около 8000 слов, цезско-русский словарь М. Ш. Халилова [1999], включающий около 7500 слов, и бежтинско-русский словарь М. Ш. Халилова [1996], объединивший около 7000 лексических единиц;

лакско-русский словарь С. М. Хайдакова [1962], русско-лакский словарь Г. Б. Муркелинского [1953] (34000 слов) и русско-лакский словарь Н.С. Джидалаева [1987] (10000 слов);

- по даргинскому языку: русско-даргинский словарь С. Н. Абдуллаева [1950] и русско-даргинский словарь М.-Ш. А. Исаева [1988] (ок. 11000 слов);

- по лезгинскому языку: лезгинско-русский словарь Б. Б. Талибова и М. М. Гаджиева [1966], русско-лезгинский словарь М. М. Гаджиева [1950] (35000 слов) и русско-лезгинский словарь Б. Б. Талибова [1966] (ок. 12 тыс. слов);

- по другим языкам лезгинской группы: русско-табасаранский школьный словарь А. Гаджиева [1957] (16220 слов), русско-табасаранский словарь В. М. Загирова [1988] (ок. 10000 слов); будухско-русский словарь У.А. Мейлановой [1984] и удинско-азербайджанско-русский словарь Г. Ворошила [1974].

Некоторые незначительные по объему словарные материалы были обнаружены также в различных грамматических очерках нахско-дагестанских языков и специальных статьях.

А п р о б а ц и я р а б о т ы . Основные положения диссертации были изложены в двадцати трех публикациях автора, в том числе двух монографиях. Ряд вопросов, связанных с темой настоящего исследования, выносился на обсуждение на различных общероссийских и региональных научных конференциях в Махачкале, Тбилиси, Баку и Москве. Диссертация обсуждалась в отделе кавказских языков Института языкознания РАН.

Глава I. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСТОЧНОКАВКАЗСКО-АРАБСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Представляется бесспорным то, что особенности функционирования и освоения заимствованной лексики в различные периоды развития лезгинского языка обусловлены многочисленными экстралингвистическими и лингвистическими факторами. По справедливому суждению Л. Б. Никольского, "проблема языковых изменений предстает как комплексная, требующая сочетания интралингвистического подхода со свойственным ему вниманием к внутрисистемным факторам с подходом социолингвистическим, который характеризуется повышенным интересом к воздействию на систему языка внешних, социальных факторов" [Никольский 1974: 65]. И, действительно, история развития лезгинского языка и проблема его языковых контактов представляет собой совокупность психологических, социальных и лингвистических вопросов, среди них экстралингвистические факторы, на наш взгляд, являются в значительной мере обуславливающими особенности проявления других аспектов этой проблемы. Не вызывает сомнения и то, что "конкретная история языков в связи с взаимоотношениями между народами помогает понять, почему именно данный язык оказал воздействие на другой и чем объясняется широта этого воздействия" [Будагов 1965: 120].

Известно, что процесс взаимодействия языков охватывает различные уровни языка. Однако степень проницаемости различных языковых уровней различна. Поскольку "лексический состав языка представляет собой открытое множество, и степень системной организация лексики является меньшей, чем в других уровнях языка, наиболее проницаемый уровень языка представляет собой лексика" [Баскаков

1972: 76]. Лексический уровень языка наиболее подвижен, что "связано с самой природой слова, его направленностью на действительность, соотнесенностью с предметом и понятием, в силу чего факторы материальных и культурных контактов (потребность в предмете или понятии), то есть факты внеязыковые, играют решающую роль в осуществлении заимствования на лексическом уровне"[Биржакова и др. 1972: 8]. К экстралингвистическим факторам относятся экономические, политические и культурные контакты между народами. Результатом этих контактов является "заимствование наименований вместе с заимствованием вещи, понятия" [Крысин 1968: 22]. Заимствование иноязычной лексики вызывается необходимостью дать наименование ранее не известному явлению действительности, с которыми носители заимствующего языка столкнулись вследствие общения о другим народом. Однако заимствования попадают в употребление не только с появлением новых вещей и понятий, проникновением новой терминологии, но и в связи с необходимостью тонкой и детализованной дифференциации названий, отражающих самые различные стороны жизни нахско-дагестанских народов, с обогащением синонимии.

Основываясь на исторических данных и последних достижениях социолингвистики, попытаемся проследить пути распространения арабского языка и определить его функциональный статус на территории Дагестана.

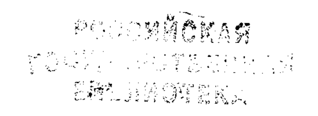
Известно, что дагестанская литература в своем первоначальном виде зародилась в оболочке арабского языка, выполнявшего для дагестанцев функции литературного языка вплоть до начала XX в.

Как отмечают исследователи истории Дагестана, одной из основных причин распространения арабского языка и арабской литературы были арабские завоевания и распространение ислама. Во второй четверти VII века началась полоса арабских завоеваний в Дагестане, Борьба арабов за усиление своего влияния в Дагестане продолжалась

вплоть до конца IX века. И действительно, ислам, а вместе с ним и арабская культура проникли на территорию Дагестана в результате арабской экспансии. Однако нельзя рассматривать утверждение ислама в Дагестане как процесс единовременный, охватывающий всю территорию Дагестана. Этот процесс протекал на разных этапах с различной интенсивностью и имел значительную временную протяженность, завершаясь лишь в XV-XV1 веках,

Важной причиной распространения арабского языка и литературы в Дагестане обычно называют то обстоятельство, что арабский язык понимался как неотъемлемая часть мусульманского вероучения, имевшего на определенном временном этапе большое значение в жизни феодального общества. Безусловно, религия и язык представляют собой общественные явления разного рода. Тем не менее между этими разнородными явлениями существует определенная связь, поскольку арабский язык, являясь подобно латыни в средневековой Европе, сакральным языком многих мусульманских народов Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Кавказа и Средней Азии, либо вытеснил местные языки как средство живого общения, либо оставил значительный след в истории культуры этих народов.

На наш взгляд, было бы неверно утверждать, что арабские войска, вторгшиеся на территорию Дагестана под флагом "войны за веру", насильственно насаждали арабский язык и письменность. Процессу распространения исламской религии и арабской грамотности активно способствовали сложившиеся в Дагестане социально-политическая ситуация, обеспечивавшая им режим максимального благоприятствования. В исторической и исламоведческой литературе содержится детальный анализ социально-экономических условий распространения ислама, а вместе с ним и арабской культуры на территории нашей страны и Дагестана, в частности [Петрушевский 1966; Шихсаидов 1969; Саидбаев I978]. Не вдаваясь в детали этого в доста-

точной мере изученного вопроса, отметим ряд основных причин широкого распространения мусульманской культуры в Дагестане.

Историческое развитие дагестанского общества, в котором ко времени арабских завоеваний утвердились раннефеодальные отношения и которое характеризовалось социальной и имущественной дифференциацией, происходило независимо от арабского, но по сходным с ним путям, что способствовало в ряде случаев ненасильственному принятию ислама в качестве господствующей идеологии и послужило фактором, способствовавшим переносу исламской культуры на дагестанскую почву. Отсутствие литературного языка межнационального общения, социальный престиж арабского языка как языка победителей, владение которым становилось символом принадлежности к высшим сферам дагестанского общества, а затем и основным признаком образованности, социальные условия функционирования идеологии, литературы и науки оказывали существенное воздействие на процесс распространения арабского языка в Дагестане.

К причинам успехов арабской письменной культуры на дагестанской почве следует отнести и существование установки на обладание знанием как важнейшей из ценностных ориентации в системе средневековой арабо-мусульманской культуры, поскольку в исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из условий веры; то, что приобщение к арабскому языку практически являлось существенным видом социальной стратификации, отсутствие формальных ограничений - кастовых и этнических на приобретение знаний, которое опиралось на теоретическое равенство всех мусульман перед богом, на концепцию единства исламской общины [Дургели: 3]. Важной причиной интенсификации развития арабской письменности следует признать и приток арабского населения в Дагестан. Как отмечал Назир Дургели, автор арабоязычного труда «Нузхат ал-азхан фи тараджим улама дагустан», "мусульманская об-

разованность проникла на Кавказ и в частности, в Дагестан с завоевателями и купцами" [Об этом см. Халидов 1985: 79]. И действительно, внешние завоевательные походы арабов, по данным А. Н. Генко, были тесно связаны с массовой миграцией арабского населения, принявшей в рамках халифата большие размеры. Дагестанская и азербайджанская топонимия отразила наличие населенных пунктов с арабскими жителями - Араб, Арабляр, Арабари и многие другие. Арабское население в Дагестане долгое время сохраняло свое лицо, свой язык [Генко 1941: 85-86]. Уже в середине X века, как отмечал А. Р. Шихсаидов, "Дербент стал мусульманским городом с мусульманской династией правителей. К городу прилегают ряд укрепленных населенных пунктов с арабским населением, приглашенным арабскими полководцами еще в VIII веке в целях укрепления позиций ислама и военных границ одного из важных участков северной части халифата" [Шихсаидов 1969: 148]. О масштабах и формах миссионерской активности можно судить по тому факту, что только в этот район было поселено около семи тысяч семей из Сирии и Месопотамии [Гамзатов 1978: 76]. То, что в Дагестане жили потомки арабских завоевателей, способствовало процессу распространения арабского языка, которое в конечном счете подготовило почву для развития арабской книжной письменности, а также арабоязычной литературы в регионе.

Расширению сферы функционирования арабского языка в Дагестане способствовали активные торгово-экономические и культурные контакты со странами Ближнего Востока, а также многочисленные случаи путешествий дагестанцев для получения знаний в различные центры мусульманской образованности, начавшиеся, по мнению Назира Дургели [ук. соч.], уже в эпоху Аббасидов (750-1258 гг.).

Представляется бесспорным суждение Г. Г. Гамзатова о том, что через арабский язык во "многие районы мира, в их числе и в Дагестан, проникали не одна теологическая схоластика, но и богатая во-

сточная словесность и эстетический опыт, положительная научная и эстетическая мысль. Посредством арабских источников дошли до глухих дагестанских гор отголоски древнегреческой, индийской, персидской и нередко западноевропейской классической литературы и философии... Являясь государственным языком дореволюционного Дагестана, будучи языком науки и литературы, арабский язык сыграл известную роль в преодолении разобщенности населяющих его народностей. В стремлении овладеть арабским языком, который по праву считался одним из мировых, международных языков, проявлялась духовная потребность горцев в знаниях, и овладение этим языком возводилось в признак образованности-. Однако охват арабским языком различных коммуникативных сфер, уровень его полифункциональности на разных исторических этапах не стабилен. Так, в истории распространения в Дагестане арабского языка и арабоязычной культуры И. Ю. Крачковский различает два периода: “На Кавказе мы можем проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями не глубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нараставшая с XVI века, постепенно создала в Дагестане, Чечено-Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии, местную оригинальную литературу на арабском языке” [Крачковский 1960: 611].

Изыскания ученых второй половины XX столетия – Л. И. Лаврова, М.-С. Д. Саидова, А. Р. Шихсаидова и др. – позволяют в рамках данной периодизации выделить более узкие временные границы.

Первый период можно датировать серединой VIII – началом X века. В этот период влияние арабского языка и арабоязычной литературы неглубоко затронуло местное население. Это доказывается историческими фактами, местной исторической литературой и памятниками культуры [Крачковский 1960: 612]. Можно предполагать, что

мусульманская культура в этот период была культурой лишь верхушки феодального общества, совершенно чуждой основной массе неграмотного населения, а художественная литература на арабском языке оставалась по существу элитарной сферой культуры.

Следующий этап (вторая половина X - XVII век) является временем более глубокой исламизации районов Дагестана и характеризуется расширением связей с Ближним и Средним Востоком. Процесс усиления культурных связей с мусульманским Востоком приводит к расширению распространения в Дагестане арабоязычной литературы, проникшей сюда в своих подлинниках.

Развивались также и оживленные торгово-экономические связи со странами Востока, на что указывают многочисленные находки монет и монетных кладов. И если первоначально интерес к арабскому языку был связан с исламом и лишь одним литературным памятником - Кораном, созданным на арабском языке, то впоследствии эта почва оказывается слишком узкой в связи с проникновением в Дагестан богатой литературы на арабском языке по самым различным отраслям средневековых наук [Шихсаидов 1969: 220].

Уже в этот период творческое усвоение памятников письменной культуры, созданных народами Ближнего и Среднего Востока» имело в Дагестане свое логическое продолжение - опираясь на достижения многих других народов, здесь были созданы первые местные произведения, наиболее ранние из которых можно отнести к X веку [Гамзатов, Саидов, Шихсаидов 1982: 217-218]. Это, как правило, исторические произведения» среди которых наиболее значительными были «История Ширвана и Дербенда» [Минорский 1963], «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи (XIV в.) [Шихсаидов 1977], «Хроника Махмуда Хиналугского» [Гамзатов, Саидов, Шихсаидов 1982: 218] и ряд других. Яркое представление об идеологической жизни Дербента в XI веке дает суфийский трактат «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-

дакаик» Абубакра Мухаммеда, сына Муса ад-Дербенди, рукопись которого датирована 1342-1343 г. [там же: 219].

Третий этап распространения арабского языка и литературы начинается с XVIII века и продолжается до 20-х годов нашего столетия. Именно этот период характеризуется наиболее активным распространением арабского языка на территории Дагестана в связи с расширением культурных контактов со странами арабского Востока и укреплением позиций ислама в Дагестане. В этот период, по справедливому суждению И. Ю. Крачковского, в Дагестане замечается своеобразный "ренессанс" арабской культуры. Вместе с тем следует отметить, что в это же время граница арабского влияния отчетливо перемещается на север [Крачковский 1960: 612].

На этом этапе изменяется и объем функций арабского языка в связи с дальнейшим расширением сфер его употребления, он постепенно распространяется на новые области коммуникации, а также на новые, ранее отсутствовавшие жанры письменности. Арабский язык начинает выполнять многообразные социальные функции, обслуживая различные сферы жизни общества – художественную литературу и религию, науку и публицистику, делопроизводство, государственное управление и школу.

Из стран Ближнего Востока поступала обширная литература на арабском языке. В Дагестане были популярны «Лейла и Маджнун», знаменитая антология «ал-Хамаса», «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна» и многие другие произведения арабоязычной литературы [Там же: 615; Гудава 1979: 145].

В связи с тем, что на арабский язык были переведены лучшие творения прошлого, дагестанцам стали доступны научные трактаты и поэтические произведения Востока и Античного мира. По произведениям арабских ученых дагестанцы знакомились с трудами таких ко-

рифеев античного мира как Аристотель, Платон, Гиппократ и других [Исаев 1986: 77].

Наряду с художественными произведениями получила распространение литература по многим отраслям средневековых наук: философии, астрономии, медицине, математике, истории, географии и другим.

В Дагестане были известны труды Ибн Халдуна, Фараби, Авиценны, ал-Захрави, ал-Хорезми и других средневековых ученых [Абдуллаев 1963: 10]. Известна была дагестанцам и "Космография" Казвини, являвшаяся своеобразной энциклопедией естественных наук.

Арабоязычная дагестанская литература и наука этого времени выросла на местной почве и не являлась лишь возрождением творческого периода общеарабской культуры, хотя и испытывала его значительное влияние. По своему содержанию научная и художественная литература на арабском языке в Дагестане носила самобытный характер. Третий этап развития арабоязычной литературы Дагестана ознаменован появлением оригинальных авторских сочинений различных жанров. Оригинальное творчество дагестанцев проявилось вначале в жанре толкований и примечаний на полях арабоязычных книг.

На базе арабской религиозно-философской литературы в Дагестане создаются конфессиональные труды, освещающие различные стороны мусульманского вероучения, уточняющие различные аспекты ислама. В частности, в связи с распространением в Дагестане суфизма были созданы труды, излагавшие сущность этого учения. Правила тариката накшбандийского толка, последователи которого жили в Дагестане, изложены в произведении Джемаладдина из Кази-Кумуха «ал-Аадаб ал-мардиййа» (изд.: Петровск, 1905), а также в сочинениях Абдурахмана из Согратля «Ал-машраб ан-накшбандиййа» (изд.: Темир-Хан-Шура, 1906) и Мухаммада из Ярага «Асар» (изд.: Темир-

Хан-Шура, 1910). Значительный книжный комплекс был представлен и нравоучительной литературой, имевшей в своем составе педагогическую установку и дидактическую форму.

Арабоязычная культура Дагестана выдвинула ряд авторов, прославившихся своими трудами на арабском языке. Среди них был и один из наиболее известных энциклопедистов своего времени Мухаммад из Кудутля (ум. в Алеппо в 1716 г.), круг интересов которого охватывал не только богословие, но и светские науки. Основоположником изучения медицины и астрономии в Дагестане считается Дамадан из Мегеба (ум. в 1718 г.), который перевел с персидского языка на арабский «Комментарии к Мукаддиме Улугбека» Хосайна ал-Бурджанди (ум. в 1523 г.). Дамадан из Мегеба в совершенстве владел математическими и естественными науками и в своих трудах подробно изложил их основные положения. Не менее плодотворно работал и Махад из Чоха (ум. в 1770 г.). Получив образование в Дагестане, он продолжал совершенствоваться в ал-Азхаре (Египет). Вернувшись в Дагестан, он преподавал математику, философию, логику и создал в этих областях ряд трудов. Своими трудами по мусульманскому законоведению известны Абубакар из Аймаки (ум. в 1790 г.), Дауд из Усиша (ум. в 1757 г.), Салман из Тлоха (ум. в XVII в.) и другие (об этом см. [Саидов 1960: 3-6]).

Наряду с трактатами религиозно-философского и морально-дидактического характера появляются и произведения других жанров. XIX век характеризуется небывалым взлетом в творчестве арабоязычных литераторов, создавших в этот период ряд произведений такого продуктивного жанра как региональная историография, являвшегося по существу началом жанра исторической прозы. Это, в основном, хроники, освещавшие движение под руководством Шамиля: сочинение секретаря Шамиля Тахира ал-Карахи «Барикат ас-суйуюф ал-джабалийа» (изд. АН СССР, под ред. И.В. Крачковского, 1940-1949),

зятя Шамиля Абд ар-Рахмана, а также посвященные восстанию горцев в 1877 году «Диван» Гасана Гузунова, «Диван ал-Мамнун» Гасана Алкадари и ряд других трудов.

Характеризуя распространение и сферы употребления арабского языка в Дагестане нельзя не упомянуть о его функционально-стилистическом членении. Наряду с дальнейшим углублением жанрово-стилистической дифференциации художественной литературы происходило и обогащение арабского языка в Дагестане функциональными стилями, включающими стили религиозной, а также тесно связанной с ней философской и морально-дидактической литературы, художественной литературы, научный стиль и стиль деловых документов и частной переписки. С развитием книгопечатания в конце XIX века в Дагестане интенсивно распространяется не только религиозная, но и научная литература на арабском языке, а научный стиль обогащается терминологией, которая относится не только к религии, но и к таким наукам как право, естествознание, история, география, филология, причем в каждой из этих сфер употребления вырабатывается особый функциональный стиль, имеющий свою терминологию, а подчас и фразеологию. Фактом, подтверждающим широкое распространение знания арабского языка в Дагестане в этот период может быть, на наш взгляд, и то, что в начале XX века на нем издавалась газета «Джаридат Дагестан» и журнал «Баййан ал-хака'ик», что в свою очередь дало толчок развитию газетных, публицистических жанров. По газетным публикациям на арабском языке горцам стали знакомы знаменитые «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, опубликованные в «Джаридат Дагестан», яркие памфлеты на международные темы публиковал журнал «Баййан ал-хака'ик». Вместе с тем, нам представляется бесспорным то, что арабский язык в Дагестане практически полностью отделенный от разговорных арабских диалектов и не связанный с живым повседневным общением на нем воспринимался гор-

цами как язык письменный, язык в определенной мере условный. Его функционирование было тесно связано с деятельностью ученых, богословов, филологов, с системой обучения. Отметим, что практически все дагестанцы, создавшие свои произведения, в частности стихотворные, на арабском языке знали его в совершенстве. Известно, что имена некоторых дагестанских ученых вошли в биобиблиографические словари ученых мусульманского Востока. Так, словарь, составленный в Алеппо, называет дагестанцев, являвшихся преподавателями арабского языка в Дамаске и Алеппо [Крачковский 1960: 610]. Побывавший в Мекке под видом мусульманина знаменитый голландский исламовед Снук Хюргронье писал о той роли, которую играли выходцы из Дагестана в ученых кругах Мекки [Крачковский: там же]. Любопытно упоминание йеменского ученого-араба Мухаммеда ибн Али аш-Шаукани об одном из дагестанских ученых: "Я не видел похожего на него в умении хорошо выражаться, пользоваться чистым языком, избегать в беседе вульгаризмов, прекрасно произносить речь. При слушании его слов мною овладел такой восторг и радость, что даже дрожь пошла по мне" [Крачковский 1960: 581]. Как отмечал И. Ю. Крачковский, "дагестанцы и за пределом своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей мусульманского мира в целом" [Крачковский 1960: 610] .

Поскольку основными жанрами арабоязычной литературы были жанры традиционные, опирающиеся на достаточно обработанную систему художественных и языковых средств арабской литературы, в рамках которой литератор или ученый как правило использовал строго определенные формы и средства, то каноничность жанров в свою очередь определяла устойчивость структуры и самого арабского языка, употреблявшегося в Дагестане, К внешнеструктурным признакам этого языка следует отнести насыщение его коранической лексикой,

архаичность грамматических и лексических средств, употребление просодического приема рифмованной прозы. Эстетическая функция арабоязычных текстов и в особенности текстов поэтических, усиливала отбор языковых средств, являясь стимулом употребления высокого стиля, высокой лексики. Овладеть этим языком можно было лишь путем длительного обучения и тренировки или благодаря особому дарованию, словесное искусство требовало отбора языковых средств, иначе нельзя было добиться выразительности и благозвучия стихов. Неверно было бы называть этот язык "искусственным". Он искусственен в такой же мере, как и всякий язык поэзии, литературы, это язык словесного искусства, который сложился путем выделения и обособления постепенного накопления признаков обработанной формы языка, отточенного многими поколениями ученых и филологов (об этом см. [Халидов 1985: 15]). Таким арабским языком в своей литературной практике пользовалась количественно ограниченная группа лиц, которая пользовалась известным культурным и политическим влиянием среди различных слоев населения Дагестана.

На другом полюсе находился максимально упрощенный язык, который в структурном отношении был подвержен сильной интерференции со стороны дагестанских языков. Как писал Гасан Алкадари в своем труде «Асари Дагестан», "некоторые полуграмотные муллы, умеющие лишь отпевать покойников... прибегают к арабскому языку и коверкают этот несчастный язык" [Алкадари 1926: 14]. Максимальной упрощенностью, нередко и просто наличием массы языковых ошибок характеризуется в частности деловой, канцелярский стиль дагестанских памятников, который в языковом отношении противостоит уже развитым на третьем этапе распространения арабского языка таким литературным жанрам, как поэзия, региональная историография, богословская литература. В этих памятниках отсутствует, либо выступает в более ослабленной форме художественная обработка

текста и отбор форм языкового выражения. На первое место в деловом стиле выходит традиция составления и оформления документов, и приводящая к стандартизации их языка и строения. Таким образом, арабский язык в Дагестане предстает не в виде гомогенной системы, а состоит из совокупности различных типов варьирования, часть из которых упомянута выше.

Тесно связан с вопросом функционально-стилистического членения арабского языка на дагестанской почве и вопрос специфических особенностей, присущих лишь дагестанскому арабскому.

Как мы уже отмечали, арабский литературный язык, представляющий собой строго кодифицированную систему, является языком с четко сложившейся исторической традицией в области литературного творчества и типами его словесного оформления и поэтому слабо проницаемым для иноязычных заимствований. Однако, говоря об языковых особенностях арабоязычных памятников Дагестана, отметим наличие в них, и особенно в тех, которые были созданы в XIX веке, многочисленной группы русских слов, в основном представляющих собой военно-административную лексику. Например:

русский император (Диван мамнун. С. 47)

подпоручик (Диван Мамнун. С. 95)

начальник (Диван Мамнун, С. 125)

князь (Диван Мамнун. С,125)

Многовековая традиция арабского языка в Дагестане создала и ряд других специфических особенностей, которым посвящены работы акад. Г. В. Церетели [1936], акад. И. Ю. Крачковского [1960], диссертационные работы Н. Г. Канчавели [1971], Т. С. Маргвенашвили [1953], Л. З. Лелашвили [1977].

Вышеуказанные авторы, анализируя ряд различных по своему содержанию памятников, отмечают, что разница между классическим арабским языком и арабским языком в Дагестане обусловлена как

своеобразием дагестанского арабского, так и в ряде случаев недостаточной осведомленностью авторов в нормах классического арабского языка. Остановимся на некоторых языковых особенностях арабоязычных памятников Дагестана:

1. Несоответствие некоторых огласовок нормам классического арабского языка;

2. Отмечено параллельное употребление местоимений с одними и теми же словами;

3. Отмечены случаи применения смешанного множественного числа (форма множественного разбитого + *āт*) вместо формы развитого множественного числа.

4. Имеются случаи нарушения правил согласования имен числительных с исчисляемыми.

5. Встречаются виды множественного числа, неизвестные арабскому языку.

6. Иногда определение предшествует определяемому. В данном случае это можно объяснить влиянием дагестанских языков, в которых определение обычно предшествует определяемому.

Графические особенности письма можно, по-видимому, объяснить недостаточным знанием писцами норм арабского правописания.

Так, в рукописях зачастую не соблюдаются правила написания хамзы. Если в одном случае оно правильное, то в другом оно нарушается. Отмечены и другие отклонения от норм классического арабского языка.

Другой особенностью письма дагестанских арабоязычных произведений была особая система пояснительных значков, имеющаяся в арабоязычных документах дагестанского происхождения, а также в некоторых рукописях других регионов, в частности Поволжья и Башкирии [Булгакова 1985: 69-71]. В процессе освоения арабоязычной литературы дагестанские ученые сталкивались с особенностями араб

ского синтаксиса, допускающего взамен повторения имен применение большого количества местоименных форм и суффиксов, что приводило к разночтениям. Система пояснительных значков позволяла допускать значительные отклонения от норм арабского синтаксиса. Первым известным документом, снабженным пояснительными значками, является рукопись «Анвар ат-танзил ва асрар ат-та'вӣл», переписанная Мухаммадом ал-Кудуки в 1664-1665 годах.

В XIX веке почти все арабоязычные документы в Дагестане были снабжены пояснительными значками. А. М. Барабанов, впервые выяснивший, что эти значки имеют не палеографическое, а смысловое и синтаксическое значение, в своей статье «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа» выделяет следующие виды пояснительных значков:

1. Значки связи подлежащего со сказуемым и имени с его местоименным суффиксом;

2. Значки связи имени с относящимся к ним указательным и относительным местоимениями;

3. Значки связи глагола и отглагольных имен с относящимся к ним предлогами;

4. Знак, указывающий на одновременность или непосредственную очередность действий [Барабанов 1945: 183-214; см. также Канчавели 1971; Маргвенашвили 1953].

Возвращаясь к вопросу о сферах употребления арабского языка, отметим, что в целом достаточно узкая социальная база функционирования арабского языка, являющаяся типичной для средневековых письменно-литературных языков, привела к развитию во второй половине XVIII века литературного двуязычия, когда наряду с широким употреблением во всех сферах литературного творчества арабского языка, дагестанцы, создав на основе арабской графики свой алфавит – "аджамское письмо", приспособленный к фонетическим особенностям

дагестанских языков, создают свои первые литературные памятники на местных языках, переводят с арабского языка произведения мусульманских ученых и литературоведов на языки народов Дагестана.

Древнейшим памятником, написанным на аварском языке с помощью "аджамского" письма, до недавнего времени считалось завещание аварского феодала Андуника, относящееся к 1485 году. В настоящее время таким текстом признается кородинская надпись XIII-XIV веков, описанная Т. Айтберовым [1985: 79-81]. Известно сообщение о переводе на лезгинский язык уже в XIII веке двух шафиитских сочинений по мусульманской догматике силами местных знатоков арабского языка [Генко 1941: 94]. Аджамский алфавит был окончательно разработан Дибир Кади из Хунзаха (1742-1817). Этот ученый, использовав для обозначения фонетических особенностей аварского языка диакритические знаки и тешдиды, разработал алфавит аварского языка, состоящий из 38 букв [Саидов 1948: 140-141]. О том, что письменностью на родном языке пользовались представители лезгин, лакцев, даргинцев, аварцев и других народов Дагестана, свидетельствуют сохранившиеся до наших дней многочисленные источники по различным областям науки и культуры. Ряд трудов на дагестанских языках был создан такими, в основном арабоязычными авторами, как Али Мухаммад ал-Багдади, Саид из Аракани, Мирза Али ал-Ахты, Гасан Алкадари и Гасан Гузунов.

Не претендуя на полноту охвата всего арабоязычного наследия дагестанских авторов, остановимся подробнее на творчестве некоторых из них.

Али Мухаммад Багдади

И. Ю. Крачковский в статье «Общие соображения о плане истории арабской литературы» [Крачковский 1956: 569], говоря о необходимости создания обобщающего труда по истории арабской лите-

ратуры, отмечал, что "арабская литература, как и арабская культура вообще, обязана своим развитием не только арабам, но и представителям целого ряда народов".

Считая, что эта история должна создаваться не по территориальному и этническому принципам, И. Ю. Крачковский признавал освещение развития в прошлом арабской литературы у народов СССР и арабоязычной литературы народов Северного Кавказа в частности, одной из насущных задач советского востоковедения.

Доказательным примером миссионерской деятельности арабов на территории Дагестана может послужить судьба Али Мухаммеда Багдади (ум. в 1655 г.) - поэта и политического деятеля, одного из наиболее известных людей своего времени. Основным источником наших сведений о нем служит труд Назира из Дургели, представляющий собой сборник биографий и образцов творчества дагестанских ученых и поэтов. Вот что пишет об Али Мухаммаде Багдади этот биограф: "Он выдающийся ученый и талантливый литератор, постигший науки в своей стране у лучших ученых своего века. И воспитывался он там под руководством своего шейха. А когда умер его шейх, наставник тариката, то он предпринял путешествие в Дагестан, преодолев все трудности дорог и тяготы путешествия. Прибыв в Дагестан, он осведомился о самом крупном шейхе этого края; указали ему на известного ученого, познавшего всевышнего Аллаха, Дауда из Кудали. А шейх Дауд, да помилует его Аллах, в это время проживал у шамхала в Тарках. Здесь Али Багдади и встретил Дауда из Кудали, остался жить в Тарках, женился, у него был сын Гази-Булат. Умер Али Багдади в Тарках в 1066 (1655) году"[Дургели: 11].

Известно также и то, что Али Багдади принимал активное участие в политической жизни Дагестана, находясь в должности кадия в Тарках при Ильдар-шамхале (ум. в 1635 г.) и Сурхай-шамхале, состоял в переписке с рядом ученых и политических деятелей .

Помимо арабоязычных стихов, трактата на арабском языке по морфологии персидского языка и труда по мусульманскому праву шафиитского толка, представляющему собой сокращение сочинения имама Абу-ал-Касема ар-Рафи (ум. в 623/1223 г.) [Гайдарбеков; Абдуллаев 1986: 45], Али Багдади был и автором ряда стихов, в основном суфийского содержания, созданных им на одном из региональных письменных тюркских языков - "северо-кавказском тюрки" [Оразаев 1987: 48]. Некоторые из его стихов были изданы в начале нашего века Абусуфьяном, сыном Акая из Нижнего Казанища [Маджму... 1903].

В книжной культуре Дагестана XVII века появляется набор поэтических сочинений на морально-этические темы жанра зухдийят, восходящего к средневековой арабской традиционной поэзии. Особый интерес для нас представляют арабоязычные стихи Али Багдади, в творчестве которого представлены наиболее ранние для Дагестана образцы поэзии этого жанра. Важно также отметить, что Али Багдади был одним из первых поэтов, чье творчество отражает первый этап развития дагестанской арабоязычной поэзии. Дагестанская поэзия на арабском языке в XVII веке почти не знает случаев отображения реальных исторических событий, затрагивавших судьбы горцев. В стихах жанра зухдийят Али Багдади придерживается традиционных для средневековой арабской поэзии тем: страх перед Аллахом и воздаяние за грехи, надежда на справедливый суд бога и мотив устрашения смертью. В зухдийят Али Багдади мы постоянно встречаемся с сентенциями дидактического и этического содержания, в них ярко звучит мотив обреченности человека, суеты и бренности его жизни.

Этот тленный мир обольщает нас, о тот, кто искренен,
Пренебреги им, и не желай его, а служи милостивому и
милосердному (Аллаху).

И убей в себе зло и бойся, о разумный, козней тленного
мира [Дургели: 12].

В своих стихах Али Багдади создает устрашающую, апокалиптическую картину страшного суда. Человек, по мнению поэта, слаб и грешен, он забывает о том, его рано или поздно станет добычей смерти, что ему предстоит беспристрастный и справедливый суд Аллаха. Поэт пишет:

О тот, кто следует за своим господом и вверил
свою душу Аллаху,
Если умер не покаявшись, то несчастна его душа
в адском огне.
Скверна пища, которую едят там ослушники, о несчастный,
Ужасна их одежда, ужасен напиток - кипяток (который
они пьют).
Откажись от всего того, чего хотят враги Аллаха,
и он будет с тобой, о несчастный [Дургели: 12].

В стихотворении, обнаруженном М.-С. Саидовым на титульном листе рукописи «Хашийят Ибрагим» [Ибрагим] и посвященном Фатиме - дочери своего современника, известного дагестанского алима Шабана из Обода, Али Багдади представляет тот идеал человека, который достоин благоденствий рая. Поэт пишет:

Мы молимся за деву, которая видит скрытое,
Как мать Исы от скверны очищенную,
Целомудренная, она скрыта от всех, кроме самых близких,
Наделена скромностью и поклоняется Аллаху,

Проводит все время в занятиях наукой и литературой,
Хранит ее от всех порицаний благочестивый характер.

В своем творчестве Али Багдади обращается также и к другой традиционной теме зухдийят – афоризмам дидактического характера – мотиву, основной задачей которого является своего рода предостережение от грехов и исправление человека. В одном из своих дидактических произведений поэт выступает противником курения:

Кто избегает курения - сохранит его Аллах от искушений дьявола,
Не пробуй его ни будучи дома, ни в путешествии.
И если есть у тебя разум, держись дальше от курения и остерегайся его.
Не пробуй /табак/, даже если у него прекрасный вид, о юноша,
Последуй моему наставлению, о эмир, добровольно.
Поистине, курение - это ересь неверных, о дорогой мой .

[Дургели: 12]

Поэзия Али Багдади не выдвигает каких-либо новых тем или мыслей, его зухдийят не выходят за рамки средневековой традиции. Его стихи и тематически и стилистически перекликаются со стихами средневековых арабских поэтов, мастеров жанра зухдийят, таких как Абуль Ала-ал-Маари, ал-Мутанабби и других.

«Круг учения» Саида из Аракани

Одним из наиболее крупных представителей общественно-политической, философской и художественной мысли Дагестана конца XVIII-начала XIX века был Саид из Аракани (ум. в 1834 г.). Основным источником наших сведений о нем служит книга Назира Дургели «Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагестан». Вся жизнь и

деятельность Саида из Аракани была характерной для плеяды поэтов, политических и религиозных деятелей начала XIX века. Как отмечал Г. Г. Гамзатов, в его богатом творческом наследии "можно различить воззрения теологического и философского направлений, изыскания филологического характера, сочинения эпистолярного жанра" [Гамзатов 1982: 138].

Саид из Аракани был внуком известного дагестанского ученого Абубакра Аймаки (ум. в 1790 г.), в семье которого он воспитывался после смерти своего отца Мухаммада, наступившей сразу после рождения Саида, а затем и учился в медресе своего знаменитого деда. Окончив курс образования в медресе, включавшего в себя курс богословия и права, литературы мусульманского Востока, а также арабского, турецкого и персидского языков, он продолжал обучение у других дагестанских алимов, в частности у Гасана Кудалинского. Затем Саид из Аракани был кадием в ряде аварских и даргинских аулов. Вернувшись в родное селение, он создал медресе, которому было суждено стать одним из наиболее популярных в Дагестане. Из его стен вышло более пятисот образованных людей, крупные ученые и политические деятели Дагестана.

У Саида из Аракани учились имамы Газимухаммад, Гамзат, Шамиль. Среди его учеников были как сторонники движения Шамиля и его идеологи (Магомед Яраги, Магомедтахир ал-Карахи), так и его непримиримые противники – Юсуф из Аксая (Яхсави), Мирзаали из Ахты.

Саид из Аракани, будучи одним из наиболее известных идеологов религиозной жизни начала XIX века, отворачивается от мюридизма, называя его последователей возмутителями и честолюбцами, составлял активную политическую оппозицию движению имамов, за что имам Газимухаммад разграбил его дом и отнял принадлежавшую ему

уникальную библиотеку (1830 г.), содержавшую, по преданию, более 1000 рукописей.

Саид из Аракани принимал активное участие в политических и военных делах противника создания имамата, казикумухского владетеля Сурхай-хана II (правил в 1789-1820 гг.), которому он посвятил ряд своих поэтических произведений, восхвалявших его достоинства. Другой противник мюридизма - таркинский владетель шамхал Мехти-хан II (правил в 1797-1830 гг.), состоявший на службе у русских, в своем письме, написанном Саиду из Аракани в ноябре 1825 года благодарит его за то, что "араканское общество, следуя вашим благоразумным советам, ведет спокойную жизнь" [Кавказский сборник 1886: 181]. Известен и факт встречи Саида из Аракани с главнокомандующим русской армией на Кавказе Ермоловым. Вот как описывает ее современник: "Ермолов уже давно слыхал о нем от шамхала и давно хотел с ним познакомиться, теперь представился этому благоприятный случай. Прибыв в с. Казанище, где тогда находился генерал-лейтенант Мехти, корпусный командир вызвал туда Саида и имел с ним несколько свиданий в доме шамхала, прикрыв их таинственностью даже от своих приближенных. В нем, по его словам, он нашел человека здравомыслящего, желающего спокойствия, на которого вполне можно было положиться. Заручившись его готовностью служить нашим интересам, Ермолов назначил ему жалование и потом выслал его ему через шамхала. Саид-эфенди совершенно оправдал его ожидания" [там же: 25-26].

Саиду из Аракани, о котором Гасан Алкадари в своем труде «Асари Дагестан» писал, что он "много преподавал, написал собственноручно много арабских книг и оставил много трудов своих"

[Алкадари 1929: 149], принадлежит богатое литературное и научное наследие[3].

Особый для нас интерес представляла касыда Саида из Аракани, являющаяся наставлением для учеников медресе, поскольку дает нам возможность проследить некоторые особенности обучения на одной из основных ступеней конфессионального образования дореволюционного Дагестана. Известно, что основными звеньями мусульманского образования были мектеб и медресе. Так называемая коранская школа не имела своей организационной структуры и обучение в ней азбуке и чтению Корана происходило под руководством грамотных родителей или родственников. Определенное представление об этой ступени образования может дать произведение А. Омарова «Воспоминания муталима». Он писал, что "у горских племен Дагестана родители считают священным долгом обучать своих детей арабской грамоте... Когда я начал говорить, то вместе с родным языком родители меня учили разным молитвам, так, что не будучи еще в состоянии перечесть на родном языке названия пальцев, я это знал уже по-арабски" [Омаров 1868: 14-15].

Следующий этап обучения - мусульманские школы низшей ступени, мектебы. Эти школы открывались при мечетях и преподавали в них муллы. Вот как описывал А. Омаров мектеб: "класс помещался на балконе, вдоль которого было положено длинное бревно, место за бревном было застлано соломой... На этой соломе лицом к бревну сидели ученики и перед каждым из них лежало по два плоских камня, поставленных так, чтобы могли на них лежать книжки или азбучные

---

[3] Известно сообщение о том, что, покидая Ахульго, Шамиль оставил все свои вещи и книги в этом селении. Держа в руках рукопись, переписанную Саидом из Аракани, он с сожалением воскликнул: "Какому врагу в руки ты попадешь!" [Крачковский 1960: 599].

доски" [там же: 316-317]. В мектебах продолжалось изучение Корана, заучивались различные молитвы, правила отправления религиозных обрядов, начала грамматики арабского языка.

Знания, которые получали ученики следующей ступени конфессиональной системы образования - медресе, были в большинстве случаев значительными и разнообразными. Школы этого типа имелись в ряде крупных селений Дагестана, они открывались либо при мечетях, либо для них строились специальные здания. Медресе, как правило, содержались за общественный счет. Обычно во главе медресе стоял один из известных дагестанских алимов, которые проводил занятия с учениками. Характер мусульманского образования в Дагестане, система и методы преподавания были сходны с методами и целями преподавания школ других мусульманских стран и помимо овладения грамотой состоял в совместном с мударрисом чтением, разборе и толковании различных сочинений. Как правило, алим, стоящий во главе медресе, являлся знатоком той области науки, которая входила в программу обучения в его медресе. Некоторые из дагестанских средневековых ученых считались признанными авторитетами в одной из областей науки: это могли быть знатоки грамматики, логики, риторики, юриспруденции.

Анализ рукописного наследия, сосредоточенного в фонде восточных рукописей ДНЦ РАН, а также ряд опубликованных материалов [Гамзатов, Саидов, Шихсаидов 1982; Гудава 1980; Гаджиева 1988; Тагирова 1988 и др.] позволяет выявить учебные пособия и предметы, изучавшиеся в дагестанской конфессиональной школе.

Как было отмечено, некоторые важные в этом плане сведения представляет поэма Саида из Аракани об обучении в школе, представляющая собой наставления ученику и получившая широкую известность в Дагестане. Поэма начинается с одной из общепринятых у средневековых дагестанских авторов форм подчеркивания своей

скромности ("Саид - ничтожный из современников") и обычных восхвалений Аллаха и его посланника Мухаммеда.

Одним из главных достоинств ученика Саид из Аракани считает умение "избегать неправильностей речи и искажения слов". Для того, чтобы достичь этого, по его мнению, следует изучать синтаксис (нахв) и морфологию (тасриф).

Наиболее распространенными учебными пособиями, по которым в дагестанских медресе изучали эти предметы, были: а) «Китаб ал-Унмузадж фи н-нахв» Махмуда ибн Омара аз-Замахшари (1975-1144), комментарий к этому труду Джамаладдина ал-Ардабили (ум. в 1626 г.), а также супракомментарии Ибрахима ал-Араши и Са'даддина ал-Барда' и б) сочинение Ибн ал-Хаджиба (ум. в 1248 г.) «ал-Кафийа фи-н-нахв», комментарии к этому труду, созданные Абдаррахманом ибн Ахмадом ал-Джами (ум. в 1492 г.) под названием «ал-Фаваид ад-Дийаийа» и Рукнаддином ал-Хасаном ибн Мухаммадом ал-Астарабади под названием «ал-Вафийа фи шарх ал-Кафийа», а также супракомментарии Мухаммеда ибн Умара ал-Халаби (ум. в 1456 г.) к труду ал-Астарабади и Абдалгафура ал-Лари (ум. в 1506 г.) к толкованию ал-Джами; в) грамматическая поэма Джамаладдина Мухаммада ибн Абдаллаха, известного как Ибн Малик (1203-1273) «ал-Алфийа фи-н-нахв», а также комментарии к ней Абдаллаха ибн Абдаррахмана ибн Акила (ум. в 1367 г.) и Абдаллаха ибн Юсуфа ибн Хишама (1308-1360). Ибн Хишаму принадлежит и известный дагестанским ученым труд под названием «ал-И'раб ал-каваид ал-и'раб»; г) сочинение Али ибн Масуда (XIV в.) «Марах ал-арвах» и комментарий к нему Ахмада ибн Динкузи ар-Руми (1421-1481); д) грамматический труд Иззаддина Абдалваххаба ибн Ибрахима аз-Занджани (ум. в 1258 г.) «ат-Тасриф ал-Иззи», комментарий к этому сочинению Саададдина Масуда ибн Омара ат-Тафтазани (ум. в 1389 г.) и супракомментарий Яхья ибн Ибрахима аз-Занджани (ум. в 1640 г.); е) сочинение Мухаммада ибн

Арджурума (ум. в 1323 г.) «ал-Арджурумийа» и пояснение к нему Халида ал-Азхари (ум. в 1499 г.); ж) грамматический труд Абдалкахира ибн Абдаррахмана ал-Джурджани (ум. в 1078 г.) под названием «ал-Авамил ал-миа‘» и комментарий к этому сочинению Хусайна Кули ибн Мухаммада, имеющего название «Таркиб миат амил»; з) сочинение Мухаммада ал-Баркави (ум. в 1573 г.) «Изхар ал-асрар фи-н-нахв».

Дагестанские филологи создавали и использовали в процессе обучения и оригинальную грамматическую литературу, представляющую собой обычно различные компендии, комментарии и супракомментарий вышеупомянутых трудов восточных авторов или переложения этих сочинений в учебных целях. Следует заметить, что работы дагестанцев были подчас более популярны среди учащихся медресе, чем первоисточники.

Так, перу дагестанского ученого Мухаммада из Кудутля (1623-1717) принадлежит сочинение под названием «И‘раб ал-Унмузадж», представляющее собой руководство по правильному чтению труда аз-Замахшари «ал-Унмузадж фи-н-нахв», пояснения к комментарию Ахмада ибн Хасама ал-Чарпарди (ум. в 1345 г.) труда Ибн Хаджиба «аш-Шафийа». Мухаммад из Кудутля также прокомментировал сочинение ал-Джурджани, назвав свою работу «Таркиб миат амил».

Другой известный дагестанский алим Магомедтахир ал-Карахи (1809-1880) написал как стихотворное переложение вышеупомянутого труда аз-Занджани, назвав свое сочинение «ат-Тасриф ал-максуд», так и комментарий к «ат-Тасриф ад-Иззи» под названием «Шарх тасриф ал-максуд». Магомедтахир ал-Карахи написал также супракомментарий труда ат-Тафтазани, назвав его «ал-Истиара ала дибажат шарх ал-Иззи», а исследованию супракоммендария Ибрахима ал-Араши он посвятил свою работу «Хашият дибажат Ибрахим».

Комментарий на труд аз-Замахшари «ал-Унмузадж фи-н-нахв» создал дагестанский филолог Муртазаали из Урада (ум. в 1865 г.), назвав его «Макис ал-масаил». Им же созданы супракомментарии к комментариям ал-Джами, а также собственные пояснения к труду аз-Занджани «Тасриф ал-Иззи» под названием «Раф^c ан-никаб».

Дагестанец Дауд из Усиша (ум. в 1758 г.) составил супракомментарии толкования грамматики арабского языка турецкого ученого ал-Чарпарди, а также супракомментарии толкования Ахмада ибн Динкузи ар-Руми труда «Марах ал-арвах», назвав его «Хашият Дауд».

Следующим необходимым компонентом образованности Саид из Аракани считает знание логики (мантик), а также изучение искусства ведения дискуссии (муназара), которое, по его мнению, является одним из способов достижения истины, приобретения новых знаний. Логику в дагестанских медресе изучали по труду «Китаб ал-Исагуджи» арабского философа Асираддина ал-Абхари (ум. в 1264 г.), комментарию этого сочинения Хусамаддина ал-Хасана ал-Кати (ум. в 1359 г.) под названием «Шарх ал-Исагудаи», а также различным супракомментариям. Среди трудов, посвященных искусству ведения дискуссии, наиболее известным среди дагестанцев были «ар-Рисала ал-валадийа» Сачакли-заде, а также «ар-Рисала ал-Адудийа» и «Рисала муназара» Ахмада ан-Надами.

Лишь достигнув мастерства в этих науках и желая "получить от науки благородство", по мнению Саида из Аракани, следует перейти к изучению труда «Джам‘ ал-джавами‘ фи усул ал-фикх» известного правоведа шафиитской школы Таджаддина ас-Субки (1327-1370) по

принципам права (усул ал-фикх), а также труда по догматике (илм ал-калам) Наджмаддина ан-Насафи (ум. в 1442 г.) «Акаид»[4].

Дагестанским алимам были доступны как комментарий труда ас-Субки, созданный Джалаладдином ал-Махалли (1389-1460), так и пояснения к труду ан-Насафи, написанные ат-Тафтазани. Знания в области права имели особое значение в жизни любого образованного дагестанца, поскольку находили применение в общественной практике. Как справедливо отмечал Г. Г. Гамзатов, "Богооткровенное право" (шариат) выступало регулятором всей общественной жизни края: им определялась нормативная этика, мораль, нравственная сущность горцев-мусульман, в конечном счете - весь их "образ жизни" [Гамзатов 1982: 63]. Саид из Аракани призывает изучать эти науки "для того, чтобы руководить людьми".

Однако, кто довольствуется тем, что изучил эти предметы, тот "ввергнут в заблуждение и оставляет в наследство жестокость и неповиновение", - восклицает Аракани, призывая изучать "науки сдерживающие" (улум аз-заджира), к которым он относит экзегез (тафсир ал-куран), изучение хадисов (ал-ахадис) и этику (илм ал-ахлак).

Из комментариев к Корану среди дагестанцев был наиболее известен труд упомянутого нами знаменитого египетского философа и правоведа Джелаладдина ал-Махалли и его ученика, продолжившего составление работы вод названием «Тафсир ад-Джалалайн» Джеладдина ас-Суйути (ум. в 1505 г.). Распространен был в Дагестане и другой труд по экзегезу - «Анвар ат-танзил ва асрар ат-та'вил», написанный Абдаллахом ал-Байдави (ум. в 1316 г.). Широкое хождение среди грамотных дагестанцев также имел труд под названием

---

[4] Изучение этого труда ан-Насафи как важный этап своей учебы отметил и известный арабоязычный дагестанский ученый Гасан Алкадари. См.: [Алкадари 1911: 31].

«Масабих ас-сунна» («Масабих ад-дуджа») - известное на Востоке собрание хадисов, принадлежащее перу Абу Мухаммада ал-Хусайна ал-Фарра ал-Багави (ум. в 1117 или 1122 г.)

Косвенным подтверждением того факта, что практически все вышеупомянутые труды были доступны как Саиду из Аракани - "учителю учителей", так и его многочисленным ученикам, может послужить наличие большого количества книг в библиотеке, перешедшей по наследству к Саиду от его деда Абубакра Аймаки, опись которых сохранилась в архиве дагестанского арабиста М.-С. Дж. Саидова. Упомянутая опись содержит в себе десятки наименований трудов по всему комплексу "мусульманских" дисциплин.

Согласно Саиду из Аракани, совершение добра и зла связано со знанием. Он считает, что "лишь тот из учеников, кто пришел в медресе для того, чтобы достигнуть совершенства" во всех науках, "свободен от грехов и подозрений". На учеников, "которые обучаются ради того, чтобы провести время", Аракани обрушивается с проклятием, объявляя их "дьяволами, источником низости и греха, которых проклинают и Аллах и весь народ".

Вся поэма Саида из Аракани пронизана просветительскими идеалами. В своих наставлениях он восхваляет науку, знания, разум, восклицая: "от науки большая польза и огромная выгода не только для религии, но и во всех областях".

Вместе с тем, анализ поэмы Саида из Аракани позволяет выявить пути проникновения арабской литературной традиции в Дагестан, определить, по выражению И. Ю. Крачковского, "круг чтения" и "круг учения" арабоязычных ученых и поэтов Дагестана.

«Диван» Гасана Гузунова

В XIX веке на территории Дагестана составлялись антологии на арабском языке, включающие в себя поэтическое творчество, сведения

о жизни поэтов, ученых, литературных деятелей - так наз. диваны. Благодаря реальному материалу арабоязычной литературы народов Дагестана мы имеем возможность получить представление не только о путях развития дагестанской поэзии XIX века, но и широко использовать его в качестве важного источника для изучения истории Дагестана дореволюционного периода.

«Диван» (антология), составленный Гасаном Гузуновым, автограф которого хранится в Рукописном фонде Института языка, литературы и искусства Дагестанского филиала РАН и практически не изучался до настоящего времени, включает в себя, помимо собственных прозаических и поэтических произведений автора, образцы творчества других дагестанских арабоязычных авторов XIX века. Рассматриваемая антология является не только памятником филологическим, но и ценным историческим источником, содержащим сведения и факты историко-культурного и социально-экономического характера.

Творчество Гасана Гузунова, известного дагестанского поэта, астронома и историка, родившегося в 1854 году в селении Кумух в семье простого горца, охватывает широкий круг вопросов. Способный юноша за сравнительно короткое время окончил полный курс духовного образования того времени, состоявший в обучении, помимо примечетской школы-медресе, у различных ученых-алимов. Кроме традиционных "мусульманских" наук Гасан Гузунов изучает также астрономию, математику, географию.

“Диван” Гасана Гузунова, составленный в 1873-1902 гг., дает возможность судить о внутренних противоречиях в имамате – военно-теократическом государстве, созданном Шамилем, способствовавших поражению движения под его руководством.

Известно, что в ходе борьбы Шамиля в имамате нарастали силы, которые ослабляли движение изнутри. Территория имамата была разделена на наибства. Во главе этих образований, в которых был создан

свой военный и духовный аппарат, стояли наибы, непосредственно подчиненные Шамилю. Многие из наибов, в руках которых была сосредоточена светская и духовная власть, злоупотребляли ею, использовали ее в своих корыстных целях, прибегали к грабежу и насилию. Теократическая система имамата создавала возможность обогащения привилегированного слоя, который постепенно разлагаясь, превращался в касту, угнетавшую население. Несмотря на то, что Шамиль создал институт контроля над деятельностью наибов (мухтасиба), наказывал их, а некоторые из них за злоупотребления были даже казнены, бесчинства наибов не прекращались. В то время как приближенные Шамиля сумели скопить в период войны огромные богатства, положение горцев ухудшалось под бременем поборов в пользу казны и нужд войны Шамиля. Горские массы тяготились длительной и разорительной войной, которая влекла за собой огромные людские и материальные потери.

Арабоязычные ученые и литераторы Дагестана в период движения Шамиля разделяются на два противоположных лагеря: на сторонников Шамиля и его противников, причем взгляды этих сторон на политическое положение Дагестана были прямо противоположны.

В третьей части «Дивана» Гузунова приведена бескомпромиссная полемика о том, достоин ли Шамиль править имаматом. Так, Юсуф Яхсави (ум. в 1857 г.), известный дагестанский поэт и ученый, утверждает в своей касыде, включенной в «Диван», что "достоинства Шамиля стали прахом, хотя и избран был он имамом" (л. 225). Не менее известный поэт того времени Хаджи-Мухаммад Согратлинский, отвечая Юсуфу Яхсави, пишет, что Шамиль уже является имамом

Даже если вы умрете, сокрушаясь.
Он распространял среди людей добро
И ведет их по верному пути (л.226).

Другой сторонник Шамиля, его секретарь и летописец, Мухаммад Тахир ал-Карахи в своей касыде утверждает, что

Достоинства Шамиля делают его великим,
Поэтому он был избран имамом.
Он оказался человеком, не имеющим себе равных,
Он является истинным приверженцем религии (л. 227).

В «Диван» Гасана Гузунова включены и стихи активного противника вооруженной борьбы с Россией арабоязычного поэта Мирзы али ал-Ахты (1771-1858). Попав в плен к Шамилю, в своих тюремных стихах он описывает разбогатевших и злоупотребляющих своим положением наибов, считая их источником зла и несправедливости. В своих стихах он проклинает руководителей имамата за тот дух насилия и жестокости, который установился в Дагестане в тот период.

Несомненный интерес представляет объяснение Гасаном Гузуновым во второй части «Дивана» причин и последствий восстания горцев Дагестана в 1877 г. Не пытаясь дать подробную характеристику социальных корней и характера этого восстания, изучению которых посвящен ряд работ по истории Дагестана, обратимся к рассказу Гузунова, в котором события того времени отражены сквозь призму личных наблюдений автора, современника восстания. Автор объясняет создание этой части «Дивана» "желанием сохранить события тех дней на все времена" (л. 47).

Причиной восстания, по мнению Гасана Гузунова, было то, что сын шейха имама правоверных - руководителя (амира) благочестивых Шамиля Гази Мухаммад-паша[5], который находился на службе у турков, написал жителям Дагестана, Чечни и Цунты послание, призывая

---

[5] Гази Мухаммад - старший сын Шамиля, умер в Мекке в 1903 г. См.: Бартольд В.В. Соч., т.2. ч.1. с.874

к началу борьбы с Россией. Первыми на призыв к противодействию и войне с Россией откликнулись жители Чечни, во главе их был Алибек хаджи. Затем последовало выступление жителей Цунты, а через несколько дней после этого русские начальники (хуккат) Дагестана приказали жителям селения Сogратли Гунибского округа выдать им хаджи, последователя толка накшбендийа[6] Абдурахмана Согратлинского (ас-Сугури)[7] для того, чтобы заключить его в тюрьму (харз) по причине того, что он был последователем тариката (накшбендийа). Жители Согратля отказались выполнить приказ и не подчинились, а пошли войной на русских (л. 44).

После достаточно подробного изложения хода восстания 1877 года автор рассказывает о том, что по приказу князя Меликова в крепости Гуниб были повешены руководители восстания, среди которых были имам Хаджи-Мухаммад Согратлинский, Абдул-Маджид-Мухаммад Согратлинский, Зубаир сын Башир-бека, Хаджи сын Катака, Муртазали из Телетли, Гази Мухаммад из Цудахара, а Джафар-хан и Храбрец Муса сын Алиша баши сосланы в Сибирь, но первый из них был оставлен в Шуре (Темир-Хан-Шуре) из-за своей болезни.

Далее Гузунов дает поэтическое описание событий 1877 года, состоящее из 9 глав, в которых автор в стихах описывает восстание, восхваляя деяния дагестанцев, оплакивая погибших и плененных. Во второй части "Дивана" приводится подробная переписка в стихах и прозе с друзьями Гузунова, сосланными в Россию в г. Козлов (ныне Мичуринск) Харуном, сыном Кади Казикумухского, и Мухаммадом Казикумухским. Эта переписка позволяет получить представление о повседневной жизни ссыльных дагестанцев после подавления восстания.

---

[6] Суфийский орден, основанный Бахааддином Накшбанди (1314-1389).

[7] Абдурахман Согратлинский умер в 1881 г. в с. Нижнее Казанище.

Как отмечал М.-С. И. Умаханов, "во многом несовершенная, эта письменность тем не менее являлась средством общения для известных слоев населения. Благодаря ей было создано значительное культурное наследие, представляющее собой совокупность литературных памятников, периодики, официальной и частной переписки [Умаханов 1979: 69]. Расширению объема функций дагестанских языков способствовало также и распространение книгопечатания, все больше переключавшееся к концу XIX - началу XX века с издания книг на арабском языке на публикацию дагестанских произведений, что в свою очередь расширило диапазон социального функционирования дагестанских языков. Уже к 1917 году в типографиях было издано около 400 наименований книг на дагестанских языках по различным отраслям знаний [Печать... 1983: 31].

Но с появлением письменности на дагестанских языках арабоязычная литература не перестает существовать. Происходит лишь определенное перераспределение сфер между арабским и дагестанскими языками. Если на местных языках создавалась поэтическая литература, многие трактаты по медицине, астрономии, математике, то на долю арабского языка остался весь комплекс коранических наук, правоведение и догматика, филологические труды, а также различные учебные пособия и компендии для медресе, поскольку именно с арабским языком был связан весь процесс преподавания и обучения.

Таким образом, говоря о процессе распространения арабско-дагестанского двуязычия не только как средства коммуникации, но и применительно к развивавшемуся в Дагестане литературному творчеству на арабском языке, этот процесс можно условно разделить на два периода, которые тесно связаны друг с другом:

1. Период, предшествующий билингвизму, когда арабским языком в Дагестане владеет лишь незначительная часть населения. Сфера функционирования арабского языка в Дагестане в этот период огра-

ничивается лишь областью мусульманской религии и культуры, Двуязычие в антагонистическом социально неоднородном обществе является социально обусловленным, охватывая определенные слои населения. А. М. Барабанов отмечал, что носителями арабского языка, до конца XVII века являлись представители мусульманского духовенства и феодальная верхушка; широким массам он был фактически неизвестен и недоступен [Барабанов 1945: 208]. Это было связано с тем, что подавляющее большинство народа было неграмотным, далеко от современной ему культуры и науки. И хотя дагестанцы и исповедовали ислам, арабский язык был им чужд, и в своей основной массе они арабского языка не знали.

2. Период, характеризующийся возросшим числом лиц, владеющих арабским языком, с расширением сети примечетских медресе, обучение в которых ведется на арабском языке. Арабский язык становится не только языком отправления культа, но и письменного общения вообще, авторитет и престиж которого в обществе был очень высок. Это язык деловой и административной переписки, школы, средство межнационального общения интеллигенции Дагестана. Как отмечал И. Ю. Крачковский, "в первой половине XIX века в Дагестане закрепляется любопытное в языковом и литературном отношении явление. В живом употреблении, в быту существует большое количество местных разнообразных языков, не имеющих письменности и не получивших литературной обработки. Основным и часто единственным общепринятым письменным языком оказывается арабский в его литературной "классической" форме, на нем производится вся административно-деловая переписка, он поддерживается школьной традицией, на нем создается местная письменность как в прозаической, так и стихотворной форме" [Крачковский 1960: 574]. Не следует игнорировать и факт, отмеченный известным кавказоведом А. Н. Генко, который ссылаясь на немецкого ученого Штюкера, бывшего на Кавказе в

1858 году, утверждал, что "живая арабская речь звучала в горах Кавказа отнюдь не в мечетях и не с религиозными целями, а под открытым небом на политических сходах народа, где обсуждались самые основные жизненные вопросы..." [Генко 1941: 108-109].[8] Вплоть до 20-х годов нашего столетия арабский язык занимал в Дагестане прочные позиции, оставаясь наиболее распространенным языком, выполнявшим для горцев функции не только литературно-письменного языка, но и языка деловых отношений среди жителей Дагестана. В начале прошлого столетия "нетрудно было встретить лиц, не только вполне владеющих арабским литературным языком, но и хорошо знакомых с законами метрики, всеми традиционными приемами арабской классической поэзии, легко пользующихся ее формами в своей литературной практике" [Крачковский 1960: 609-610].

Справедливо замечание А. А. Исаева, считающего, что "усвоение арабского языка и письменности диктовалось не одними религиозными потребностями горцев, но и их жизненными интересами" [Исаев 1970: 179].

Таким образом, в Дагестане к концу 18 - началу 19 века закрепляется явление двуязычия, которое У. Вайнрайх определяет как "практику попеременного пользования двумя языками" . Одним из спорных вопросов в современной социолингвистике является вопрос о том, какого уровня владения вторым языком должен достичь индивид, чтобы считаться билингвом. Так, например, О. С. Ахманова определяет двуязычие как "одинаково совершенное владение двумя языками" [Ахманова 1969: 125]. Более правильным, на наш взгляд, представляется мнение А. Мартине, считающего, что достижение

---

[8] Это замечание остается дискуссионным, поскольку в качестве регионального языка межэтнического письменного и устного общения в Дагестане использовался и кумыкский язык (северовосточный тюрки) [см., например, Кононов 1982: 49].

одинакового совершенства в обоих языках представляет собой несомненное исключение [Мартине 1972: 84]. Равное владение двумя языками существует лишь в относительном приближении, так как более низкая степень владения вторым языком (в данном случае арабским) обусловливается более узкой сферой его функционирования и меньшим опытом пользования им.

Усвоение чужого языка в писательском сознании, как полагают исследователи, изучавшие проблемы двуязычия в литературном творчестве, имеет предел [Алексеев 1981: 11]. Основываясь на изучении двуязычного творчества европейских литераторов, Г. В. Степанов приходит к заключению, что "при изучении билингвизма у писателей следует иметь в виду, что знание двух (или тем более нескольких) языков не может быть абсолютно одинаковым, и всегда есть возможность установить, какой язык для писателя является основным (или может быть и “материнский" и "чужой язык”) и какой - вторым, дополнительным" [Степанов 1976: 183]. Невозможность сосуществования двух, абсолютно независимых друг от друга языковых систем в создании билингва признается спорным и с точки зрения психологии, о чем см.: [Павлов 1951: 243].

Обращаясь к творчеству дагестанцев ва арабском языке и в частности, к их поэтическим произведениям, можно сделать вывод о справедливости этих заключений, поскольку в большинстве случаев в их творчестве отмечается интерферирующее влияние первичной языковой системы. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что язык дагестанских поэтов, писавших на арабском языке в большой степени приближается к арабскому литературному языку. Это связано с рядом причин, не последнее место среди которых занимает то, что дагестанская арабоязычная поэзия заимствовала из арабской средневековой литературы свод заранее заданных жанровых, тематических, метрических и образно-стилистических правил. Каноничностъ этих правил,

проявлявшаяся уже в самом содержании, была обусловлена тем, что следование традиции в средневековой поэзии было обязательным, а отступление от нее рассматривалось как незнание элементарных правил. Не следует забывать и то обстоятельство, что хотя творчество дагестанцев связано не с чужой, а со своей национальной средой, практически вся интеллектуальная жизнь, весь процесс их творческого роста, все образование и воспитание на определенном временном этапе было тесно связано с арабским языком.

Безусловно, с точки зрения художественно-эстетической ценности не все стихи дагестанцев на арабском языке равнозначны, поскольку поэты отличались друг от друга как по уровню знаний, так и по степени их поэтического дарования. Однако в ряде случаев знание арабского языка горцами доведено до такого совершенства, а их поэзия достигает такой чистоты тона, что невозможно сделать вывод о том, принадлежат ли они неарабу и проявляются ли в них элементы первичной языковой системы.

Сходства и различия арабской и арабоязычной литературы Дагестана (касыда)

Литература на арабском языке, так же как и арабо-мусульманская культура дореволюционного Дагестана, имеет многовековую историю, богатые идеологические и эстетические традиции, Арабоязычная поэзия Дагестана усвоила пришедшие с Востока темы и сюжеты, образы и предания, формы и жанры. Дагестанцы, писавшие на арабском языке в своих поэтических произведениях разрабатывали обширный круг тем, среди которых мы встречаем стихи религиозного характера, сатиру, осуждающую человеческие пороки, а также этико-дидактические поучения, философские рассуждения о судьбе человека и человечества, поэзию панегеристического содержания, а часто и

стихи, содержащие социальный протест против несправедливости и гнета.

Типологически соотносясь с арабской средневековой литературой, дагестанская поэзия на арабском языке имела и свои специфические особенности. Черты общности средневековой арабской и арабоязычной дагестанской литературы не должны заслонять существенные различия между ними как в процессе художественного осмысления действительности, так и в жанровом разнообразии и литературных формах.

Показательным примером типологического единства и ряда существенных отличий арабской и арабоязычной поэзии Дагестана может послужить такая традиционная форма поэтического творчества как касыда, занимавшая существенное место в творческом наследии дагестанских поэтов.

Известно, что касыда является одной из наиболее древних и популярных форм арабской поэзии. Как отмечал И. Ю. Крачковский, в касыде слились все жанры арабской поэзии, кроме траурной элегии и сатиры. Как правило, арабская касыда - это длинное стихотворение (до ста строк и более), написанное в одном размере, непременно с одной рифмой, и несмотря на отсутствие единой сюжетной линии, включает в себя ряд основных тем, следующих друг за другом по строго заданной схеме. Число всех возможных сюжетов, которые варьируются в разных произведениях, по мнению Б. Я. Шидфар, можно свести к одиннадцати, из которых в каждой касыде должно присутствовать не менее четырех-пяти сюжетов [Шидфар 1974: 11-12].

Первая часть касыды - это обычно описание встречи с покинутым кочевьем, где когда-то поэт провел дни, воспоминания о встречах с любимой и времени разлуки с нею. Другая не менее важная и наиболее постоянная часть арабской касыды носит описательный характер. Поэт ведет подробный рассказ о своем пути по пустыне, о принадле-

жащем ему верховом животном (коне или верблюде), встречаются описания животных - обитателей пустыни. Если эти сюжеты встречаются практически в каждой арабской касыде, то заключительная часть менее стандартизирована. В ней автор обычно воспевает свои личные подвиги или славные деяния своего племени, восхваляет то лицо, к которому он едет. В этой части иногда присутствует описание кровавого сражения, набега, акта мести. Такова, в общих чертах, канва и неизменный фон арабской касыды, бытующей в арабской поэзии с древнейших времен и до наших дней. Показательной иллюстрацией поэтического канона, которому следуют и в настоящее время арабские поэты, может послужить пример, приведенный И. Ю. Крачковским в статье «Арабская поэзия». Говоря об одном из международных конгрессов востоковедов, И. Ю. Крачковский отмечал выступление египетского делегата, который в приветственном стихотворении, описывая выезд из Каира, проливает слезы над следами покинутого кочевья, потом мчится на быстроходном верблюде по опасной пустыне, чтобы прибыть в Вену или Стокгольм и воспеть правящего там властителя [Крачковский 1956: 252].

Касыда в том традиционном, каноническом понимании, которое свойственно арабской поэзии, в Дагестане не встречается, хотя многие дагестанские авторы называют касыдой свои произведения, как по структуре, так и по теме и содержанию отличающиеся от этой традиционной формы арабской поэзии. Трансформация в условиях Дагестана этой формы арабской поэзии нами прослеживается, в частности, в касыде Мухаммеда из Согратля (ас-Сугури), посвященной движению имамов в Дагестане в первой половине XIX столетия, в которой отражены как реальные общественные явления, так и отношение поэта к действительности, его чувства и переживания,

Автор этой касыды, Мухаммед из Согратля, родившийся в первой четверти XIX века в семье одного из самых близких сподвижников

имама Шамиля, принадлежал к числу наиболее образованных дагестанцев своего времени. Отец поэта, Абдурахман из Согратля, духовный наставник Шамиля, был одним из известных идеологов религиозной жизни Дагестана XIX века, ученым, автором ряда поэтических произведений на арабском языке. Перу Абдурахмана из Согратля принадлежит труд «ал-Машраб᾿ан-накшбандийа» (издан в 1909 году в Темир-Хан-Шуре), излагающий сущность суфизма накшбандийского толка, одним из главных проводников идей которого в Дагестане был отец поэта. Абдурахман из Согратля принимал также активное участие в политических и военных делах Шамиля в качестве главного инспектора государственного аппарата имамата.

Традиционное начальное образование Мухаммад из Согратля получил под руководством своего отца. Арабский, персидский и турецкий языки, риторику и хадисы он изучал у Шафи-Гаджи из Согратля (ум. в 1835 г.), который после завершения курса обучения в известном египетском университете ал-Азхар вернулся в родное селение и открыл там медресе. Курс богословия и мусульманское право, философию античного мира и Востока он осваивал под руководством другого знаменитого согратлинца, Махди-Мухаммада, автора сочинений по философии, богословию и логике [Алкадари 1929: 149]. Завершив курс своего образования, Мухаммед из Согратля занимался преподавательской деятельностью в ряде аварских аулов, затем был назначен муфтием и наибом Шамиля. После падения имамата и пленения Шамиля Мухаммад из Согратля вместе с рядом известных военных и религиозных деятелей имамата эмигрирует в Турцию, оставив на попечение родителей своего сына.

В турецком городе Карсе он был принят его губернатором, в доме которого он жил в качестве почетного собеседника и наперсника. В Турции Мухаммад из Согратля создает ряд поэтических произведений на арабском языке, отражавших внутреннее состояние поэта: в своих

стихах он возвращается к теме судьбы своей родины, говорит о любви к своим близким и своему народу (касыда «Эти строки пишу»). Живя на чужбине, Мухаммад из Согратля предпринимает ряд по неизвестным причинам неудавшихся попыток переселения своей семьи в Турцию. Умер поэт в 1870 году в Карсе.

Касыда Мухаммеда из Согратля, посвященная борьбе горцев за свою независимость в 20-50-х годах XIX века получила в Дагестане большую популярность. Известны ее списки в исторической хронике Мухаммад-Тахира ал-Карахи «Барикат ас-суйуф ад-дагустанийа», поэтической антологии Гасана Гузунова «Диван» и ряде других рукописей. Касыда была также издана в Стамбуле в 1909 году под редакцией Саид-Тахира, сына Абдурахима из Рукели вместе с касыдами Мухаммад-Тахира ал-Карахи и Курбан-Али из Салта, также посвященными борьбе горцев Дагестана в 50-60 годах XIX столетия.

Характеризуя особенности касыды, отметим, что ее первая часть, на наш взгляд, тесно связана с жанром, традиционно определяемым арабской средневековой литературой как зухдийят - стихи на морально-этические темы. К числу основных вопросов, традиционно решаемых в стихах этого жанра арабской поэзии, принадлежит мотив превратности времени, тесно связанный с темой бренности жизни.

"Время ужасное состоит из трудных дней

Но ранят даже это страшное время", - восклицает поэт, "а беды и несчастья громоздятся друг над другом как скалы на горных вершинах". В этой части звучит также обычная философская тема безжалостного рока, который неизбежно поражает всех:

"Поражает нас рок несчастьями
А цель несчастья - это строй благородный".

Мухаммад из Согратля говорит о том, что жизнь дагестанцев под гнетом завоевателей стала невыносимой:

Наступило господство неверных, победили они
И захватили они наши дома.
Поэтому стали для нас темными дни,
Превратились для нас дни в ночи от наступившего мрака
И стеснились для нас земные просторы от горя...

В стихах этой части поэмы проявляется характерная как для арабской поэзии, так и для арабоязычной поэзии Дагестана морально-этического направления особенность как мысли о тщетности усилий человека, бренности жизни, несправедливости устройства мира, так как, по мнению поэта, в споре между добром и злом постоянно побеждает зло. На протяжении всей поэмы поэт постоянно возвращается к традиционному для арабской поэзии образу-штампу судьбы, готовой поразить любого человека, даже если это человек сильный, храбрый и благородный. И в этом плане многие идеи и поэтические образы касыды Мухаммада из Согратля восходят к соответствующим строкам арабской средневековой классики. Поэт писал:

Однако же изменчивость времени
Унижает гордых и возвышает притеснителей.
Обернулось время для нас лишь бедой и несчастьем,
Враждуя с нами, выбрав именно нас из всех людей.

С этим мотивом тесно связана выраженная в касыде с большой экспрессией тема смерти, тема ушедших поколений:

Тысяча приветствий и мир
Тем, кто пал за веру в мусульманских пределах.
Они предпочли удовольствиям жизни
Под господством неверных, агонию смерти.
Да и что остается мужчине, кроме того, чтобы предпо-

честь смерть
Жизни бесполезной.

Фоном трагедии поражения борцов за свободу, заключительный аккорд которой - окружение крепости Гуниб и пленение имама Шамиля, поэт сравнивает с днем страшного суда, является природа. Сама природа защищает горцев, нашедших свое последнее убежище в высокогорной крепости, на склонах горы Гуниб:

Самая высокая гора - Гуниб.
Не нуждается она в укреплениях для ее защиты.
Она находится в защищенном ущелье
И прегражден путь к ее вершине.
Окружили ее стены утесов
Со всех сторон, как облака.

Но от предопределений рока, по мнению поэта, имама Шамиля не может спасти и неприступная крепость.

Вторая часть касыды, в которой Мухаммед из Согратля смело обращается к злободневным для его поколения социальным и политическим проблемам, начинается с восклицания, тесно связанного с фольклорными мотивами дагестанской дореволюционной поэзии. Начиная свой рассказ о движении имамов в Дагестане, поэт пишет:

О если бы тебе удалось увидеть все то, о чем я расскажу,
То закричал бы ты от плача и не был бы обвинен в этом.
Если ты способен удивляться, то самая удивительная из новостей -
Мой рассказ, послушай его внимательно.

После краткого рассказа о деятельности двух первых имамов Гази-Мухаммеда и Хамзата, перед читателем предстает образ Шамиля,

давшего покровительство людям, творящим добро, время правления которого "стало временем счастья и побед". Говоря о Шамиле, автор прибегает к образу близкому к гиперболе. Рисуя портрет имама, поэт как бы нанизывает образы: перед нами идеальный правитель, разрушающий лишь с помощью мечей неприступные крепости врага, навстречу которому с улыбкой идет сама судьба, а войска врага повержены и спасаются бегством. Мухаммед из Согратля, объясняя поражение Шамиля лишь превратностями судьбы, неожиданно разгневавшейся на имама, в то же время достоверно воссоздает межклассовую напряженность, существовавшую в имамате, и постепенно нараставшую по мере укрепления власти новой знати из влиятельного духовенства и узденьства. Поэт открыто обвиняет Шамиля в том, что он передоверял управление делами своего государства наибам, которые стали бедствием для своего народа, наместниками зла. Мухаммед из Согратля пишет:

Поручил Шамиль наибам быть попечителями народа,
А они были как волки над стадом.
Наказывал он им быть справедливыми и бесстрастными,
А наибы приумножили произвол и насилие...
Наибы погубили две вещи, отданные имаму на хранение:
Данный богом закон и соблюдение долга.

Поэт сетует на изменившиеся нравы своих современников после пленения Шамиля, падение нравственности, забвение моральных ценностей. И эта обобщенная социальная сатира, обличающая не пороки отдельного человека, а пороки современного Мухаммеду из Согратля общества. Несмотря на подчеркнутый скептицизм поэта, касыда завершается его обращением к судьбе, которая, по его мнению, дарует горцам лучшее будущее.

Касыда Мухаммеда из Согратля, близкая к героическому эпосу, занимает, на наш взгляд, особое место в дагестанской арабоязычной поэзии. В сравнении с сухими, дидактическими стихотворениями многих дагестанских арабоязычных поэтов, тесно связанных с арабской традицией, она знаменует начало нового этапа в развитии дагестанской арабоязычной поэзии, которая все больше становится национальной, если не по языку, то по своему духу и содержанию, когда происходит процесс сближения ее с дагестанской устной поэзией, с фольклором. В творчестве дагестанцев, писавших на арабском языке, звучат новые мотивы, отражаются реальные исторические и социально-политические события.

И неудивительно поэтому, что касыды дагестанцев входят в качестве составной части в исторические сочинения, посвященные народно-освободительной борьбе горцев в XIX веке. Более того, авторы крупных исторических сочинений включают в свои произведения касыды, несмотря на то, что их авторство принадлежит другим, иногда стоящим на иных идеологических позициях, поэтам. Именно политическая актуальность, в результате которой стихи Мухаммеда из Согратля становятся частью повседневной политической и идеологической жизни дагестанского общества того времени, приносят им известность, одним из признаков которой является то, что касыда поэта встречается практически во всех трудах дагестанцев, посвященных движению Шамиля.

По нашему мнению, в дагестанской арабоязычной касыде отсутствует четко заданная схема, присущая арабской средневековой касыде. Однако это не значит, что дагестанские поэты, писавшие на арабском языке, отказываются от богатейшего арсенала образных средств арабской поэзии. Подвергая свой материал новому идейному осмыслению, модифицируя структуру арабской касыды, дагестанские поэты сохраняют традиционную поэтическую лексику, широко и ин-

тенсивно используют накопленные веками образные средства арабской поэзии, своеобразно синтезируя в то же время элементы национального фольклора горцев.

Арабская эпиграфика в Дагестане

Одним свидетельств широкого функционирования на Кавказе арабского языка является обширный район распространения надписей, сделанных на арабском языке. Изучение эпиграфического наследия дагестанских народов увязывается с именами И. В. Ханыкова, Б. А. Дорна, В. А. Крачковской, Б. А. Пахомова, М.-С. Саидова, Л. И. Лаврова, А. Р. Шихсаидова. Наиболее значительным в этой области трудом можно считать исследование Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа», являющееся первым обобщающим источником сведений по рассматриваемой проблеме, в котором представлено более 450 восточных, преимущественно арабских надписей, охватывающих период с X по XVII в., и более чем 200 надписей XVIII-XX вв.

В жанровом отношении арабоязычные надписи на территории Дагестана классифицируются на надписи-эпитафии, составляющие большинство, а также строительные и хроники, которые встречаются значительно реже. Как отмечает А. Р. Шихсаидов, арабским эпиграфическим материалом "географически охвачены все районы Дагестана, но в отдельных его частях материал представлен неравномерно; основная часть памятников из Южного и Центрального Дагестана (лезгинские, рутульские, цахурские, агульские, табасаранские, лакские, даргинские селения). Аварские и кумыкские районы представлены меньшим числом памятников (известные памятники уже изданы, а новых находок пока мало). Наибольшее число надписей обнаружено в Дербенте, Ахты, Хиве, Хнове, Рутуле, Хили-Пенджике, Тпиге, Цахуре, Кумухе, Бурханкенте, Фите, Хунзахе, Хули, Кубачи, Ицари и др. Сохранение в одном ауле памятников в пределах XI-XVII вв. дает благодатную почву для характеристики закономерностей в

области палеографии как в Дагестане, так и в отдельных его районах" [1984: 8].

Исследование богатого эпиграфического наследия на территории Дагестана в настоящее время продолжается [см., например, Бобровников 1999 и др.].

***

Позднее проникают арабские заимствования в нахские языки. Как отмечается в литературе, "ислам распространялся среди чеченцев и ингушей с XV века, процесс его внедрения продолжался вплоть до XVIII—XIX веков. Среди ингушей укоренился он значительно позже, чем среди чеченцев. Например, гвалетцы (одно из ингушских обществ) стали причислять себя официально к мусульманам с 60-х годов XIX столетия. К концу XIX века мусульманская религия уже охватила почти все районы Чечено-Ингушетии. Таким образом, к концу XIX века в Чечено-Ингушетии возникает целый институт арабских мусульманских школ, ведется деловая переписка на арабском языке, пишутся сочинения религиозного, светского и философского характера, изучаются арабская философия, литература, география, астрономия и математика" [Алироев 1999: 114].

Глава 2.
ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АРАБИЗМОВ

В данном разделе выделяется около 1000 арабских заимствований, прочно вошедших в словарный состав различных языков нахско-дагестанской группы (некоторые из них, впрочем, по тем или иным причинам квалифицируются ныне как устаревшие). Слово иноязычного происхождения даже при первом его употреблении в речи соотносится с определенной тематической группой. Распределение арабизмов в исследуемых языках по тематическим группам является одной из важных форм систематизации лексики. Эта классификация позволит охарактеризовать сферу воздействия арабского языка на восточнокавказские языки, сделать выводы о характере употребления арабизмов в этих языках и о количественном соотношении исконных и арабских по происхождению лексем. На наш взгляд, справедливо мнение о том, что "никогда нельзя будет до конца понять семантические процессы в языке, сдвиги в значениях слов, закономерности семантических преобразований, если игнорировать описываемую словами объективную реальность" [Гак 1971: 91]. Не вызывает сомнений и то, что именно в тематической группе раскрывается отношение слова к понятию; парадигматические и синтагматические отношения тоже не могут быть выявлены без рассмотрения места слов в тематической группе [Шмелев 1964: 131]. Отнесенность в функциональной сфере даст возможность судить о направлении языковых контактов между нахско-дагестанскими и арабским языком.

Понимая тематическую группу как "ряд слов, объединяемых общностью родового значения, то есть таких слов, которые обозначают разновидности одного и того же рода предметов" [Ахманова 1969:

402], мы считаем распределение арабских лексем в лезгинском языке по тематическим группам одним из принципов характеристики функционального статуса: сферы употребления.

Необходимо отличать тематическую классификацию слов, которая основывается на том, что объединяет слова, являющиеся названиями определенной группы реалий, от лексико-семантической классификации, в которой все слова семантически взаимосвязаны (находятся в отношениях синонимии, антонимии и так далее). Однако между тематическими группами слов и лексико-семантическими нет непроходимой грани, так как группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками (напр., общностью словообразовательных и семантических примет) [Шмелев 1973: 105].

Безусловно, тематические группы слов не изолированы друг от друга, Значительно затрудняет тематическую классификацию арабизмов в исследуемых языке отсутствие на современном этапе системы терминов, последовательно обозначающих тематические объединения слов в соответствии с градацией реалий в природе и обществе. Темы могут пересекаться, обнаруживая при этом сегменты, общие для двух или нескольких сфер. Причиной этого, по мнению Д. Н. Шмелева, является то, что парадигматические отношения в лексике не только многоступенчаты, но и неоднолинейны. Многие слова являются одновременно членами не одной, а нескольких парадигм, то есть входят в различные ряды, в которых слова противопоставлены друг другу по какому-то определенному семантическому признаку [Шмелев 1964: 134]. Поэтому при классификации слов на идеографической основе невозможно быть абсолютно точным.

Представляется, что значимость тематических групп в определенной степени обусловлена количеством входящих в них слов. Поэтому

тематические группы расположены в данной главе в соответствии с их количественным составом. Внутри тематического объединения слова расположены по степени семантической близости. Расхождения в семантике между арабизмами в нахско-дагестанских языках и их арабскими прототипами исследуются в специальной главе диссертации. Нами выделены следующие тематические группы арабизмов в нахско-дагестанских языках:

1. Религиозные понятия:

а) названия существ и явлений, связанных с потусторонним миром:

أللّه ʔallau 'бог' - авар. *аллагь*, ботл. *алагь*, год. *аллагьи*, чам. *аллагь*, бежт. *аллагь*, цез. *аллагь*, лак., дарг. *аллагь*, лезг., таб. *аллагь*, агул. *аллахI*, рут., арч. *аллагь*, буд. *аллагь*, чеч. *аллахI.* По справедливому замечанию А. К. Шагирова [1977 I: 60; см. также Абаев 1958: 129], лексема получила "распространение по всему мусульманскому миру", ср. адыгск. *алыхь/алахь,* абх., абаз., убых. *алахь.*

خالق x̲âliq - таб., лезг., агул. *халикь* 'творец, создатель';

قيامة qijāma[t] 'конец света; воскресение мертвых, страшный суд' - авар. *къиямасеб къо* (уст. *кьиямат*), цез. *къийамаса гъуди*, лак. *кьиямасса кьини*, лезг. *къиямат,* агул., рут. *кьиямат,* чеч. *къёмат-де* (во многих языках только в сочетании "судный день"); хин. *къийамаьт* 'торжество'. Об осетинском слове с кавказскими параллелями см. [Абаев 1973: 256];

آخرة ʔaxira[t] 'конец; загробный (потусторонний) мир; загробная жизнь' - авар. *ахират*, чам. *ахират*, бежт. *ахират*, цез. *ахират*, лак., дарг., агул. *ахират*, буд. *ахырат / ахрат*, лезг. *эхират*, рут. *эхирет*, чеч. *эхарт*, инг. *аьхарт.* Слово представлено и в абхазско-адыгских

языках: адыгск. *ахърэт*, абх. *ахъарат,* абаз. *ахърат,* убых. *ахьрет* 'загробный мир' [см. Шагиров 1977 I: 65].

جنّة ǯanna[t] 'рай' - авар. *алжан*, ботл. *арджан*, чам. *гIалджа*[н], цез. *гIалжан*, бежт. *алжан*, лак. *алжан*, дарг. *гьалжана*, арч. *алшун*, таб., лезг. *женнет*, рут., агул. *дженнет*, буд., уд. *джаьннаьт*. Распространено в языках Северного Кавказа [Шагиров 1977 I: 194];

صراط ṣirāṭ - - чам. *ĉиратI-улI*, лак. *ссиратI*, цез., бежт., дарг. *сиратI* 'сират (*мост над адом, по которому должны проходить души умерших; грешники падают в ад, а праведники проходят по нему в рай*)'. Об осетинском см. [Абаев 1958: 411];

ملك malak - мн. ملائكة malaʔika[t]) 'ангел' - авар. *малаик*, год. *малаики*, чам. *малēк*, бежт. *малаик*, цез. *малаик*, лак. *малаик*, дарг. *малаик*, таб., лезг., агул. *малаик*, рут. *маллаъик*, буд. *малайик*, чеч. *малик*, арч. *мелейкду*. Ср. адыг. *мэлыIыч, мэлэIич*, абх. *а-маалыкь*, абаз. *мальаик*, убых. *малаик* [Шагиров 1977 I: 265]. Об осетинском см. [Абаев 1973: 88];

حوريّة ḥûriyya - чам. *хIурулгIи*[н], цез. *хIурулгIин*, бежт. *гьурулгIен*, лак. *хIуруэн*, арч. *гьурул'ен*, лезг. *гьуьри* 'гурия, фея';

عزرائيل ʕazrāʔīl - чам. *азрагIил,* лак. *эзрияэл*, лезг., агул. *азраил,* таб. *аьзраил,* дарг. *израил,* буд. *изреъил,* рут. *гьазриъил,* уд. *азрейил (ниджс.), гьаьзреил (варт.)* 'ангел смерти';

جهنّم ǯahannam 'ад, геенна' - авар. *жагьандаман*, лак. *жагьаннам*, дарг. *жагьаннаб*, таб., лезг. *жегьеннем,* агул. *джахIаннам,* рут. *джегьелем,* буд. *джаьгьаьннаьм,* уд. *джаьгьаьннаьм;* чам. *джагьаннабахъ* 'на край света';

جنّ ǯinn '(злой) дух; джинн, бес, демон' - авар. *жен*, бежт. *жин*, цез. *жинаби* (мн.), чам. *джинабе* (мн.), лак. *жин*, дарг. *жинж*, таб., лезг., арч. *жин*, агул., рут. *джин*, буд., уд. *джин*, чеч. *жин*. Распространено в языках Северного Кавказа [Шагиров 1977 I: 194];

شيطان šajṭān ‘черт, дьявол, сатана, шайтан’ - авар. *шайтIан*, год. *щайтIан*, чам. *щайтIа*[н], бежт. *шайтIан*, цез. *шайтIан*, дарг. *шайтIан*, лак. *щяйтIан*, таб., лезг., арч. *шейтIан*, агул., уд. *шейтан*, рут. *шийтIан*, буд. *шийтIан*, чеч. *шайтIа*. В других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 23];

إبلس ʔiblisu - авар., чам., дарг. *илбис*, год. *илбиси*, арч., бежт. *илбис*, цез. *иблис*, лак. *илвис*, таб., лезг. *иблис*, рут. *иблис*, чеч. *йилбаз* ‘дьявол, сатана, черт; хитрец’. Распространено в языках Северного Кавказа [Абаев 1958: 539; Шагиров 1977 II: 159];

عفريت ʕifrīt - ботл. *гIuпрuт*, лак. *эпрuтI*, лезг. *uфрuт* ‘демон, джинн; великан’;

Из сложения двух арабских слов آخر ʔaxir + زمن||زمان zaman ||zamān в дагестанских языках возникает сложное слово: чам. *ахир-замана,* цез. *ахир-заман,* бежт. *ахирзаман,* лезг. *эхирзаман* (*эхир заман*), рут. *эхирзамана,* буд. *ахырзаман.* Данный композит представлен и в абхазско-адыгских языках [см. Шагиров 1977 I: 66].

б) основные богословские термины:

مذهب maẕhab - авар. *мазгьаб*, лезг. *мезгьеб* ‘вера, вероисповедание; секта (религиозная)’;

توبة tawba - авар. *тавбу*, чам., бежт. *тавба*, цез. *тавбу, табу*, лак. *тавва*, лезг., рут., буд. *туба* ‘обет, запрет; покаяние’. О слове в других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 297-298; Шагиров 1977 II: 72];

نذر naẕr - лезг. *незуьр*, авар. *назру*, чам. *назур* ‘торжественное обещание; обет’;

دين dīn - чеч., бежт., цез., чам., лак., лезг., таб., агул., рут., арч., буд. *дин*, инг. *ди* ‘вера, религия’. В арабском языке слово усвоено из персидского, восходящего к иран. *daina- [см. Абаев 1958: 363; Шагиров 1977 I: 150-151];

جناح ǯunāh - авар., ботл., бежт. *мунагь*, чам. *мунегь*, цез. *мунахI*, год. *мунагьи*, лак., дарг. *бунагь*, лезг., рут. *гунагь*, уд. *гуьнах*, таб. *гуннагъ* 'грех, вина';

إيمان ˀīmān - авар., чам., цез., лак. *иман* 'вера, самообладание', арч. *иман* 'человечность, почтительность', лезг., таб., рут., буд. *иман* 'вера; преданность вере'. Распространено в языках Северного Кавказа [Шагиров 1977 II: 159];

إسلام ˀislām - авар., чам., цез., бежт., лак., дарг., лезг., таб., рут., буд., чеч. *ислам* 'ислам, мусульманская вера';

روح rūḥ - авар., чам., цез., лак., дарг., арч. *рухI*, бежт. *ругь*, таб. *рюгь*, лезг. *руьгь*, агул. *руьхI*, рут. *ругьI* 'дух, душа'; 'сила';

ثواب s̱awāb - лезг. *суваб*, рут. *сываб* 'богоугодное дело; божье вознаграждение (тж. религиозный праздник)';

علامة ˁalāma[t] - лезг. *аламат,* лак., таб. *аьламат*, рут. *гьIаламат*, чеч. *Iаламат* 'чудо'; авар., чам. *гIаламат,* год. *ъаламат*, дарг. *гIяламат* 'интерес; знак, примета'; бежт. *аьлаьмаьт (йовал)*, цез. *гIаламат (йода)* 'удивлять'. О распространении слова в языках Кавказа см. [Абаев 1958: 45];

عمارة ˁimāra[t] - рут. *гьумарат* 'чудо'; таб. *уьмарат* 'ценное сооружение, красивое изделие'; арч. *гIимарат* 'красивый';

فأل faˀl - чеч., авар., чам., цез., лак. *пал*, лезг., буд., уд. *фал* 'гадание; предсказание, прорицание; жребий';

مجدة maǯda[t] - лезг. *мужидат* 'чудо';

سحر siḥr - авар., цез., дарг. *сихIру,* бежт. *сигьро,* таб. *сюгьюр*, лезг. *суьгьуьр*, рут. *сугьIуIр*, лак. *ссихIир*, авар., дарг. *сихIру* 'магия; колдовство, волшебство'; арч. *ссихIир(кул)* 'хитрость';

حلال ḥalāl - лак. *хIалал(сса)*, авар., арч. *хIалал*, лезг., уд. *гьалал,* таб. *гьялал,* агул. *хIелал*, рут. *гьIалал-ды* 'дозволенное'. Как отмечено в литературе, слово "вошло в тюркские языки, а также в языки Кавказа" [Абаев 1989: 166]. Там же к тому же источнику возводится чеч.

хьанал 'честный, добросовестный, безукоризненный; (рел.) безгрешный, чистый';

حرام ḥarām - чеч., инг. *хьарам*, лак. *хIаран(сса)*, авар., арч. *хIарам*, лезг., уд. *гьарам*, таб. *гьярам*, агул. *гьерам*, рут. *гьIарам-ды* 'недозволенное; запретный, незаконный; грешный, нечистый'. Как и в предыдущем случае, слово "вошло в тюркские языки, а также в языки Кавказа" [Абаев 1989: 175].

نظر naẓar - авар., лезг., рут., буд. *назар* 'сглаз, дурной глаз'; хин. *наьзаьр* 'взгляд';

شريعة š arī'a[t] - лак. *шариаьт*, авар., арч. *шаригIат*, дарг. *шаригIят*, таб., лезг., рут. *шариат*, цез. *шаргIи*, чам. *шаргI // шаригIат*, чеч. *шарI* 'шариат, свод мусульманских законов; система соблюдения этих законов';

в) названия людей по их отношению к вере:

مسلم muslim - чеч. *бусалба*, авар., цез., дарг. *бусурман*, бежт. *бусурбан*, чам. *бӯсурман-али*, лезг., таб., агул., рут. *мусурман*, буд. *мысырман*, арч. *пуссурман* 'мусульманин'. Об абхазско-адыгских языках см. [Шагиров 1977 I: 270]. Об осетинском слове с кавказскими параллелями см. [Абаев 1973: 247];

حاجّ ḥāǯǯ - чеч. *хьажо*, инг. *хьаж*, чам. *хIаж*, бежт. *гьаьжи*, лак. *хIажи*, дарг. *хIяжи*, таб. *гьяжи*, рут. *гьIаджи* 'паломник'. Лексема получила распространение "по всему мусульманскому миру" [Абаев 1989: 132];

روحانى rūḥānijj - лезг. *руьгьани* 'духовное лицо';

مؤمن muˀmin - таб., лезг. *муъмин* 'благочестивый, набожный';

مريد murīd - чеч., инг. *мурд*, авар., чам. *мурид*, таб. *мюрюд*, лезг. *муьруьд* 'мюрид, последователь ислама';

عابد ˁābid - лезг. *абид* 'благочестивый, набожный';

زاهد zāhid - лезг. *загьид* 'набожный';

قاض qāḍi - чеч. *къеда*, инг. *къаьда*, авар., чам., бежт., цез. *къади* лак. *кьадий*, дарг. *кьади*, лезг., таб., агул., рут., буд. *къази* ‘кади (*шариатский судья*)’;

شيخ šajx - авар., бежт., чеч., инг. *шайх*, лезг., рут., агул., арч. *шейх* чам. *щēх̄*, таб. *ших* ‘святой’;

امام ʔimām - авар., чам., цез., лак., лезг., таб., агул., рут., буд. арч., чеч. *имам* ‘имам’ (духовный наставник, духовный глава мусуль ман);

ملاّ mullā - авар., лак., дарг., лезг., таб., рут., агул. *малла*, чеч. *мол ла* ‘мулла’. Слово отмечается “повсюду в кавказских языках” [Абае 1973: 128; также Шагиров 1977 I: 269];

فقيه faqīh - лезг. *фекьи* ‘мулла’;

مجاور muǯāwir - лезг. *межевир* ‘смотритель мечети’;

حاسد ḥāsid - рут. *гьаIсид* ‘богоотступник’;

عاسد ʕaṣīj - чам. *гIаси-йаб* ‘неверующий (ярый безбожник); беспо щадный’; авар. *гIаси* ‘злобно, беспощадно’, таб. *аьсси*;

كافر kāfir - авар., чам. *капур-аб*, цез., бежт., дарг. *капур*, лак. *чапур сса*, арч. *каIпуIр*, таб. *кяфир*, лезг., агул., рут. *кафир* ‘иноверец’;

г) обозначения религиозных обрядов и связанных с ними понятий:

عبادة ʕibāda[t] - лезг., таб. *ибадат*, буд. *гIибадат* ‘обожание, почи тание; поклонение, культ; богослужение, молитва’;

أذان ʔaẕān - лезг., агул., буд. *азан* ‘призыв (муэдзина) к молитве’ Как пишет А. К. Шагиров [1977 I: 58], адыгск. *азэн/азан* 'призыв к мо литве (провозглашаемый духовным лицом)' – “из араб. aḏān 'призыв molитве', перс. *азан* 'призыв к молитве (провозглашаемый о минаре та)'; термин проник и в другие языки Кавказа: абх. *азан,, абаз. азан* абаз. *азан,* ног. *азан,* груз. azani и пр.”

أكبر ʔakbar (сокращение словосочетания أللّه أكبر ʔallau ʔakba ‘Аллах велик!’) - бежт. *акбар* ‘призыв к молитве’;

صلاة ṣalāt - чеч. *салт,* лак. *ссалахI*, лезг., рут. *салат* ‘молитва; призыв к молитве’;

وعظ waˁẓ - лезг., таб. *вяз*, дарг. *вягIза*, авар., чам., цез. *вагIза*, бежт. *ваъза*, лак. *вяъза* ‘проповедь’;

زكاة zakā[t] – лезг., таб., буд., агул., чеч. *закат*, инг. *загат*, бежт. *закаъат*, арч. *ссакат* ‘доля урожая, выделяемая мулле (// в пользу бедных мусульман)’;

سجدة saǯda[t] - авар., лак., дарг., арч. *сужда*, чам. *c̄ужда*, чеч. *сужд*, лезг., таб., буд. *сажда* ‘земной поклон во время молитвы’; цез. *сужда (бода)*, бежт. *сужда (бовал)* ‘молиться’;

جنازة ǯanaza[t] - лезг., буд. *жаназа* ‘чтение молитв над покойником’;

إحسان ˀiḥsān - лак. *ихIсан* 'благотворительность', рут. *агьсан* ‘поминки’, лезг. *игьсан* ‘пожертвование в память умершего’;

حجّ ḥaǯǯ - авар. *хIеж*, цез. *хIаж*, бежт. *гьаьж*, лезг. *гьаж*, таб. *гьяж*, рут. *гьIадж* ‘паломничество’;

سنّة sunna[t] - авар. *суннат,* лак., арч., чам. *ссуннат,* цез. *сунйат,* хин. *суьннаьт*, лезг. *суьннет*, агул. *суьннат*, бежт., рут., таб. *суннат*, чеч. *сунт* ‘обрезание’;

ذكر ẕikr - лезг., таб., буд. *зикир*, рут. *зыкыр,* авар., дарг., чам., арч. *зикру*, бежт. *зикро*, цез., дарг. *зикру,* лак., агул. *зикри*, чеч. *зуькар* ‘религиозная песня; продолжительное чтение молитв богу’;

دعاء duˁāˀ - авар., цез. *дугIа*, бежт. *доьъаь*, лезг., агул. *дуьа*, рут. *дугьа*, буд. *дува*, таб. *дюаь*, арч. *дугIи*, чеч. *doIa* ‘молитва’. Слово отмечено и в других языках Кавказа [см. Абаев 1958: 371; Шагиров 1977 I: 152];

صلوة ṣalawa - лезг., рут. *салават* ‘молитва’;

اكرام ˀikrām - лак. *икран*, авар. (уст.), лезг., таб. *икрам* ‘поклон’;

تعزّى taˁazzi / تعزية taʻaziya - лезг. *тазия* ‘скорбь’/ *тазият* ‘похороны (уст.)’, рут., буд. *тазийе* ‘заупокойная молитва’;

منارة mināra - авар., лак., лезг., агул. *минара*, арч. *минар*, буд. *минаре*, рут. *мынари* ‘минарет’;

مسجد masǯid - авар., цез. *мажгит*, год. *маштики*, бежт. *мажгит // маждик*, чам. *маштик*, лак. *мизит*, дарг. *мижит*, лезг. *мискIин*, таб. *мист*, арч. *мижгил*, рут. *мездик*, буд. *мезгуьт*, хин. *мачыг*, чеч., инг. *маьждиг* ‘мечеть’;

محراب miḥrāb - авар. *михIраб*, лак. *михIрав*, лезг., таб. *мигьраб* ‘алтарь’;

كنيسة kanīsa[t] - чеч. *килс*, дарг. *киласа*, чам., лак., лезг., таб. *килиса*, буд. *килисе* ‘церковь’;

غزوة ğazwa[t] (мн. ч. ğazawāt) - авар., цез., бежт., чам., лак., дарг., лезг., агул. *гъазават*, чеч. *гIазот* ‘священная война’; слово отмечено и в осетинском, причем “в осетинский вошло, вероятно, не непосредственно из арабского, а от соседей мусульман” [Абаев 1973: 275-276];

- агул. *зидр* ‘плата за религиозное обслуживание’;

فطرة fiṭra[t] - агул. *фитIра* ‘разговенье’;

زيارة zijāra[t] - авар., лак., дарг. *зиярат*, чеч. *зиярт,* лезг., таб., агул. *зиярат,* бежт., цез., чам., рут., буд. *зийарат* ‘священное место паломничества; могила святого’; хин. *зийарт*, крыз. *зейрат*‘могила’;

كعبة kaˤba[t] - багв. *КагIба*, лезг. *Кябе*, таб. *Кяба,* арч. *Ка‘ба,* рут. *Кагьбе/ Киъ`ба/ Каъаба* ‘Кааба, место паломничества мусульман’. Об осетинском слове см. [Абаев 1958: 564];

قربان qurbān - таб. *гъурбан,* лезг. *кьурбанд // кьурбан,* арч., рут. *кьурбан* ‘жертвоприношение’, ‘жертва’;

يأس jaˀs - лезг. *яс* ‘траур’;

مولد mawlid - лезг., рут. *мевлид,* таб. *мевлюд,* арч. *мувлуд,* бежт. *мавлуд,* дарг., чам., агул. *мавлид*, чеч. *мовлад* ‘поминание дня рождения пророка’. Об абхазско-адыгских языках см. [Шагиров 1977 I: 269];

مدرسة madrasa[t] - авар., цез., бежт., лак., дарг. *мадраса*, чам. *мадрас*, лезг. *медреса* (уст.), рут. *медресе* 'медресе (средняя религиозная мусульманская школа)';

طلاق ṭalāq - лезг., рут. *тIалакь* 'развод, расторжение брака'. Об осетинском слове см. [Абаев 1979: 299];

نكاح nikaḥ - лезг. *некягь*, рут. *некагь*, буд. *никаьхI* 'религиозное обручение, бракосочетание по шариату';

مهر mahr 'приданое, калым' - авар. *магьари*, чам., цез., бежт., лак. *магьар* 'бракосочетание; брачный договор; калым, выкуп за невесту';

صدقة ṣadaqa[t] - авар., бежт., цез. *садакъа*, чам. *са̄дакъа*, агул. *садакъа*, арч. *ссадкьа*, дарг., лак., лезг., рут., буд. *садакьа*, уд. *садагъа* 'приношение, милостыня' и др.;

نفع nafˁ - чеч. *напгIа* 'пожертвование';

д) названия предметов культового и обрядового назначения:

قرآن qurʔān - лак., агул. *къуран*, дарг. *кьуран*, арч. *кIурум*, чеч., авар., бежт., лезг. *къуръан*, чам. *къора*ⁿ, таб., буд. *кьуръан*, рут. *кьуран*, *кьуръан* 'коран'. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 330-331];

آية āja[t] - чеч. *аит*, инг. *аит*, авар., агул. *аят*, бежт. *аййат* 'сура, глава корана; строфа, куплет'; 'часть'. В литературе встречаются попытки возводить это слово к тюрк. *айт-* 'говорить, сообщать, передать, высказать' [Арсамаков 2001: 58];

فاتحة fātiḥa[t] - авар., цез. *патихIа*, бежт. *патигьа*, чам. *па̄тихIа*, таб. *фатиаь* 'глава корана';

ياسين jāsin - чеч. *ёса*, чам. *ясим*, бежт. *йасим*, агул. *ясин*, арч. *ясан* '(36-я) сура корана, молитва (отходная)';

قله qulhu - авар. *къулгьу*, чам. *къулугь*, агул. *къулхIу* 'сура корана; молитва'; цез. *къулгьу*; лезг. *къулгьу* 'название конца третьей суры корана; поминки, поминальный обряд';

توراة tawrā[t] - лак. *ттаврат*, цез., лезг. *таврат*, чеч. *товрат* ‘библия, тора’;

انجيل ʔinǯīl - авар., цез., лак., дарг., лезг., таб. *инжил* ‘евангелие’. Об адыгском слове см. [Шагиров 1977 II: 159];

سبب sabab - авар., чам., бежт., рут. *сабаб* ‘амулет’;

زبور zabūr - чеч. *забувр* ‘псалмы’

هيكل hajkal - лак. *гьайчали*, лезг. *гьакал,* таб. *гьякал,* агул. *гьекал,* арч. *гьейкәла,* рут. *гьIайкал*, чеч. *хIайкал* ‘амулет;

طلسم ṭilāsm - лак. *тIилисин* ‘чародейство, волшебство, колдовство; гипноз’; лезг., буд. *тилисим* ‘талисман’; рут. *тилисим* ‘колдовство’;

حكمة ḥikma[t] - авар., чам. *хIикмат* ‘удивительное явление; нечто удивительное’; бежт. *гьикмат (йовал),* цез. *хIикмат (бода)* ‘удивлять’;

كفن kafan - дарг. *капан*, лезг., рут. *кафан* ‘саван’;

محفيّ miḥffij - лезг. *магьфе (мафе)* ‘похоронные носилки’;

تابوت tābūt - авар. *табут* ‘гроб, саркофаг’. Слово отмечено и в других языках Кавказа [см. Абаев 1979: 218];

سبحة subḥa[t] - агул. *субхIан*, рут. *суьбгьIаIн* ‘четки’;

تسبيح tasbīḥ - лезг. *теспягь*, таб. *тяспигь*, буд. *теспегь*, агул. *тесбихI* ‘четки’;

2. Абстрактные понятия:

جنس ǯins - авар., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб. *жинс,* чам. *джиⁿс̄,* рут., буд. *джинс* ‘разновидность, род, вид, порода; облик’;

سبب sabab - авар., бежт., дарг., агул., арч. *сабаб*, цез. *сабаб// сабав*, лак. *савав*, лезг., таб., рут. *себеб* ‘причина; повод, мотив’;

تفاوت tafāwut - лезг. *тафават*, таб. *тафавут*, буд. *тофовут, тофут*, рут. *тахьуват* ‘различие, разница’;

فرق farq - авар. *паркъ*, лезг., таб. *фаркь*, буд. *феркъ* ‘разница, различие’;

جمع ǯamʕ - лак. *жям*, лезг. *жем*, буд. *джем* ‘сумма’;

نقصان nuqṣān - авар. *мукъсан*, лак. *нукцан-сса* 'недостаточный', лезг., таб., буд., арч. *нукьсан*, уд. *нохсан* 'изъян, недостаток; недостаточный';

ذرّة zarra[t] - авар. *зарра*, лезг., буд. *зерре* 'крупинка, песчинка, частица; чуть, чуточку';

أنبار ˀanbār - лак. *амбар* 'амбар', лезг., рут. *гьамбар* 'большая куча' (по Жиркову [1936: 13], авар. *амбар* – из персидского);

طبيعة ṭabiˤa[t] - авар. *тIабигIат*, лак. *тIабиаът*, лезг. *тIебиат*, таб. *табиаьт*, буд. *тебигIет* 'природа';

نعمة niˤma[t] - чеч. *ниIмат*, авар. *нигIмат*, лак., таб. *ниъмат*, арч. *лагIмат* 'благоденствие, дар жизни'; буд. *нагIмат* 'дар; милость';

حادثة ḥādiṯa[t] - лезг. *гьадиса*, таб. *гьядиса*, буд. *гьадисе*, хин. *хIаьдисаь* 'происшествие, событие; случай; обстоятельство';

واقعة wāqiʻa - лезг. *вакъиа* 'событие; случай; обстоятельство';

مجرى maǯra - лезг. *мажара* 'происшествие';

شيء šajˀ - таб. *шейъ*, лезг., рут., буд. *шей* 'предмет';

طرف ṭaraf - лак. *тарап дугъан* 'заступиться', лезг., таб. *тереф*, буд. *тараф*, хин. *таьраьф* 'сторона; направление'; авар. *тIарап* 'край, кончик, конец; сторона';

ذات ḏāt - лезг., буд. *затI*, дарг., хин. *зад* 'предмет';

تصنيف taṣnīf - лезг. *тесниф (авун)* 'составлять, сочинять';

خسارة ḵasāra - лезг. *хасарат(авун)* 'повреждать'; рут., буд. *хасарат* 'вред; повреждение; привычка';

منزل manzil - лезг., буд. *мензил*, авар., дарг., лак., таб. *манзил*, рут. *мамзил*, арч. *минзир* 'расстояние, промежуток, перегон';

حال ḥāl - чеч., инг. *хьал*, лезг., уд. *гьал*, бежт. *гьаьл*, таб. *гьял*, авар., цез., чам., агул., арч. *хIал*, дарг. *хIял*, рут. *гьIал* 'состояние, положение, дело, обстоятельство'; лак. *хIал* 'сила; характер'

احوال ˀaḥwāl *мн. от* حال - лак. *ахIвал*, лезг., таб. *агьвал* 'положение; состояние (*имущественное*)'; ср. также в сочетании: чам.

ахIвал-хIал ‘положение; житье-бытье’; бежт. *аьгьваьл-гьаьл* ‘состояние обстоятельство’;

احوالات ’aḥwālāt *мн. от* حال - лезг., рут. *агьвалат*, таб. *аьгьвалат*, буд. *ахIвалат* ‘обстоятельство, происшествие’;

دنيا dunjā - чеч. *дуьне*, инг. *дунйе*, авар. *дуниял // дунял*, год. *дунел*, чам. *дунийал*, цез. *дунйал*, бежт. *дуннал // дунийал*, лак. *дуниял*, арч. *дунил*, дарг. *дунъя*, лезг. *дуьнья*, таб. *дюн'я,* рут. *дунйа* ‘мир, планета’. О распространении в языках Северного Кавказа см. [Абаев 1958: 375; Шагиров 1977 I: 152];

عالم ‘ālam - чеч. *Iалам*, авар., чам., цез. *гIалам*, бежт. *аьлаьм*, лак., таб. *аьлам* 'народ, толпа; множество народа', буд. *гIалем*, лезг. *алам // алем* ‘мир, вселенная’;

تبديل tabdīl - лезг. *табдил* ‘изменение’, таб. *табдил*, рут. *табдил* ‘растерянность’;

بدل badal - лак. *бадал (буккан* 'мстить'), лезг. *бедел* ‘замена’;

ظلمة ẓulma[t] - лезг. *зулумат*, авар., таб., рут. *зулмат* ‘темнота’, таб. *зулумат* ‘угнетение, гнет’;

هيبة hajba[t] - авар. *гьайбат* 'прелестно', лак. *гьайбат* 'внешность', лезг., рут. *гьайбат*, таб. *гьяйбат* ‘величие, красота’;

بركة baraka[t] - чеч. *беркат*, лезг. *березкат*, авар., цез., агул., буд. *баракат*, чам., бежт. *баркат*, дарг. *баракт*, лак. *барачат*, таб., рут. *берекет* ‘благодать, благополучие, изобилие, достаток; добро, обилие’. Слово имеется в абхазско-адыгских [см. Шагиров 1977 I: 77] и других языках Северного Кавказа [см. Абаев 1958: 253];

دليل dalīl - авар., лак., таб., рут. *далил*, лезг. *делил* ‘доказательство; довод; опора, аргумент’; буд. *делил* ‘довод; основание; свидетель’;

ثبوت s̱ubūt - лезг., таб., рут., буд. *субут* ‘доказательство’;

إثبات is̱bāt - авар. *усбат*, лак. *исват* (*бан*) 'подтвердить', таб. *успат*, буд. *испат* ‘доказательство, подтверждение, вынужденное признание’;

تصديق taṣdīq - авар. *тасдикъ*, лак. *тасттикъ бан*, арч. *тасдикь (ас)*, таб. *тасдикь (апIуб)* 'подтвердить', лезг. *тестикь (авун)*, буд. *тестикъ (йихьар/сиъи)*, рут. *тестикь* ‘подтверждение’;

نوبة nawba[t] - лезг., таб., рут. *нубат*, буд. *нуба*, уд. *нувад* ‘очередь’;

مكان makān - лезг., таб. *макан*, буд. *мекаьн* ‘жилище; местопребывание’;

نشان nišān - авар., год. *ишан*, лак., дарг., лезг., таб., буд. *лишан*, рут. *лышан* ‘знак, метка; мишень’; чеч. *нийсал-ла* ‘в цель’. В качестве первоисточника предполагается персидский язык [см. Абаев 1973: 209];

قدر qadar - авар., бежт., цез., чам. *къадар*, лак., лезг., дарг., таб., рут., арч. *кьадар* ‘мера, количество; рок, судьба; достаток, судьба; конец’;

قاليب qālib - лак. *къалип*, уд. *къаьлиб*, таб. *кIалиб*, буд. *кIалыб* 'форма, колодка';

قدر qadr - авар., цез., бежт. *къадру*, лак. *кьадру*, чам. *къадур*, уд. *къаьдир*, таб. *кьадри* 'оценка, уважение; приличие, пристойность'; дарг. *кьадри* 'значение'; уд. *къаьдир* 'цена, достоинство';

نصيب naṣīb - авар. *насиб*, лак. *нясивсса* 'предназначенный судьбой', лезг. *несиб* ‘доля, удел’;

نتيجة natīǯa - лезг., таб. *нетижа*, буд. *нетидже* ‘результат’;

صدور ṣudûr - лезг. *судур* ‘последствия’;

مقدار miqdār - рут. *микьдар* ‘умение довольствоваться тем, что отпущено судьбой, умение строить жизнь по возможному, осуществимому пути, готовность к достойной встрече со смертью’ [см. Махмудова 1997: 34];

سياحة siyāḥa - лезг. *сиягьат*, таб. *сиягьят*, буд. *сийагьат* ‘путешествие’;

سفر safar - авар., дарг. *сапар*, лак., арч. *ссапар*, лезг., таб. *сефер*, рут., буд. *сафар* ‘путешествие’;

سير sajr - лак. *сайр*, лезг. *сейр,* таб., буд. *сейир*, уд. *сеир*, рут. *сайир* ‘прогулка’;

زحمة zaḥma[t] - авар., лак., арч. *захIмат* ‘трудность’; лезг., таб., буд. *зегьмет,* рут. *зегьIмет* ‘труд’;

نظام niẓām - лезг. *мизам* ‘строй’ / *низам*, чеч., авар., бежт., цез., лак., дарг., таб., буд. *низам*, чам. *биза*[н] ‘порядок, распорядок; режим; строй’;

انتظام intiẓām - таб. *интизам* ‘дисциплина’;

ترتيب tartīb - авар., лезг. *тартиб* ‘порядок, распорядок’;

جفاء ǯafā‘ - лезг. *жафа*, буд., уд. *джафа* ‘труд’;

قال qāl - лезг. *къал* ‘скандал’;

قالمقال qālmaqāl - лезг. *къалмакъал*, таб. *гъалмагъал*, буд. *къалмагъал* ‘ссора; перепалка’;

اشارة ’iš āra - авар., ботл., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб., агул., рут. *ишара*, буд. *ишаре*, чам., арч. *ишар* ‘знак; намек, сигнал; указатель’;

عبرة ˤibra[t] - лак. *эбрат*, дарг., буд. *гIибрат* ‘пример, образец’; лезг. *ибрет (жедай)* ‘назидательный, поучительный’;

قانون qānûn - цез. *къанун*, лак. *кьанун*, лезг., таб., буд. *къанун* ‘канон, правило, закон’;

عادة ˤāda[t] - авар., чам., цез., арч., буд. *гIадат*, дарг. *гIядат*, бежт. *аьдаьт,* лезг. *адет*, лак., таб. *аьдат,* рут. *гьIадат,* хин. *хIаьдаьт* ‘адат; обычай, ритуал; привычка’;

قاعدة qāˤida[t] - авар. *къагIида*, чам. *къӑйда* ‘манера, подход, способ, метод, прием; возможность, благоприятность’; арч. *къагIида* ‘спесивое поведение’, лак. *кьяида*, лезг., таб., буд., уд. *къайда,* рут. *къайде* ‘правило, порядок, распорядок’; дарг. *къяйда* ‘способ’;

غلط ğalaṭ - чеч. *гIалат*, авар., чам., бежт., цез., лак., лезг., таб. *гъалатI,* рут. *къалат* ‘ошибка, упущение’;

خطاء x̱aṭāˀ - лак. *хIатIа*, чам., дарг. *хатIа*, лезг. *хата*, таб. *хатIа,* рут. *хатагь* ‘ошибка, промах; опрометчивый поступок, несчастный случай’;

قطع qaṭˁ - лезг., таб., рут. *кьатI* ‘отрезок’;

جهة ǯiha[t] - лезг. *жигьет /жегьет*, таб. *жигьат* ‘точка зрения’;

شرط šarṭ - авар., чам., лак., дарг., лезг., таб. *шартI*, буд. *шерт* ‘условие’;

ولولة walwala - лезг., таб. *велвела*, буд. *велвеле* ‘смятение, переполох’;

علاقة ˁalāqa[t] - лезг. *алакъа*, таб. *аьлакъа*, буд. *элакьге* ‘связь, отношение’;

ضرب ḍarb - лезг. *зарб* ‘быстрота’; таб. *зарб* ‘быстрый’;

معنى ma‘na - чеч. *маIна*, инг. *маIан*, авар., ботл., чам., цез. *магIна*, лак. *мяъна*, дарг. *мягIна*, лезг. *мана*, таб. *мяъна*, буд. *маьгIна* ‘значение, содержание; смысл’. Об абхазско-адыгских языках см. [Шагиров 1977 I: 271];

تلف talaf - лезг. *телеф (авун)*, таб. *талаф (апIуб)*, буд. *талаф (сиъи)* ‘губить, уничтожать, истреблять’;

تأخير ta’x̱īr - лезг. *таъхир* ‘опаздывание; замедление’;

منع man‘- лак. *маниъ*, лезг. *маний*, таб. *маниъ*, буд. *магIне* ‘препятствие, преграда’;

زينة zīna[t] - лезг. *зинет* ‘украшение, наряд’;

علاج ‘ilāǯ - лезг., таб. *илаж*, буд. *эладж* ‘выход (*из положения*)’; лак. *эллаж* 'физическое состояние, сила’;

حرارة ḥarāra[t] - лезг. *гьарарат* ‘жар (тела), температура; жажда’;

زحم zaḥm - лезг., таб. *зегьем* ‘зной, духота’;

مشرب mašrab - лезг., таб. *мешреб* ‘хороший вид’;

منظرة manẓara[t] - лезг. *мензера*, буд. *мензере* ‘вид, пейзаж’;

تأثير ta'sīr - лезг. *таъсир*, буд. *таъсир*, *тегIсир,* таб. *тясир* 'воздействие, влияние, впечатление, эффект';

طاقة ṭāqa[t] - лезг. *такьат*, лак., таб., арч. *тIакьат* 'сила; возможность, энергия';

تشبيه tašbîh - лезг. *тешпигь* 'уподобление; сравнение';

إمكان imkān - дарг. *инкан* 'возможность';

قوّة quwa[t] - авар., чам., бежт., цез. *къуват*, таб. *кьуввват*, лезг., агул., буд. *кьуват,* рут. *кьувет* 'сила, мощь';

قدرة qudra[t] - авар., чам., бежт., цез. *къудрат*, лезг., рут. *кьудрат*, таб., агул., буд. *къудрат* 'сила, мощь; божественная сила';

امان 'amān - лезг., таб., буд., уд. *аман* 'сила', авар., агул. *аман* 'пощада';

كثير kasīr - лезг. *кесер* 'влияние, сила воздействия';

نفوذ nufûẕ - лезг. *нуфуз* 'влияние';

إنكار inkār - авар., бежт., лак., лезг., таб., арч., буд. *инкар*, чам. *и*[н]-*кар* 'отрицание, непризнание';

تجربة taǯriba - лезг. *тежриба*, таб. *тажруба*, буд. *таджруба* 'опыт; практика';

خلوة x̱alwa[t] - чеч., арч. *халбат*, лезг. *хелвет,* авар., таб., буд. *халват* 'уединение, уединенное место';

سر sirr - лезг., таб., буд. *сир*, рут. *сир* 'секрет, тайна';

شرق šarq - лезг. *шаркь,* таб. *шаркъ,* рут., буд. *шеркъ* 'восток';

مشرق mašriq - авар. (уст.), бежт. (уст.) *машрикъ* 'восток';

قبلة qibla - чеч. *къилбē* (ср. *къилба* 'компас'), авар. (уст.) *кьибла,* цез., бежт. *кьилма,* лезг. *кьибле,* дарг., таб. *кьибла* 'юг; сторона, к которой обращается мусульманин при молитве';

مغرب maǧrib - чам., цез. (*уст.*), бежт. (*уст.*), лезг. *магъриб* 'запад';

زبل zibl - лезг., рут. *зибил* 'сор; грязь, ненужное';

а) обозначающие различные проявления чувств, воли человека:

مراد murād - авар., ботл., чам., бежт., цез., лак., лезг., арч. *мурад,* рут. *мырад* ‘надежда, цель; желание’. Об абхазско-адыгских языках см. [Шагиров 1977 I: 269];

حسرة ḥasra[t] - авар. *хIасрат, хIасралъи* 'страсть', лак. *хIасрат* 'мучение', арч. *хIасрат* 'дорогой (человек)', лезг. *гьасрет*, уд. *гьасрат* ‘тоска; желание’;

مطلب maṭlab - лак. *матIлаб* 'требование', лезг., таб., рут. *метлеб* ‘желание, цель’;

مقصد maqṣad - лезг. *макьсад*, буд. *мекьсад* ‘цель; намерение; стремление’;

قصد qaṣd - чам. *къас̄* ‘аппетит’, дарг., лак. *кьас*, лезг., таб., рут., буд. *къаст* ‘намерение’;

غرض garaḍ - лезг. *гъараз* ‘цель; намерение’; хин. *къаьраьз (куи)* ‘отомстить’;

نية niyya - чеч. *нигат*, авар., чам. *нигат*, дарг. *нигет,* бежт., цез. *нийат*, арч., лак., лезг., таб. *ният*, уд. *нийаьт* ‘(благое) намерение, побуждение; приступление к выполнению какой-л. религиозной церемонии’. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 179];

إشتهاء ištihāʔ - лак. *иштахI*, арч. *ишдагь*, лезг., таб., рут. *иштагь*, уд. *иштIагъ*, буд. *ишта*, агул. *иштияхI* ‘аппетит; желание’;

طعم taʕm - авар., чам. *тIагIам*, лак. *тIаaьн*, таб. *тIяаьм*, агул. *тIагIам*, буд. *тагIам*, рут. *тIегьем*, лезг. *тIям,* дарг. *тIягIям // тIем* ‘вкус’;

طمع ṭamaʕ - лак. *тамахI* 'аппетит', лезг. *темягь,* таб. *тямягь*, буд. *тIамагь*, *тIамагI*, рут. *тамагьI* ‘соблазн; корысть’;

محبة maḥabba - лезг. *муьгьуьббат,* таб. *мюгьюббат,* агул. *мухIаббат*, буд. *муьгьуьббет* ‘любовь’;

عشق ˤišq - авар. *гIишкъу*, лак. *эщкьи*, лезг. *ашкьи,* таб. *аьшкь,* агул. *гIашкь*, арч. *гIишкьу*, рут. *гьIашкь* ‘желание, любовь; вдохновение, влечение’;

اكراه ˀikrāh - лезг., буд. *икрагь* ‘отвращение’; таб. *икрягь* ‘надоедливый, докучливый’;

نفرة nafra[t] - лезг., буд. *нифрет* ‘отвращение, омерзение; ненависть; негодование, возмущение’;

ذهلة z̲ahla[t] - лезг., таб. (редко) *зегьле* ‘душа’; уд. *заьгьлаь* ‘отвращение, пренебрежение’;

عقل ˤaql - чеч. *хьекъал,* инг. *хьаькъал,* авар., цез. *гIакълу*, бежт. *акъло*, год. *ъакъулу,* чам. *акъул,* дарг. *гIякълу*, арч. *аIкъул*, лак. *аькьлу,* лезг. *акьул,* таб. *аькьюл,* агул. *гIакьул*, рут. *гьакьал,* буд. *гIакьал,* уд. *гьакъыл* ‘ум’. А. К. Шагиров [1977 I: 59] фиксирует этот арабизм в западно-кавказских языках: адыгск. *акъIыл / акъыл*, абаз. *акъIыль,* убых. *акхъыл*. Об осетинском см. [Абаев 1958: 55];

فهم fahm - авар., чам., цез., лак., дарг., арч. *пагьму,* лезг., агул. *фагьум*, таб. *фагьум(лу)* ‘соображение, рассудок, ум’;

ذهن z̲ihn - лезг., агул. *зигьин*, таб. *зигьим* ‘понятливость’;

بصارة baṣāra - лезг. *басарат* ‘проницательность’; буд. *басарат йихьар / сиъи* ‘быть ослепленным / ослепить’

بصير baṣīr - лезг. *басир* ‘способность видеть, видение’;

حوالات ḥuwālāt - лезг. *гьавалат* ‘старание’;

جذب ǯazb – лезг. *жезб*, авар. *жазму*, чам. *джазма*‘экстаз’;

عيف ˤajf - лак. *хIайп,* лезг. *гьайиф,* таб. *гьяйиф,* уд. *гьаьиф,* буд. *гьайеф,* рут. *гьIайухь* ‘сожаление’;

ميل majl - лезг., таб. *майил* ‘склонность, призвание; симпатия, расположение; сочувствие; родственник’;

جمال ǯamāl - лезг. *жамал* ‘красота, привлекательность’;

كمال kamāl - лезг. *камал* ‘разум; совершенство’;

حس ḥiss - лак. *хIис*, лезг., таб. *гьисс* ‘чувство’; лак. *гьис* ‘боль от укола острым предметом’;

عيان ʕayān - лезг. *аян* ‘чувство, ощущение’; буд. *гIайан (йихьар)* ‘стать известным’;

إلهام ʔilhām - лак., арч. *илгьам* 'предчувствие; намек’;

إشتراك ʔiš tirāk - лезг., агул., буд. *иштирак*, таб. *иштирак-вал* ‘участие’;

خجلة x̱aǯla[t] - лак., лезг., таб. *хажалат*, агул., рут. *хаджалат* ‘горе, печаль, кручина’;

خيفة x̱īfa[t] - рут. *хихьват* ‘горе’;

غام ğam - лезг., таб. *гъам*, агул. *гъам* ‘дума’, рут. *къам* ‘горе, скорбь, печаль’;

هجران hiǯrān - лезг. *гьижран* ‘скорбь’;

غضب ğaḍab - лезг. *гъазаб* ‘гнев’, таб. *гъазаб* ‘мучение, беспокойство’;

حرص ḥirṣ - лезг. *гьуьрс*, таб., уд. *гьирс* ‘гнев; раздражение’;

عمر ʕumr - авар., цез. *гIумру*, бежт. *оьмроь*, год. *ъурми*, чам. *гIурми*, лак. *оьрму,* лезг. *уьмуьр*, таб. *уьмур*, агул. *Iумур*, рут. *гьIумир*, арч. *гIуммар*, буд. *гIуьмуьр*, хин. *хIуьмуьр* ‘жизнь’;

اجل ’aǯal - чеч. *Iо̄жал-ла*, инг. *Iоажал,* авар., чам. *гIажал,* дарг., лезг. *ажал*, агул. *Iаджал*, рут., буд. *эджел*, уд. *аджал*, хин. *хIаьджаьл* ‘смерть’; цез. *гIажал* ‘самоубийство’. Как отмечает А. К. Шагиров [1977 I: 74], помимо адыгск. *ажал/аджал* 'смерть', 'смертный час', слово “представлено и в других кавказских языках, родственных и неродственных: абх. *аджьал,* абаз. *аджьаль,* лезг. *ажал,* авар. *гIажал,* груз. arǯali, осет. *адзал,* балк. *аджал* и т. д. 'смерть', 'смертный час', рок'”. См. также [Абаев 1958: 30];

وفاة wafā[t] - лезг. *вафат* ‘смерть’;

مشغلة mašğala[t] - рут. *мачхулат* ‘развлечение, увлечение’;

خيال xijāl - лак., лезг., агул., авар., дарг. *хиял,* ботл., чам., цез., бежт., арч., рут., уд. *хийал*, буд. *хейал* ‘мысль, дума; 'мечта, фантазия; желание, идея, намерение; увлечение’;

شغل šuğl - лак. *щугълу* 'дума';

فكر fikr - авар., лак. *пикри*, год., цез., арч. *пикру*, бежт. *пикро*, дарг. *пикри,* чам. *пикур*, лезг., таб., рут., хин., буд., уд. *фикир* ‘дума; мысль, размышление; мнение, суждение’;

سعى sa‘y - лезг. *сяйи* ‘усердие, старание’;

دقة diqqa[t] - лезг. *дикъет*, буд. *дикъет* ‘внимание’;

غلبة ğalaba - лезг. *гъалаб* ‘волнение’;

تشويش tašwīš - арч. *тишпиш*, лезг., рут., буд. *тешвиш* ‘волнение’;

إحتياط iḥtijāṭ - лак. *игьтият(ну)* 'осмотрительно', 'осторожно', лезг. *игьтият,* таб. *ихтият*, рут. *эгьтийат-валды* ‘бдительность, предусмотрительность, осторожность, экономичность’;

فراغة farāğa - чеч., инг. *паргIат,* авар., чам., бежт., цез. *паракъат,* арч. *парикьат*, лак. *паракъат-сса*, лезг. *фаракъат,* таб. *фаракьат* ‘покой; спокойный, неподвижный’. Возведение лакского слова к араб. فارغ fāriğ [Курбайтаева 1999: 9] не может быть принято ни с точки зрения семантики, ни с точки зрения фонетики. Слово вошло, по В. И. Абаеву [1973: 237], во многие языки Кавказа, причем для осетинского в силу начального р- предполагается тюркское посредство.

كيفيّة kayfijja - лезг. *кефи* ‘самочувствие’;

كيف kajf - авар., чам., бежт., цез. *кеп*, лак. *кайп*, лезг., таб. *кеф* ‘удовольствие, блаженство, наслаждение’;

كفاية kifāja - лезг. *кфет*, таб. *кефият* ‘удовольствие, наслаждение’;

حظّ ḥaẓẓ - лак. *хIаз*, таб. *гьяз* ‘наслаждение, удовольствие'; дарг. *хIяз* 'игра';

صفاء ṣafā? - лезг., таб., буд. *сафа* ‘удовольствие, наслаждение’;

لذّة lazza[t] - авар., чам., бежт., цез., лак., дарг., буд. *лазат*, лезг., рут. *лезет*, таб. *неззет* ‘наслаждение, удовольствие, услада’;

طالع ṭāliʕ - авар., цез., лак., дарг. *талихI*, чам. *талехI*, бежт. *талигь*, арч. *талахI* 'счастье';

إقبال iqbāl - авар., чам. *икъбал* 'удача, везение';

اذيّة ʔaẕiyya[t] - лак. *аьзият*, лезг., агул. *азият*, таб. *аьзият*, рут. *гьIазийат*, буд. *азийат, азийет*, арч. *гIазийат* ‘мучение, мука’;

عذاب ʕaẕāb - авар., цез., арч. *гIазаб*, год. *ъазаб*, лак. *аьзав*, дарг. *гIязаб*, бежт., лезг. *азаб*, таб. *аьзаб*, агул. *гIазаб*, чеч., инг. *Iазап* ‘страдание, мучение, мука; трудности’;

هلاك halāk - инг. *хIалак* ‘уничтожение’; лезг. *гьелек* ‘мучение’; буд. *гьалак (йихьар)* ‘мучиться, изводиться’;

حركة ḥaraka[t] - авар., чам., цез. *хIаракат*, бежт. *гьаьраькаьт*, дарг. *хIяракат*, лак. *хIарачат* 'старание, усилие', лезг. *гьерекат* ‘движение’, таб. *гьяракат*, агул. *гьеракат*, рут. *гьIаракат* ‘спешка’;

كرامة karāma - авар., лак., дарг., арч., чам. *карамат*, цез. *карамат* (асах. *каламат*), лезг. *керамат*, таб. *кереме* ‘правда; чудо, диво; дивный’;

حقيقة ḥaqīqa[t] - авар., цез., чам. *хIакъикъат*, бежт. *гьаькъикъат*, дарг. *хIякьикьат*, арч. *хIакьикьат*, лезг., буд. *гьакъикъат*, таб. *гьякьикьат*, рут. *гьекъикъат-вал-ды* ‘действительность, реальность, подлинность; правда, истина’;

حق ḥaqq - авар., цез., чам. *хIакъ*, бежт. *гьаькъ*, лак., агул. *хIакь*, дарг. *хIекь*, лезг. *гьахъ*, рут. *гьакь*, буд. *гьакъ* ‘правда, истина; вознаграждение, плата; правый’; чеч. *хьакъ* ‘соответствие; заслуга, должное’; об осетинском см. [Абаев 1989: 140-141];

خلاف xilāf ‘противоречие, разногласие’ - буд. *хилаф* ‘ложь’;

شكّ šakk - авар. *щак* ‘подозрительно’, чам. *щак-аб*, лак. *щак*, бежт., цез. *шак* ‘подозрительно’; лезг., таб., агул., рут. *шак*, инг. *шек* ‘сомнение, подозрение’. Об осетинском см. [Абаев 1973: 98];

وسواس waswās - авар., чам. *васвас* ‘сомнение, колебание, нерешительность’; ср. цез. *васвас-ди*, бежт. *васвас-и* < авар.

خاصيّة x̱āṣija[t] - авар., лак., дарг., таб., арч. *хасият*, чам., цез., бежт., буд. *хасийат*, лезг. *хесет,* рут. *хасийет* ‘характер; черта характера; привычка, наклонность; особенность’;

آخر āx̱ir - авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *ахир*, лезг. *эхир,* таб. *аьхир*, буд. *ахыр*, рут. *аIхир// эхир*, хин. *ахры* ‘конец, исход’;

قدر + قسمة - лезг., буд. *кьадар-кьисмет,* рут. *кьадар-къисмат* ‘судьба, рок, предопределение’;

قسمة qisma[t] - авар., бежт., цез. *къисмат,* лезг. *кьисмет*, лак., дарг., таб., арч. *кьисмат* ‘судьба, доля’. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 334];

نسل nasl - авар., чам., цез., лак., дарг. *наслу*, бежт. *насло*, год. *насулу*, таб. *насил*, буд. *несил* ‘поколение’;

زوال zawāl - лезг., рут., буд. *завал* ‘гибель, пагуба; беда, бедствие, напасть; недостаток, изъян; ущерб, убыток, урон’;

شرّة širra - лезг., буд. *шийир* ‘беда, горе’;

بلاء balā‘ - авар., чам., цез., бежт., дарг. *балагь*, год. *балагьи*, лак., лезг., таб., чеч., инг. *бала*, буд. *бела* ‘беда, бедствие’. Широкое распространение лексемы в кавказских языках продемонстрировано А. К. Шагировым [1977 I: 74], отмечающим происхождение адыгск. *бэлыхь/бэлахь* 'несчастье', 'бедствие'; 'наказание'; 'замечательный', 'исключительный' “из араб. balā', ср. тур. belâ 'несчастье', 'бедствие', 'беда'; 'горе'; 'наказание', 'бич'. С согласным в ауслауте слово представлено и в ряде других языков Кавказа, ср. осет. *бэеллæх l бæллах,* балк. *пелах,* авар. *балагъ* 'беда'. Для абаз. *балахь* 'беда', 'несчастье'; 'смелый', 'отчаянный'; 'добротный' следует предположить кабардинское посредство”. Пример произвольного членения см. [Арсамаков 2001: 103];

نكبة nakba - лезг. *небгет* ‘беда, бедствие, несчастье’;

مصيبة muṣība - лак. *мусиват*, авар., дарг., лезг., агул. *мусибат*, буд. *муьсуьбет* ‘беда, несчастье’;

قضاء qaḍā‘ - лезг. *къаза*, буд. *къеза* ‘беда, роковой случай’;

ضرر ḍarar - авар., лезг., таб., рут. *зарар*, ботл., бежт., цез., чам., дарг., лак., арч. *зарал* ‘вред, ущерб, убыток’;

б) временные понятия:

وقت waqt - лезг. *вахт*, таб., агул., рут., цах., буд., удин., хин. *вахт*, крыз. *ваьхт*, *вахт* ‘время’;

وعدة waʕda[t] - чеч. *ваIда*, лак. *вяъда*, лезг. *вяде,* таб. *вяда*, буд. *ваьда*, рут. *вагьIде* ‘время, срок’; дарг. *вягIда* ‘договор’;

ايّام ’ayyām (*мн. от* يوم) - лезг. *аям*, буд. *айам* ‘время’;

مدّة mudda[t] - лак. *мутта*, лезг., таб. *муддат*, буд. *муьддет* ‘время, срок, период’;

دوران dawrān - лезг., рут. *девран*, буд. *довран* ‘время, пора, эпоха; время вольного житья; приволье’;

لحظة laḥaẓa - лезг. *легьзе* ‘мгновенье, миг, момент’;

زمن||زمان zaman ||zamān - авар., ботл., арч. *заман*, чеч. *зама,* год., дарг., лак., агул. *замана*, лезг. *заман*, таб., агул., рут., цах., буд. *заман* ‘время, эпоха’; формы с конечным -*а* могут отражать персидский первоисточник; об осетинском см. [Абаев 1989: 287];

عصر ʕaṣr - авар. *гIасру*, лезг. *эсир*, таб. *аьсир* ‘век’;

تأريخ tārīx̱ - авар., чам., бежт., цез., лак., лезг., таб., агул., арч. *тарих*, чеч. *терахь*, инг. *таьраьхь* ‘история, дата, цифра’. “Вошло в персидский, тюркские и едва ли не во все языки Кавказа” [Абаев 1979: 239];

دور dawr - лезг., таб., агул., рут. *девир*, буд. *довур* ‘период; эпоха’;

فرصة furṣa[t] - дарг. *пурсат* ‘удобный момент’;

ابدية ʔabadiya[t] - чеч. *абаде* ‘вечность’; рут. *абад йиишин* ‘быть обеспеченным’;

ساعة sāˁa[t] - чеч. *сахьт*, инг. *сахьат*, авар., цез. *сагIат*, год. *саъати*, бежт. *саъат // шаъъаьт*, чам. *ēагIат*, дарг. *сягIят*, лак. *ссят*, лезг. *сят*, агул. *саIат*, рут. *сагьIат*, хин., буд. *сагIат*, уд. *сагьад* ‘час’; ‘часы’. Об осетинском см. [Абаев 1979: 50];

مجال maǯāl - авар. (диал.), лак., лезг., таб., арч. *мажал,* агул., рут. *маджал* ‘досуг, свободное время’. Об осетинском см. [Абаев 1973: 64-65];

محالة maḥāla[t] - авар., лак., арч. *мугьлат*, лезг. *муьгьлет*, таб. *мюгьлет* ‘отсрочка, отпуск; передышка’;

سحر saḥar - лезг. *сегьер* ‘раннее утро, рассвет’;

صباح ṣabaḥ - агул. *сабагI* ‘утро’;

دقيقة daqīqa[t] - лак., таб. *дакьикьа,* лезг. *декьикьа,* агул. *дакьикъа*, рут. *тIекьикье*, буд. *декъикъе* ‘минута’;

أوّل ˀawwal ‘начало’ - авар., арч., цез. *авал*, лезг., таб., рут. *эвел* ‘начало; вначале, давно’ (с редупликацией: *авал-авал* ‘давным-давно’); чам. *авал-ахир* ‘начало и конец’);

اوّلا ’awwalan - лезг. *эвела* ‘прежде всего’;

- в т.ч. названия месяцев:

محرّم muḥarram - рут. *МагьIарам*, агул. *мухIаррам*;

ربيع ألاوّل rabīˁ alˀawwal (3-й месяц лунного календаря) - рут. *Реббийул-эвел*;

- рут. *Реббийул-ахир,*

Джамалидин-эвел,

Джамалидин-ахир;

رجب raǯab - рут. *Раджаб*, агул. *раджаб*;

شعبان šaˁbān (8-й месяц лунного календаря) - рут. *Шабан*, агул. *шагIбан*;

رمضان ramaḍān - лезг., рут. *Рамазан* (*месяц поста*), агул. *рамадан*;

صفر ṣafar (2-й месяц лунного календаря) - агул. *сафар*;

شوّال šawwāl (10-й месяц лунного календаря) - рут. *Шувал*;

Зулкъанде,

Зулгьедже.

Перечисленные названия встречаются в рассматриваемых языках в качестве архаизмов, ср.: “Названия всех двенадцати месяцев в аварском языке заимствованы из русского языка: *январь*, *февраль*, *март* и т.д. Очень редко, только в речи некоторых представителей преклонного возраста, можно услышать названия месяцев мусульманского лунного календаря, заимствованные из арабского языка, и лишь в определенном контексте. Первый месяц лунного календаря мусульман называется *мух1арам* 'мухаррем', второй – *сапар* – ‘сафар’, третий – *рабиг1ул авал* ‘рабиаль-ауваль’ четвертый – *рабиг1ул ахир* 'рабиас-сани', пятый – *жумадул авал* 'джумада аль-ула’, шестой – *жумадул ахир* 'джумада аль-ахира’, седьмой – *ражаб* ‘раджаб’, восьмой – *шаг1бан* ‘ша'бан’, девятый – *рамазан* ‘рамазан' , десятый – *шавал* 'шавваль’, одиннадцатый – *зулкъаг1ида(т)* 'зулькада’ и двенадцатый месяц лунного календаря – *зулх1ижа(т)* ‘зульхиджа’” [Маллаева 1991: 79].

- обозначения дней недели:

الاثنين ’al’is̱nayn - лезг., агул. *ислен*, авар.,ботл., чам., бежт., цез., таб. *итни*, рут. *ислеъен* ‘понедельник’;

ثلاثاء s̱ulās̱āʔ - лак. *тталат*, арч. *далат*, лезг., рут. *саласа,* авар., ботл., чам., год., бежт., цез., таб. *талат*, дарг. *талат (бархIи)*, авар. *талат (къо)* ‘вторник’;

اربع (jawm-al)ʔarbaʕ - ботл., чам., цез. *арбагI*, год., бежт. *арбаъ*, лак. *аьрвахI*, таб. *гьербе*, агул. *Iарбе*, рут. *гьIарба*, арч. *аIрба* ‘среда’;

خميس x̱amīs - авар., цез., бежт. *хамиз*, дарг. *хамис (бархIи)*, лезг. *хемис,* таб., рут. *хамис*, агул. *химис* ‘четверг’;

جمعة ǯumʕa[t] - лезг. *жуьмя*, таб. *жвуми*, агул. *джумIа*, рут. *улджум* ‘пятница’;

الاحد ’al-’aḥad - авар. *гьатIан*, лезг. *гьяд*, таб. *элгъет*, агул. *эхIад*, лак. *алхIат* ‘воскресенье’; хин. *хIаьид* ‘праздник’.

Как отмечают в литературе, “аварский язык, как и другие языки Дагестана, для обозначения дней недели употребляет, в основном, заимствования из арабского языка, ср.: авар., бежт., лакск. *тталат* и лезг. *саласса* ‘вторник’; авар., *арбагI*, чам., бежт. *арабаъ*, дарг. *арбягI*, лакск. *аравахI*, лезг. *арбе* ‘среда’; авар., чам., бежт. *хамиз*, гунз. *хамисс*, лакск., дарг. *хамис*, лезг. *хемис* ‘четверг’.

Авар. *рузман* (андал. *Ружман*, карах. *Ружмар*), а также соотносимые с ним чам. *Рузма*, гунз. *Нужбар*, бежт. *муъжмар*, дарг. *жумягI*, лакск. *нюжмар* (*ружмар*, *дужмар*), лезг. *жуьмя* ‘пятница’ в отличие от предыдущих названий дней недели, вышедших из арабского языка, по устному сообщению И. Х. Абдуллаева, имеет иранское происхождение и восходит к персидскому *руз-и-мегьр* букв. ‘праздничный день’ (так называют потомки древних зороастрийцев ‘воскресенье’)” [Маллаева 1997: 31]. Как было показано выше, лезг. *жуьмя* и лексемы других южно-дагестанских языков, восходят к арабскому источнику, так что приведенное выше утверждение оказытся справедливым только по отношению к аваро-андо-цезским, лакскому и даргинскому языкам.

3. Морально-этические понятия:

أدب ʔadab - авар., ботл., чам., цез., бежт. *адаб*, лак. *адав* 'вежливость, воспитанность', 'учтивость, почтительность', лезг., таб., рут. *эдеб*, дарг., агул. *адаб* ‘мораль, этика; приличие’;

فخر fax̱r - авар., чам., лак., дарг., арч. *пахру* ‘гордость, высокомерие, гонор; надменность, спесивость’; буд. *фехр (сиъи)* ‘гордиться’;

اخلاق ’ax̱lāq (*мн. от* خلق) - лезг., таб., буд. *ахлакь* ‘нравственность, поведение’;

بحث baḥs̱ - рут. *багьIс* ‘завистливость’;

غيرة ğayra - лезг. *гъейрат* ‘честь, достоинство’;

ناموس nāmûs - авар., лезг., таб., агул., буд. *намус,* чам., цез., бежт., лак., дарг. *ламус,* рут. *ламыс* ‘честь, совесть, достоинство’. В качестве первоисточника предполагается персидский язык [см. Абаев 1973: 155];

تحسير taḥsīr - авар., цез., бежт., чам., дарг. *такъсир*, лак., лезг., таб., рут. *тахсир*, буд. *тахсыр* ‘вина, виновность’; ‘преступление’; ‘наказание’;

صبر ṣabr - чам. *с̄абур*, цез., бежт., дарг. *сабур*, лак. *ссавур*, арч. *ссабур*, лезг., таб. *сабур*, рут., буд. *сабыр*, чеч. *собар*, инг. *сабар* ‘сдержанность, терпение, выдержка’. В других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 7];

دوام dawām - хин. *давам (куи)*, буд. *давам (йихьар/сиъи)*, лезг. *давам (авун)* ‘устоять’, рут. *дамам/давам* ‘терпение’; ‘продолжать(ся)’;

سليقة salīqa - лезг. *селигъа*, буд. *салыкъа* ‘порядок, аккуратность, собранность; привычка к порядку’;

وفاء wafāʻ - лезг., буд. *вафа* ‘верность, преданность’; агул. *вафа* ‘отдача, польза’;

جسارة ǯasāra[t] - лезг. *жасарат* ‘смелость, храбрость’;

جرأة ǯurʔa[t] - лак., арч. *журат*, лезг. *жуьрэт*, таб. *жюр'эт* ‘смелость, храбрость’;

توكّل tawakkul - лак. *таваккул*, авар., арч. *таваккал* 'решимость, смелость, самоотверженность; упование'. Отмечено во многих языках Кавказа [Абаев 1979: 238];

مشغولات maš ğûlā[t] - лезг., таб. *машгъулат* ‘развлечение, занятие, забава’;

ظرافة ẓarāfa[t] - лезг., таб., буд. *зарафат,* рут. *зарахьват* ‘шутка’;

مسخرة masxara[t] - авар., лак., дарг., буд. *масхара*, год. *масхъара*, чам. *мас̄хъара*, цез., бежт. *махсара* ‘шутка’. Отмечено во многих языках Кавказа [Шагиров 1977 I: 272];

اهانة ’ihāna[t] - лезг. *ягьанат,* рут. *ийанат* ‘глумление; насмешка’; агул. *игьанат* ‘ничтожество’;

عمل ʕamal - чеч. *амал*, инг. *оамал*, авар. *гӀамал* (+‘действие, деяние; поступок’), ботл., чам., цез., арч. *гӀамал*, бежт. *аьмаьл*, лак. *аьмал* 'нрав, характер; привычка; повадки, замашки', лезг. *амал*, таб. *аъмал*, рут. *гьӀамал* ‘хитрость; способ’. О распространении слова в языках Кавказа см. [Абаев 1958: 50];

علّة ʕilla[t] - чеч. *хӀилла*, авар., лак. *хӀилла*, таб. *гьюлле* ‘хитрость, уловка’; см. тж. [Абаев 1989: 202];

فتنة fitna[t] - авар., лак. *питна* 'смута, беспорядок', арч. *питну // питни* ‘бунт’, лезг., рут. *фитне*, буд. *фитва*, таб. *футна*, чеч. *питана* ‘клевета, сплетня’; инг. *питам* ‘вредный’;

غيبة ǧība[t] - лезг. *гъибет* ‘сплетня, кляуза’;

بهت buht - лак. *бухьтан*, лезг. *буьгьтен*, агул. *бугьтан* ‘клевета, навет’;

حرمة ḥurma[t] - чеч. *хьурмат*, авар., чам., цез., лак., дарг. *хӀурмат*, бежт. *гьурмат*, уд. *гьоьрмаьт*, лезг. *гьуьрмет*, таб. *гьюрмат*, рут. *гьӀурмет*, буд. *хӀуьрмет*, хин. *хӀуьрмаьт* ‘уважение, авторитет, почет’;

خطير xaṭīr - лезг. *хатур*, авар., лак., дарг., таб., агул., рут. *хатир*, чам., цез., бежт. *хъатир*, буд. *хатыр* ‘уважение, почет’; об осетинском см. [Абаев 1989: 146];

هوس hawas - лезг., таб. *гьевес*, лак., рут., буд. *гьавас* ‘охота, страсть (к чему-л.), увлечение, задор’;

شوق šawq - авар. *шавкъ,* лак. *шавкь*‘страсть, страстное желание, любовь’;

نفس nafs - лезг., таб. *нефс*, буд. *нефс* ‘жажда, страсть’;

زناء zinā? - авар., ботл., чам., бежт. *зина* ‘блуд, прелюбодеяние; похоть’; цез. *зина (бода)* ‘грешить’;

وجدان wiǯdān - лезг., таб. *виждан*, буд. *виджддан* ‘совесть’;

شفاعة šafāˁa[t] - авар. (уст.) *шапагIат // шапагIалъи*; лезг. *шапаъат* ‘заступничество, ходатайство; покровительство’;

شفقة šafaqa[t] - авар. *шапакъат* ‘награда’; лезг. *шафакъат*, таб. *шафакьат* ‘милость, милосердие’;

رحيم raḥīm (судя по структуре заимствований, исконное слово должно выглядеть как raḥm) - авар., чам., лак., дарг., арч. *рахIму* 'пощада', цез. *рахIму*, бежт. *раьгьмоь*, лезг. *регьим*, рут. *рагьIим*, буд. *рахIам* ‘милосердие’; хин. *раьхIим(куи)* ‘жалеть’;

رحمة raḥma[t] - авар., ботл., чам., цез., дарг., буд. *рахIмат,* лезг. *регьмет*, бежт. *раьгьмаьт,* рут. *рагьIмет* ‘уважение, благословение, прощение, помилование (усопшего); милость, милосердие’; лак. , арч. (< лак.?) *рахIмат* ‘атмосферные осадки’;

مرحمة marḥama[t] - лезг. *мергьемет*, буд. *маргьамат* ‘милосердие, сострадание’; лак. *мархIамат* ‘великодушие’;

إنصاف ’inṣaf - авар., чам. (уст.), цез., бежт., лак., дарг. *инсап* 'совесть', лезг., таб., агул., буд., уд. *инсаф*, рут. *инсахьв* ‘справедливость, милосердие; правосудие’;

خيرة x̱ajra[t] - лак. *хайрат* ‘благодеяние, милость; имущество’;

عدالة ˁadāla[t] - лезг. *адалат*, таб. *аьдалат* ‘справедливость, правда’;

عدل ˁadl - чеч. *Iедал*, инг. *Iаьдал*, лак. *аьдлу* 'правосудие; власть, закон', авар., цез., арч. *гIадлу*, чам. *гIадул*, бежт. *адло* 'порядок, дисциплина'; ср. также сложение: бежт. *адло-низам* 'порядок, дисциплина';

عيب ˁajb ‘порицание; недостаток, изъян’ - чеч., инг. *айп*, лак. *аьй*, авар., цез. *гIайиб,* чам. *гIāйб,* бежт. *аьйиб,* год. *ъайиб,* лезг. *айиб,* таб. *аьйиб*, рут. *гьIайиб* ‘позор, стыд; дефект, недостаток, порок’; арч. *гIейб* ‘вина’. Как отмечает В. И. Абаев [1958: 39], “слово представлено во могих языках Кавказа”. Тем не менее, “возникает заманчивая мысль видеть здесь тюрк. АЙ в значении “сожалеть, терзаться”... и П/а/ -

древняя форма глагола-связки Б/а/ “есть, быть”[Арсамаков 2001: 59]. Произвольность последнего решения очевидна;

عار ʕārr - агул. *гIар*, лезг. *ар*, таб. *аьр* ‘стыд, совесть’;

حياء hajāʔ - лак. *хIая*, дарг. *хIяя*, арч. *хIийа*, лезг. *гьая*, таб. *гьяя*, агул. *хIея*, рут. *гьIайа*, буд. *гьайа* ‘стыд, приличие’;

إختبار ixtibār - лезг., таб., рут. *ихтибар,* буд. *эхIтибар,* уд. *еттивар* (варт.), *ехтибаьр* ‘доверие’;

تدارك tadāruk - лезг. *тадарак*, таб. *тадарук* ‘заготовка, запас’;

مكر makr - чеч. *мекар-ло*, авар., лак. *макру,* лезг. *мекир,* рут. *макар* ‘коварство, плутовство, хитрость’;

4. Лексика, выражающая отношения между людьми, общественно-политические и экономические термины, наименования видов хозяйственной деятельности:

(а) межличностные отношения:

إمداد imdād - лезг. *имдад* ‘помощь’; буд. *имдад* ‘доверие’; таб. *имдад* ‘мольба, просьба о помощи’;

رخصة ruxṣa[t] - авар., бежт., арч. *рухса*, лак. *рухсат* 'разрешение, дозволение', лезг., таб. *рухсат*, буд. *рысхат* ‘отсрочка, отпуск, каникулы; увольнение’;

قبول qabūl - инг. *къоабал,* авар. *къабул,* чам. *къабул (игьла),* бежт. *къабул (йахъал),* цез. *къабул (бохъа),* лезг. *кьабул (авун),* хин. *кьаьбул / кьобул (куи),* рут. *кьабыл* ‘одобрение, принятие’; таб. *кьабул* ‘приемлемый; удовлетворительный, подходящий’; чеч. *къӧбал-дан* ‘одобрить’. Западнокавказские формы, в т.ч. адыг. *къIабыл / къабыл*, абаз. *къIа-былъ* 'дозволенный, разрешенный мусульманской религией', убых. *кхъабыл* 'принятие', 'согласие', приводит А.К.Шагиров [1977 I: 218] Об осетинском слове с кавказскими параллелями см. [Абаев 1973: 254];

تكليف taklīf - лезг., таб., буд. *теклиф,* рут. *теклихьв* ‘предложение, приглашение’;

تدبير tadbīr - авар., чам., арч., таб. *тадбир,* лезг. *тедбир* ‘мера, мероприятие’; лак. *тадвир* ‘совет, наставление’;

جلب ǯalb - лезг. *желб*, буд. *джелб* ‘привлечение’; таб. *жалб (апIуб)* ‘привлекать’;

مرخص muraxaṣ - лак. *мурахас (бан)* 'избавить', 'освободить’;

شكر šukr - авар. *шукру* , лак. *щукру,* чам. *щукур,* лезг., рут. *шукур*, уд. *шуькуьр*, таб. *шюкюр* ‘благодарение, слава’;

تعريف taˁrīf - лезг., буд. *тариф* (+ ‘определение, точное толкование’), таб. *тяриф*, рут. *тарихьв* ‘похвала’;

مبارك mubārak - дарг., лезг. *мубарак*, рут. *нубараг*, буд. *нубарек* ‘поздравление’; хин. *нубараьк* ‘радость’; таб. *мубарак* ‘поздравительный, приветственный’;

تبريك tabrīk - лезг., таб. *тебрик* ‘приветствие, поздравление’;

لعنة laˁna[t] - чеч., инг. *нагIалт*, год. *наъана*, лак. *нааьна*, дарг. *лягIнат*, лезг. *лянет*, таб. *нянат*, рут. *нагьIнет*, буд. *лагIнат*, арч. *нагIна* ‘проклятие’. О слове в других языках Кавказа см. [Абаев 1973: 153; Шагиров 1977 I: 278];

تهمة tuhma[t] - лезг. *туьгьмет*, таб. *тюгьмет*, буд. *тоьгьмет*, агул. *тугьмат* ‘замечание, упрек’;

مذمة mazamma[t] - лезг. *меземмет* ‘упрек, укор’;

(б) имущественные отношения:

امانة ’amāna[t] - чеч. (уст.) *амалт,* лак. *аманат (бан)* 'поручить', 'завещать', арч. *амāнат*, авар., ботл., лезг., таб., агул., рут., буд., уд., чам., цез., бежт. *аманат* 'поручение'; ‘вещь, отданная на хранение; заложник’. О западнокавказском (с метатезой: адыгск. *анэмэт*, абаз. *анамат*) см. [Шагиров 1977 I: 61]. О распространении слова в других языках Кавказа (в том числе чеч., инг. *аманат*) см. [Абаев 1958: 53]

وصيّة waṣiyya[t] - чеч. *весет*, авар. *васигат*, ботл., чам. *васигат*, бежт., цез. *васийат*, лезг. *весият*, лак., дарг., таб. *васият*, арч. *васикат* ‘завещание, завет’. О слове в других языках Кавказа см. [Абаев 1989: 98-99];

وصيّ waṣi - лезг. *веси*, рут. *васи*, буд. *веси* ‘завещание’;

وقوف wuqûf (*мн. от* وقف) - лак., дарг. *вакъпу*, лезг. *вакъуф* ‘вакуф - имущество, завещанное на благотворительные цели’; ‘собственность мечети’;

تركة tarika[t] - лезг. *тирика* ‘раздел наследства’;

متاع matāʕ - лезг. *метягь* ‘имущество’;

إرس ʔirs - авар., ботл., чам., лезг., чеч. *ирс*, чам. *ирс̄*, цез. *ирси* ‘наследство, наследие’; буд. *ирс* ‘род’;

قبض qabḍ - буд. *къабз*, уд. *къаьбиз* ‘квитанция, расписка’;

قرض qarḍ - бежт. *къарза*, буд. *къарджа* ‘долг; заем, кредит’; цез. *къарз-илI* ‘в долг; взаймы’;

حاجة ḥāǯa - авар., чам., цез., лак., арч. *хIажат*, дарг. *хIяжат*, лезг. *гьажет*, таб. *гьяжат* ‘нужда, потребность, надобность; необходимый’;

احتياج ʔiḥtiyāǯ - лезг., таб. *игьтияж*, буд. *эхIтийадж* ‘нужда, потребность’;

محتاج muḥtāǯ - лак. *мюхтаж-сса* 'нуждающийся', лезг. *муьгьтеж*, таб. *мюгьтаж*, буд. *моьгьтадж* ‘нужда’;

ذلّة zilla[t] - лезг., таб., буд. *зиллет* ‘крайняя нужда, бедственное положение; мытарство; нищета, нищенство’;

درجة daraǯa[t] - авар., лак., арч., чам., цез., бежт. *даража*, лезг., таб. *дережа*, рут. *дередже*, чеч. *дарж* ‘степень, ступень, социальное, служебное положение’;

إدّعاء ʔiddiʕāʕ - лезг. *иддя*, буд. *иддиъа* ‘претензия’;

عناد ʕinād - лезг., буд. *инад* ‘месть’;

قصاص qiṣāṣ - авар., бежт., цез. *къисас*, лак., лезг., таб. *кьисас*, буд. *къисас* ‘месть, мщение, возмездие, расплата; кара, наказание’;

إنتقام ʔintiqām - лак. *интикьам*, лезг. *интикъам* ‘месть’;

نصرة nuṣra - лезг. *нуьсрет* ‘помощь’;

عداوة ‘adāwa - лезг. *адават (поэт.)* ‘вражда, неприязнь’;

(в) народ, общество:

خلق xalq - авар., чам., бежт. *халкъ,* лезг., агул., рут., лак., дарг., арч. *халкь*, чеч. *халкх*, инг. *халкъ*, цез. *халкъи* ‘народ’;

جامعة ǯāmiˁa[t] - авар., цез. *жамагIат,* чам. *джамагIат*, бежт. *жамаъат*, лак. *жямат*, арч. *жамат*, лезг. *жемят,* таб. *жямяаьт*, агул. *джамият*, рут. *джамагьIат*, буд. *джамгIат*, уд. *джамагьат*, чеч. *джамIат* ‘народ; сельская община’. Распространение лексемы в западно-кавказских языках отмечено А. К. Шагировым [1977 I: 193], ср. адыгск. *жэмыгIэт / джэмыгIэт,* абаз. *джьамагIат* 'группа людей'; ‘общество'.

امّة ʔumma[t] - авар., дарг. *уммат* ‘народ, нация’;

مملكة mamlaka[t] - лезг. *мемлекат* ‘народ’; авар. (уст.) *мамлакат*, буд. *мемлекет* ‘страна, государство’;

مخلوق maxlûq - таб., агул. *махлукь* ‘население, жители; народ, масса’;

مخلوقات maxlûqāt (*ед.ч.*مخلوق) - лак. *махлукъат*, лезг. *махлукьат* ‘народ, масса’;

ملجس maǯlis - лезг. *межлис*, авар., бежт., лак., дарг., таб. *мажлис*, агул. *маджлис*, рут. *маджлист* ‘свадебное мероприятие, танцы на общественном месте; 'собеседование', 'собрание', 'компания’;

إجلس iǯlas - буд., хин. *иджлас* ‘собрание’;

سوق sawq - авар. *сайигъат*, чеч. *совгIат*, дарг. *савгъат*, лак. *ссийгъат,* лезг. *савкьват,* буд. *савкьват* ‘подарок, преподношение’;

هدية hadiyya - лезг. *гьадия* ‘подарок’; буд. *хIадийе* ‘пир в доме невесты (устраиваемый для мужчин отцом или родственниками девушки, перед тем как увезти ее в дом жениха)’;

انسانيّة ’insāniyya[t] - авар., дарг., лезг., таб. *инсаният*, цез., бежт., чам. *инсанийат*, буд. *инсанийет* ‘человечество, человеческий род’;

ملّة milla[t] - авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *миллат,* лезг., таб., агул., рут., буд. *миллет* ‘нация, народ, народность, национальность’;

طائفة ṭā’ifa[t] - чеч., бежт., цез., лак., дарг. *тайпа*, чам. *тāйпа* 'вид', 'тип'; чам. *тагьпа*, лезг. *тайифа*, таб. *тайфа* ‘род, племя’;

قوم qawm - чеч., инг. *къам*, авар. *къавм* ‘племя; народ, народность, национальность’; лезг. *къавум*, буд. *къогьум* ‘родич, родня; родственник по мужу или жене’;

قبيلة qabīla - лезг. *къебила*, буд. *къибла* ‘род, племя’;

بشريّة bašarijja[t] - лезг. *бешерият* ‘человечество, человеческий род’;

تشكيل taš kīl - лезг. *тешкил (авун)*, буд. *тешкил (сиъи)*, таб. *тешкил (апIуб)* ‘создавать, организовывать, образовывать, формировать’;

تشكيلة taš kīla - лезг., таб., буд. *тешкилат* ‘организация’;

اتّفاق ʔittifāq - авар. (уст.) *иттифакъ*, лезг. *иттифакь,* буд. *иттифакъ* ‘единогласие, единодушие, единомыслие’;

(г) государство:

بدعة bidʕa[t] - лезг. *бидят* ‘новшество’;

انقلاب ’inqilāb - авар. (уст.), чам. *инкъилаб*, лак. *инкьилаб*, лезг., таб., буд. *инкъилаб* ‘революция’;

تبليغات tablīğāt - лезг. *таблигъат*, буд. *теблигъат* ‘пропаганда агитация’;

سياسة siyāsa[t] - лак., лезг., таб. *сиясат*, буд. *сийасат* ‘политика’;

محكم maḥkama[t] - авар. *махIкама* (уст.) ‘суд, судебный орган; член сельского суда’;

منافس munāfis - арч., дарг. *мунапис* ‘амнистия’;

إعفاء ʔiʕfāʔ - таб. *аьфа* ‘помилование’;

حكومة ḥukūma[t] - чеч. *хьукумат*, лак., дарг. *хIукумат*, лезг. *гьукумат*, таб. *гьюкумат*, авар., агул., арч. *хIукумат*, рут. *гьIукуьмет,* уд. *гьоькуьмаьт,* хин. *хIуькуьмаьт* ‘государство; правительство, власть’;

وطن waṭan - авар., лак., лезг., таб., агул., рут. *ватан*, чам. *вата*[н], цез., бежт., дарг. *ватIан* ‘родина, отечество’;

ولاية wilājja[t] - лак. *билаят*, лезг., таб. *вилаят* ‘страна’;

غربة ğurba[t] - лак. *гъурват*, лезг., арч. *гъурбат,* таб. *гъурабат,* буд. *къурбат* ‘чужбина, чужая страна’;

دعوة daʕwa[t] - авар., ботл., чам., цез. *дагIба,* бежт. *даьъбаь,* лак. *дъяви*, лезг. *дяве,* таб. *дяви,* рут. *дагьIви,* уд. *дава,* хин. *дагIва,* буд. *давгIа* ‘война; спор, ругань’. Эта же заимствовванная основа в адыгских языках “используется обычно в глагольном употреблении” [Шагиров 1977 I: 148], ср. *дэуэн* 'судиться'; 'спорить', а также абх. *адаура,* абаз. *дауара* 'судиться'; 'спорить'.

محاربة muḥāraba[t] - буд. *мугьарибе* ‘война’;

هجوم hužūm - авар., чам., цез., лак., лезг., арч. *гьужум*, бежт. *гьуьжуьм,* таб. *гьюжум*, рут. *гьуджум*, буд. *гьуьджуьм* ‘атака, наступление; нападение’;

خيانة x̱ijāna[t] - лак. *хиянат (шиву)*, авар. *хиянат // хияналъи* (> чам. *хийаналъи),* цез. *хийанат*, арч. *хийанат(кул)*, лезг. *хиянат*, буд. *хейанат* ‘предательство, измена’; чам. *хийанат-аб,* таб. *хиянат* ‘ненадежный, неверный, вероломный, предательский’; рут. *хийанат* ‘насмешка; измена’; бежт. *хийанат (йахъал)* ‘изменять, быть/стать предателем’;

غالب ğālib - лезг. *гъалиб (хьун)*, таб. *гъалиб (хьуб)* ‘побеждать’;

غلبة ğalaba[t] - буд. *къелебе* ‘победа’;

تعليم taʕlīm - лезг. (поэт., редк.) *талим*, буд. *тегIлим* ‘обучение, воспитание; дрессировка’;

تربية tarbiya[t] - авар., лак. *тарбия*, чам., бежт., цез. *тарбийа*, лезг., таб. *тербия,* рут., буд. *тербийе* ‘воспитание’;

أصل ʔaṣl - авар., чам., лак., дарг. *аслу,* лезг. *эсил,* таб. *асул*, рут., буд. *асыл*, уд. *аьсил* ‘происхождение; поведение; внешний вид’; агул. *асул* ‘коренной’; инг. *аьсал* ‘смирный, скромный, вежливый’. Ср. произвольное членение на *аьс/ас/еас* со значением “ум, разум, память, сознание; слышать, понимать” и деминутивный суфф. *-ал* [Арсамаков 2001: 89];

منسوب mansûb (ср. также نسب nasab) - лезг. *менсеб*, таб., рут. *мессеб* ‘происхождение, род’;

حرّيّة ḥurrija[t] - авар. *хIурият // хIуригат*, чам. *хIуригат // хIуриҗат*, бежт. *гьуьрийат*, цез. *хIурийат*, лак. *хIурият*, дарг. *хIуррият*, лезг. *гьуьрият*, таб. *гьюрият*, рут. *гьIурийат*, арч., буд. *хIурийат* ‘свобода, вольность; революция’;

جاهز ǯāhiz - лезг., таб. *жигьиз,* рут. *джийиз*, уд. *джеиз (варт.)* ‘приданое’;

موهوم mawhûm - лезг. *мавгьумат* ‘предрассудок, суеверие’;

اختيار ʔix̱tiyār - авар., лак., лезг., таб., агул., рут. *ихтияр*, чам., бежт., цез. *ихтийар* ‘право, правомочие, полномочие; разрешение, позволение; распоряжение; воля’;

(д) власть:

ظلم ẓulm - лезг., таб., рут. *зулум*, чеч. *зулам,* авар. *зулмо*, чам., бежт., цез., арч. *зулму,* лак., дарг. *зулму* ‘насилие, гнет’; инг. *зулам* ‘вредительство’;

مظلوم maẓlûm - лезг. *мезлум*, буд. *мезлум* ‘гнет, угнетение, притеснение’;

جبر ǯabar - лезг. *жебир* ‘насилие, принуждение’;

اطاعة ʔiṭāʕa[t] - лезг. *итIаат*, буд. *итаъат* ‘повиновение, подчинение’;

قرار qarār - лезг., таб., буд. *къарар* ‘решение; постановление’;

قطع qaṭˁ - буд. *къет* ‘решение’; таб. *кьатIъ апIуб* ‘решить(ся)’;

أمر amr - авар., ботл., цез., лак., дарг., арч. *амру*, бежт. *амро*, чеч. *омра*, инг. *амар*, чам., таб. *амур*, лезг., рут., буд. *эмир* ‘приказ, приказание, повеление’. В ингушском *амар* необоснованно выделяют тюрк. ым и ар с разъяснением “знак, сделанный рукою или глазами” [Арсамаков 2001: 67];

حكم ḥukm - авар., цез., лак., дарг., арч. *хIукму* ‘решение’, лезг. *гьуькуьм*, таб., агул. *гъюкум* ‘приказ’;

تبشير tabšīr - лак. *тапшур (бан)* 'поручить’ (в лезгинских языках функционирует тюркская основа *табшурмиш*, образованная от данного корня);

رشوة rašwa[t] - чам. *рищват,* лезг. *ришвет,* авар., год., бежт., цез., рут. *ришват*, дарг. *рушбат*, буд. *рушват* ‘взятка’;

وظفة waẓifa[t] - лезг. *везифа*, таб. *вазифа*, буд. *везифе* ‘долг, обязанность’, рут. *везифе* ‘должность’;

فريضة fariḍa[t] - лак. *париза* 'обязанность’; бежт. *париз* 'обязательное (для исполнения)’;

جزاء ǯazāʔ - авар., дарг., лезг., таб. *жаза*, рут. *дожаза* ‘наказание, кара’;

تعزير taˁzīr - авар. *тагIзир* ‘наказание палками, розгами’;

عريضة ˁarīḍa[t] - авар. *гIарза,* дарг. *гIярза,* лак., таб. *аьрза*, лезг. *арза*, рут. *гьIарзе*, арч., чам. *гIарз, гIарза* ‘жалоба, заявление’;

شكاية š ikāya[t] - лак., лезг. *шикаят (шкет, шикет)*, таб. *шикаят*, буд. *шикайет,* рут. *шагыйет* ‘жалоба’;

يسير jasīr - инг. *йесар*, авар. *ясир*, бежт., цез. *асир*, лак., дарг. *ясир*, лезг. *есир,* таб. *йисир,* рут., уд. *йесир,* буд. *йасыр* ‘плен, пленник’;

إدارة idāra[t] - авар., багв., чам., бежт., цез., лак., лезг., таб., агул., рут. *идара,* буд. *идаре*, хин. *идараь* ‘контора, учреждение’;

سرحة sarḥa[t] - таб. *сяргьят*, рут. *саргьIат*, буд. *серхIет, сергьед* ‘граница, рубеж; межа; предел, грань, черта’;

(e) хозяйственно-экономические термины:

قناعة qanāʻa[t] - авар. *къанагIа-лъи* ‘редкость’; буд. *кьанагIат*, лезг. *кьенят* ‘экономия; бережливость’;

خير x̱ajr - авар., бежт., цез., таб., рут. *хайир*, арч. *хер*, чам. *ха̄йр*, лак. *хайр*, лезг. *хийир*, хин. *хейир / хери*, буд. *хейир*, дарг. *хайри* ‘польза, выгода; прибыль’; материалы осетинского и других языков Кавказа, в т.ч. чеч., инг. *хейра* см. в [Абаев 1989: 134]

منفعة manfaʕa[t] - авар. *мунпагIат,* багв., чам. *мупагIат,* бежт. *мумпаъат,* цез. *мумпагIат,* лак. *мюнпат*, лезг. *менфят*, таб. *мянфяаьт*, рут. *мефагьIат,* буд. *манфагIат,* арч. *мупагIат* ‘польза, выгода’;

فائدة faˀida[t] - авар., анд., год., багв., чам., цез., бежт., лак., чеч., дарг. *пайда*, лезг., таб., буд. *файда* ‘польза, выгода’. Указывая на ар., перс. fāida, В. И. Абаев пишет, что данное слово “усвоено во многие языки”, в т.ч. и кавказские, а в осетинском “заимствовано через посредство одного из севернотюркских языков, которым чужда фонема f”, причем, “как и другие слова с начальным p, вошло в осетинский в тот относительно поздний период, когда в этом языке утратил силу закон перехода p в f” [Абаев 1973: 236]

نفقة nafaqa - лак. *напакьа* 'пособие', 'пенсия', дарг. *напакьа* 'запас', лезг. *нафакьа*, буд. *нафакъа* ‘иждивение’; бежт. *напакъа* ‘подаяние’;

تقيّد taqajjud - буд. *текъайуьд* ‘пенсия’;

تحويل taḥwīl - буд. *техIвил* ‘сдача’;

إستقراض ˀistiqrāḍ - буд. *истикъраз* ‘заем’;

حسبة ḥisba[t] - буд. *гьисабат* ‘учет’;

قيمة qīma[t] - авар., чам., бежт., цез. *къимат,* лак., дарг., агул. *кьимат,* лезг., буд. *кьимет* ‘цена, плата; оценка’;

مواجب mūǯib - буд. *маваджиб* ‘зарплата’;

معيشة maˁīša[t] ‘жизнь; средства к жизни’ - лак. *маэшат* 'средство, источник существования', бежт. *маьъишат*, лезг. *майишат*, таб. *мяишат*, авар., чам., цез. , арч. *магIишат*, буд. *мегIишат* ‘хозяйство; дело, занятие; материальное положение; быт, жизнь’;

ملك mulk - авар. *милк// мулк*, цез., бежт., чам., арч. *милк*, дарг., лак., лезг., таб. , агул. *мулк*, буд. *мулкв* ‘угодье; собственность; недвижимое имущество, дом’. Отмечено во многих языках Кавказа [Абаев 1973: 131-132; Шагиров 1977 I: 272];

صنعة ṣanˁa[t] - лак. *сянат*, лезг. *сенят*, таб. *сяняаьт*, буд. *сенгIат* ‘ремесло, профессия, занятие’; бежт. *санаъат,* цез., арч. *санагIат* ‘возможность’; авар. *санагIат / санагIалъи* ‘удобство’; хин. *саьнаьгIаьт* ‘специалист’; дарг. *санигIят* ‘привычка’; чам. *санагIат* ‘обеспеченность’;

كسب kasb - авар. (уст.) *касбу*, лак. *касму*, лезг. *кеспи* ‘ремесло, профессия; занятие, работа’;

اكراء ˀikrāˀ - авар. *кира*, лезг. *кири* ‘аренда, наем’; лак. (уст.) *чири* ‘плата за наем лошади’; чам. *кир*, бежт., цез. *кири* ‘воздаяние, вознаграждение за доброе дело’;

إجراء ˀiǯrāˀ - авар., лак. (уст.), дарг., лезг. *ижара*, чам. (уст.) *иджара* ‘аренда, наем’;

حاصل ḥāṣil - авар., цез., арч. *хIасил*, чам. *хIасӣл*, бежт., лезг. *гьасил,* таб. *гьясил* ‘добыча, доход; сумма; результат, итог, вывод’; лак. *хIасил* ‘одним словом, короче говоря’; буд. *гьасил (сиъи)* ‘производить, добывать, вырабатывать’;

مدخول madxūl - лак. *мудахил* 'приход', 'доход';

سلم salam - лезг. *селем* ‘прибыль’;

جريمة ǯarīma[t] - лезг. *жерме,* рут. *джарма,* буд. *джорма,* уд. *джаьрмаь* ‘штраф’;

خرج xarǯ - авар., чам., бежт., цез., лак., дарг., лезг., рут., чеч. *харж*, агул., хин., буд. *хардж* ‘расход, трата, издержка; подать, дань, налог’; арч. *харж* ‘зарплата’; об осетинском см. [Абаев 1989: 142];

صرف ṣarf - лезг. *серф,* буд. *сарф* ‘расход, трата’; рут. *сарф* ‘удобный момент’;

دولة dawla[t] - авар., лак., агул. *давлат*, дарг. *давла*, лезг., таб., рут. *девлет*, буд. *довлат*, хин. *доьвлаьт* ‘богатство, состояние’; бежт., цез., чам. *давла* ‘добыча, богатство’;

خزنة x̱azna[t] - лак., арч. *ххазина*, лезг., агул. *хазина*, таб., рут. *хазна* ‘клад, богатство; казна; драгоценности, сокровище’;

قصّاب qaṣṣab - авар. *къасаб* ‘торговля мясом’, лезг., агул. *кьасаб*, рут. *къасаб* ‘убой скота’; дарг. *кьасаб-чи* (< тюрк.) ‘мясник’;

دباغة dibāḡa - лезг. *дабагъ (авун)*, таб. *табагъ* ‘дубление’;

استثمار ʔistis̱mār - лезг., таб., буд. *истисмар* ‘эксплуатация’;

(ж) речевое общение:

سؤال suʔāl - авар., дарг., лезг., таб., агул., рут., арч., хин. *суал*, буд. *суъал* ‘вопрос’;

جواب ǯawāb - чеч. *жоп*, лак. *жаваб / жуав*, авар., цез., бежт., дарг., лезг., таб. *жаваб,* рут. *дживаб*, чам., буд. *джаваб*, хин. *джаваб* (*джугъаб* ‘слово’), уд. *джугъаб // джогъаб* ‘ответ’. Распространено в языках Северного Кавказа [Абаев 1958: 401; Шагиров 1977 I: 194-195];

بيان bayān - авар. *баян* ‘ясность’, лак. *баян* 'объявление', лезг. *баян* ‘пояснение’, арч. *бияйан (ас)*; чам. *байан-аб* ‘ясный, понятный’;

مصلحة maṣlaḥa[t] - авар. *маслахIат*, *маслигIат*, лак. *маслихIат*, дарг. *маслигIят*, арч. *маслахIат*, лезг. *меслят,* рут. *меслагьат* ‘разговор, беседа; согласие; совет, рекомендация’; чам., цез. *маслагIат,* бежт. *маслаъат* ‘примирение, соглашение’;

صحبة ṣuḥba[t] - лезг. *суьгьбет*, хин. *соьгьбаьт*, таб. *сюгьбат* ‘разговор, беседа’; дарг. *сяхIбат* ‘свадьба’; авар. *сухIмат,* лак. *сувхIат* ‘пир, веселье’;

qawǧa - авар. *гъавгъа* ‘шум; суматоха’; лак. *гъалгъа* ‘разговор, беседа; речь’. Об арабском происхождении слова см. [Абаев 1973: 271];

مشورة mašwara[t] - авар. *мушавара*, лезг. *мешвера*, таб. *меш'вера* ‘совещание; совет’;

نصيحة naṣīḥa[t] - авар., цез., лак., арч. *насихIат*, чам. *нăсихIат*, бежт. *насигьат*, дарг. *насихIят*, лезг. *несигьат*, таб. *насигьят,* буд. *насыхIат* ‘наставление, назидание’;

إختلاط ixtilāṭ - авар., арч. *ихтилат* ‘веселье’, лак. *ихттилат*, дарг., лезг., таб., рут., буд. *ихтилат*, уд. *ихтIилаьт*, хин. *ыхтылат* ‘разговор, беседа’;

لقلقة laqlaqa - лезг. *лагълагъ* ‘болтовня, пустословие’; буд. *лагълагъ*, агул. *лякьлякь* ‘болтун’;

معلومات maʕlûmāt (*ед. ч.* معلوم) - лезг. *малумат*, таб. *мялумат*, буд. *магIлумат* ‘объявление, извещение’;

خبر xabar - лак. *хавар,* авар., бежт., цез., дарг., лезг., таб., рут., арч., буд., чеч. *хабар*, ботл., год. *ххабар*, чам. *х̄абар*, хин. *хабар* / *хаьбаьр* ‘весть, известие; новость; сказка’; инг. *хабар* ‘разговор’. О слове в других языках Кавказа см. [Абаев 1989: 130];

لغة luǧa[t] - лак., дарг., буд., арч. *лугъат* 'диалект, наречие; акцент'; инг. *лугъат* 'словарь';

لقب laqab - лезг. *лакIаб,* таб. *лакIам*, рут., буд. *лакьаб* ‘прозвище’;

سلام salām - авар., чеч., чам., цез., бежт., дарг., лезг., таб., агул., рут., буд. *салам*, лак. *ссалам* ‘приветствие’. В других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 26];

مقاولة muqāwala[t] - буд. *мукъавиле* ‘уговор, договор, соглашение’;

إقرار iqrār - лезг., агул., рут. *икьрар*, таб. *йикьрар* ‘уговор, договоренность, соглашение’;

تشبيه tašbīh - лезг. *тешпигь*, таб. *ташбигь* ‘уподобление’;

تكرار takrār - авар. *такрар*, лак. *тикрал*, лезг., буд. *тикрар*, таб. *те-крар* ‘повторение’;

حجّة ḥuǯǯa[t] - авар., чам., арч. *хIужа*, бежт. *гьужжа*, цез. *хIуж-жа*, лак. *хIучча* 'довод, аргумент', лезг. *гьуьжет*, таб. *гьюжат*, рут. *гьIаджет*, буд. *гьуьджет* ‘спор’;

بحث baḥs̠ - лак. *бяс*, лезг., таб. *бягьс,* агул. *бегьс*, рут. *багьIс*, буд. *бахIс*, арч. *бас* ‘соперничество, спор’; ср. в зап.-кавк.: каб., адыг. *баз*, абаз. *баз* [Шагиров 1977 I: 67].

توق tawq - лак. *тавакъюъ*, лезг. *тавакъу*, хин. *таьваькъкъаь*, уд. *та-вакъа* ‘просьба’;

منّة minna[t] - бежт., цез., лак. *миннат*, буд. *маннат*, лезг., рут. *ми-нет*, чам. *минот* ‘просьба’;

طلب ṭalab - лак. *тIалав (дан)* 'требовать', авар., чам., цез., бежт., дарг., лезг., таб., рут. *тIалаб*, буд. *телеб*, лак. *тIалав (бан)* ‘требование, запрос, просьба’;

غارة ğāra[t] - авар., багв., лак., дарг. *гъара* ‘набег, грабеж’;

إذن ʔiẕn - авар., чам., арч. *изну*, цез., лак. *изму*, лезг. *изин* ‘позволение’. Распространено в языках Северного Кавказа [Шагиров 1977 II: 159];

إجازة ʔiǯāza[t] - буд. *иджаза,* хин. *иджазаь* ‘разрешение’;

قيد qayd - лезг. *къейд.* таб. *къайд* ‘примечание; оговорка’;

(з) обозначения людей по профессии, роду занятий и т.д.:

آدم ʔādam - авар. *гIадан*, цез. асах. *гIадам*, бежт. *аьдаьм*, чам. *гьа-дам*, год. *ъадами//адами*, лак. *адимана*, лезг. *итим*, таб. *адми*, чеч., инг., ботл., дарг., арч. *адам*, уд. *адамар*, рут. *эдеми*, буд. *идми*, хин. *хIаьдми* ‘человек, мужчина’. Как отмечает В. И. Абаев [1958: 29], “слово распространено по всему Кавказу”. Несмотря на очевидный заимствованный характер лексемы, имеются попытки дать ее ложную

этимологию. Ср.: “Анализ лексем с производящей основой АД, АТ в значении “шаг, шагать; имя, азвать, дать имя” позволяет рассматривать АДАМ как производное от АД с помощью аффикса многократного действия А и афф. со значением результата действия -М. Таким образом, АДАМ букв. означает “шагающий, имеющий имя” [Арсамаков 2001: 57].

إنسان ʔinsān - авар., чам., бежт., цез., дарг., лак., лезг., таб., арч., буд., уд. *инсан*, рут. *илсан* ‘человек’;

شاهد šāhid - лезг., таб., буд. *шагьид,* агул. *шагIид*, *шигьид*, рут. *шийид* ‘свидетель, очевидец’; дарг. *шагьид* ‘патриот’;

فقير faqīr - чеч. *пекъар*, лак., дарг. *пакьир*, лезг., таб., рут. *фагъир* ‘бедняк; несчастный’;

مسكين miskīn - чеч., инг. *миска*, авар. *мискин-аб*, чам. *бискин-аб*, год. *бискин-*, бежт., цез., дарг., лак. *мискин,* арч. *мисгин* ‘бедняк; бедный, нищий’; лезг. *муьскIуьн* ‘жалкий; несчастный’;

لمام lamām - лак. *ламмам* 'хулитель', 'клеветник’;

غريب ğarīb - лак. *гъарив*, таб. *гъураба*, рут., агул. *гъариб*, буд. *къериб* ‘бедняк; иноплеменник, пришелец; чужеземец’; дарг. *гъариб* ‘одинокий’;

وحشيّ waḥšī - авар. *вахIши-яб*, багв., чам. *вахIши-йаб*, бежт. *вагьши-йаб*, цез. *вахIши-йав*, лак., арч., буд. *вахIши*, лезг., рут. *вагьши*, агул. *вегьши*, таб. *вягьши* ‘дикарь, дикий’; хин. *ваьхIши* ‘зверь’;

لطيّ luṭij - авар., чам., арч. *лоти*, бежт. *лоте*, лак. *люти*, лезг., буд. *луту*, таб., рут. *лути* ‘гуляка; плут’;

فعلة faʕla[t] - авар. *пагьла*, лезг. *фяле*, таб. *фягьла*, рут. *фагьIле*, буд. *фагIла*, хин. *фаьгIлаь* ‘(подсобный) рабочий’;

دجّال dağğāl - лезг. *дажал* ‘обманщик, шарлатан’; авар. *тажал*, бежт., цез. *дажал* ‘антихрист’;

مرتدّ murtadd - лезг. *муртад*, буд. *муьртед* ‘отступник; отщепенец’;

ولد walad - таб., рут. *велед*, агул. *валад* ‘дитя’;

اولاد 'awlād (*ед.ч.* ولد walad) - лак., арч. *авлад*, лезг. *эвлед-ар,* дарг., таб. *эвлед* ‘дети, потомство’;

عاشق ˁāšiq - авар. *гIашикъ,* лак. *аьшукь,* лезг., таб. *ашукь,* рут. *гьIашикь,* буд. *гIашукь* ‘певец, ашуг’; агул. *гIашикь* ‘влюбленный’;

حاكم ḥākim - инг. *хьаким,* лак. *хIакин,* уд. *гьаьким(нидж.), аькуьм (варт.)* 'врач'; бежт., лезг., буд. *гьаким,* таб. *гьяким,* авар., цез., чам., агул., арч. *хIаким*, дарг. *хIяким*, рут. *гьIаким* ‘высокопоставленное лицо; должностное лицо; начальник, руководитель, администратор; правитель’;

جرّاح ǯarrāḥ - лезг. *жерягь*, таб. *жярягь*, рут. *джарагьI* ‘врач, доктор, костоправ’;

وليّ walijj - авар., чам., бежт., цез. *вали* ‘святой’; лезг. *вели* ‘покровитель’;

قيّم qajjim - авар. *къайгим // къайим,* лезг. *къаюм* ‘опекун’;

جاسوس ǯāsûs - лак. *ясус*, авар., дарг., лезг., таб. *жасус*, чам. *джа*^{н}*сус*, буд. *джасус* ‘шпион, лазутчик’;

ولد walad - лезг., таб. *велед* (*эвлед, эвлад*) ‘ребенок, дитя’;

عيّل ˁajjil - лезг. *аял,* хин. *хIаьйаьл,* буд. *гIайел* ‘ребенок, дитя’;

حمّال ḥammal - авар. *хIамал,* бежт. *гьамбали* (< груз.), чам., арч. *хIамбал,* лезг., буд. *гьамбал,* рут. *гьIамбал* ‘носильщик, слуга’;

احمق ʔaḥmaq - авар. *ахIмакъ,* арч. *ахIмакь,* лезг., рут. *ахмакь*, буд. *ахмагъ* ‘глупец’; дарг. *ахIмакь* ‘верзила’; лак. *агъмагъ (хьун)* ‘почувствовать себя дурно’. Имеются абхазско-адыгские параллели [см. Шагиров 1977 I: 66].

عبد الله ˁabdallāh - авар. *гIабдал // гIадал*, ботл., чам., цез. *гIабдал*, бежт. *аьбдаьл*, лак., агул. *авдал*, год. *ъабдал*, дарг., лезг., таб. *абдал* ‘юродивый, глупый; дурак, олух’. М.-С. М. Мусаев [1978: 18] в качестве источника заимствования в данном случае предполагает араб *афдал* ‘лучший, наидостойнейший, блаженный’;

ملعون malˁûn - чеч. *мелIун*, авар., бежт., цез. *малгIун*, чам. *малгIу*ⁿ, дарг. *малгIун*, буд. *мелгIун*, лезг. *мелъуьн*, таб. *мял'ум* 'проклятый';

مدّعاء mudda'ā' - лезг. (уст.) *мидя*, буд. *мидаьгIи* 'кровный враг; недруг, недоброжелатель';

وارث wāriṯ - чеч. *верас*, авар., чам., бежт. цез., лезг., таб., буд. *варис* 'наследник'; хин. *варыс* 'родственник; опекун';

ظالم ẓālim - авар. *залим-аб* 'жестокий'; лак. *залим*, лезг., таб., агул., буд. *залум,* рут. *залым* 'тиран, деспот, мучитель'; ботл. *залим* 'гигант'; об осетинском см. [Абаев 1989: 287];

يتيم jatīm - лак. *ятин*, авар., дарг. *ятим*, лезг., агул. *етим,* таб. *йитим*, арч. *йатим*, рут., буд. *йетим* 'сирота';

وكيل wakīl - лезг., агул., рут., буд. *векил*, арч. *викил*, авар., ботл., цез., бежт., чам., дарг., лак., таб. *вакил*, чеч. *векал* 'посол; представитель, доверенное лицо; делегат', 'защитник, адвокат'. Об осетинском слове см. [Абаев 1989: 45];

ضامن ḍāmin - лак., лезг., таб., рут., буд. *замин* 'поручитель; ручательство, порука, залог';

مخبر muxbir - авар., чам., лезг. *мухбир* 'корреспондент';

دلاّك dallāk - авар. *даллак*, лезг. *деллек,* рут. *деллек* 'парикмахер'; лак. *даллак* (уст.) 'банщик, парикмахер'; цез. *даллак* 'нож (бритвенный), бритва';

درزى darzī - лак. *дарзи*, лезг., буд. *дерзи* 'портной';

شريك šarīk - лезг., таб., буд. *шерик* 'соучастник, сообщник, пособник; компаньон';

أهليّ ʔahlij (возможно, из اهل 'ahl 'население, жители') - авар. *агьлу*, бежт. *агьло* 'семья, родня; народ, племя'; ботл., дарг., лак. *агьлу / агьали*, лезг. *агьали / эгьли*, таб. *агьли*, арч. *агьлу* ('люди одного тухума') буд. *ъагьали* 'житель'; 'пожилой, взрослый';

جلاّد ǯallad - авар. *жаллат*, лак. *жаллад*, лезг., таб. *жаллатI*, дарг *жаллад*, агул., буд. *джаллад* 'палач';

منافق munāfiq - чеч. *мунēпакъ*, авар., арч. *мунапикъ,* дарг. *мунапикь,* лезг. *мунафикь* ‘вероотступник; лицемер’;

خائن x̱ā‘in - лак. *хаен*, дарг., лезг., таб. *хаин* ‘предатель’;

مشتر muštarin - лезг., буд. *муьштери*, таб. *муштари*, агул. *мушьтари* ‘покупатель’;

تاجر tāǯir - лак., лезг., таб. *тажир*, буд. *таджир* ‘купец, торговец’;

لقمان luqmān (*имя легендарного арабского мудреца*) - лезг. *лукьман* ‘чародей, целитель’;

دلال dallāl - лак. (уст.), лезг., буд. *даллал* ‘маклер, посредник; проводник’;

صرّاف ṣarrāf - лезг., буд. *сарраф* ‘меняла, оценщик драгоценных камней; знаток, ценитель (драгоценных камней)’;

جناب ǯanāb - лезг. *жанаби,* буд. *джанаб* ‘господин; почтенный’;

مدير mudīr - лезг., буд. *муьдир* ‘директор, заведующий’;

نائب nā’ib - авар., чам., бежт., цез., лезг., таб., агул. *наиб*, лак. (уст.) *найп* ‘наиб, наместник’;

صاحب ṣāḥib - лезг., таб. *сагьиб*, хин. *сагIби* ‘хозяин, владелец’;

رعيّة raˁijja[t] - лак. *раэят,* дарг. *рагIят,* арч. *рагIит,* буд. *реайет,* таб. *ряят* ‘крепостной, подданный; раб, рабыня’;

ناظر nāẓir - лак., лезг. *назир* ‘министр’;

مسافر musāfir - лак. *мусапир* (уст.) ‘путешественник’;

مهاجر muhāǯir - лак. *мугьажир* (уст.), дарг. *магьажир* ‘эмигрант, переселенец’;

طفل - агул. *тIаффал* ‘вор’;

‘جنا ǯunāḥ - буд. *джуьнаьгь* ‘вор, воровка’;

قحبة qaḥba - чеч. *кхахьпа*, цез. *хъахIба*, лак. *къахIва*, лезг. *къагьбе*, таб. *къяхьба*, агул. *къяхьпа* ‘блудница, проститутка’. “Арабское слово усвоенное во многие языки Кавказа” [Абаев 1973: 272];

وزير wazīr (< *ср.-перс.* wuzurg) - цез., лак., агул. *вазир*., лезг. *везир* 'визирь', 'министр’;

خرّاط xarrāṭ - лезг., таб. *харат* ‘столяр’;

سائل sāʔil - лезг., таб. *саил* ‘нищий, попрошайка’;

سرّاج sarrāǯ - буд. *сарраджж* ‘шорник, седельник’;

مالك mālik - лезг. *мелик* ‘шах, владыка’;

فرعون firʕawnu - дарг. *пиргIяван*, лезг. *фиръаван*, таб. *фарауьн* ‘фараон’;

عرب ʕarab - авар., цез. *гIараб*, ботл. *гIараб-ав*, бежт. *аьраьб*, чам. *гIараб-ийо*, лак. *аьраб*, дарг. *гIяраб*, лезг. *араб* ‘араб(ский)’;

عجم ʕaǯam - лезг. *ажем* ‘неарабы’;

جهود ǯahūd - чеч. *жугти*, авар. *жугьут-ав*, ботл. *джугьутI*, чам. *жугьутIо*, бежт. *жугьутI-ав*, цез. *жухIутI*, лак. *жугьутIи*, лезг. *чувуд* ‘еврей’. О распространении слова на Северном Кавказе см. [Абаев 1958: 400];

5. Лексика искусства, науки, образования:

درس dars - чеч. (уст.), авар., бежт., лак., дарг., таб., рут., арч. *дарс*, год. *дарци*, чам. *дарц*, цез. *дарси, дарци*, лезг. *тарс*, буд. *дерс*, уд. *даьс*, хин. *дарс / даьрс* ‘урок’;

مكتب maktab - авар. (уст.), лак., дарг., бежт. (уст.), цез. (уст.) *мактаб*, лезг., таб., буд. *мектеб*, рут. *мехьтеб*, хин. *маьктаьб* ‘школа’;

امتحان ’imtiḥān - авар. (уст.) *имтихIан*, чам. (уст.) *имтихIа*[н], дарг. *имтихIян*, лезг., буд. *имтигьан*, таб. *имтигьян*, рут. *имтагьан* ‘экзамен’;

حساب ḥisāb - чеч. *хьёсап*, лак. *хIисав*, авар., арч. *хIисаб*, бежт. лезг., таб., агул. *гьисаб*, рут. *гьIасаб*, уд. *гьесаб*, хин. *хIуьсаб (куи)* ‘счет; арифметика’; ср. также в сложениях: бежт. *гьисаб-суъа* ‘расспрос, допрос’;

كتاب kitāb - лезг. *ктаб*, таб., агул., рут., буд. *китаб* ‘книга’;

جزء ǯuz’ - чеч., авар., бежт., лезг. *жуз*, цез. *жуж*, чам., рут. *джу* ‘том, книга; одна тридцатая часть корана’;

جلد ǯild - ботл. *жиндар,* чам. *джилдал,* багв., лезг. *джилд,* таб. *жилд-ар* (мн.), рут. *джилт* ‘переплет; обложка’. Распространено в языках Северного Кавказа [Шагиров 1977 I: 195];

مجلّد muǯallad - чеч. *мужалт*, авар. *мужалат*, чам. гиг. *мужлат*, лак. *мужаллат*, арч. *мажалт* 'переплет';

خطّ xaṭṭ - чеч., авар., лак., дарг., лезг., таб., рут. *хатI*, буд. *хет*, арч. *ххатI* ‘почерк’; об осетинском см. [Абаев 1989: 143];

نقطة nuqṭa - лезг., таб. (уст.) *нукьтIа*, буд. *нуькъте* ‘точка’;

قصّة qiṣṣa[t] - авар. *къиса*, лак. *кьисса*, лезг., таб. *кьиса* ‘рассказ, легенда’;

نقل naql - авар. *накълу* 'переписка'; лезг., таб. *нагъил* ‘рассказ, пересказ’;

حديث ḥadīs̱ - лезг. *гьадис* ‘легенда’;

حكاية ḥikāya[t] - лезг. *гьикаят* ‘рассказ’/ *ххет* ‘сказка, миф’;

رواية riwāya[t] - лезг. *риваят*, буд. *ревайет* ‘предание; легенда’;

حرف ḥarf - авар., чам., год., цез., лак., арч. *хIарп*, дарг. *хIярп*, бежт. *гьаьрп*, лезг. *гьарф*, таб. *гьярф*, рут. *гьIарф*, буд. *гьарыф*, хин. *гьаьрф* ‘буква; цифра’;

عدد ˁadad - лак. *аьдад* 'число';

شكل šikl - лезг., рут., буд., уд. *шикил*, хин. *шкил* ‘фото; лицо’;

صورة ṣûra[t] - авар., бежт., цез., дарг., лак., таб., арч. *сурат*, чам. *c̄урат*, чеч., инг. *сурт*, лезг. *суьрет* ‘картина; портрет; рисунок’. “Широко распространено в языках Кавказа, а также в тюркских языках” [Абаев 1979: 171];

نقش naqš - авар., цез. *накъиш,* чам. *накъишв,* лак. *накьич,* лезг. *нехиш,* таб. *накьиш*, рут. *накьыш*, арч. *никьIиш* ‘узор’. Отмечено во многих языках Кавказа [Шагиров 1977 I: 273];

شاعر šāˁir - авар., чам. (уст.) *шагIир,* лезг., таб., агул., рут., буд. *шаир* ‘поэт, стихотворец’;

شعر šiˤr - авар., цез. (уст.), арч. *шигIру,* лак. *шеъри,* лезг., таб. *шиир,* рут. *шеир,* буд. *шейир* ‘стих, стихотворение’;

وزن wazn - лезг. *везин* ‘стихотворение’;

مجموع maǯmûˤ - авар. *мажмугI* ‘сборник стихов, стихотворный сборник’;

مقام maqām - авар., бежт. *макъан*, арч. *йакьам*, дарг., лезг., рут. *макьам*, таб. *мукьам* ‘мотив; музыка’. Ср. адыг. *мэкъIамэ, мэкъамэ*, абаз. *макъIым* [Шагиров 1977 I: 265];

نغمة nağma[t] - лак. *нагъма*, буд. *наьгъме* 'мелодия', 'напев';

نظم naẓm - авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *назму*, чеч. *назма* ‘стихотворение; религиозный напев’;

ليلة layla - лезг. *лайла* ‘колыбельная песня’;

غزل ğazal - лезг. *гъезел,* буд. *къазал* ‘газель (*лирическое стихотворение*)’;

بيت bajt - лезг., таб., буд. *бейт*, чеч., инг. *байт* ‘стихотворение’. В слове необоснованно усматривают основу *ай/айт* “говорить, сообщать, передать, высказывать, называть” [Арсамаков 2001: 99];

كلام kalām - авар., чам., бежт., цез., лак., таб. *калам* ‘речь; слово, разговор’;

كلمة kalima[t] - авар., чам., лак. *калима*, лезг., таб. *келима*, рут. *келимат* ‘слово, фраза’;

مقالة maqāla[t] - авар., чам., цез., бежт. *макъала*, дарг. *макьала*, лак., лезг., таб. *макъала*, буд. *мекьале*, арч. *макьал* ‘газетная статья’;

مسألة masʔala[t] - лак., чеч. *масала*, лезг., таб. *месэла* ‘вопрос, проблема’, рут. *месела* ‘пример’;

مثال maṯal - лезг., таб. *мисал* ‘пример; пословица; например’;

قلم qalam - авар., год., чам., багв., бежт., цез. *къалам*, лак. *кьалан*, лезг. *къелем,* таб. *къалам*, хин. *къаьлаьм*, рут. *кьалам*, арч. *кIалум*, чеч. *къолам* ‘ручка, перо; карандаш’;

دواة dawā - лезг. *девит* ‘чернильница; чернила’;

الف ’alif - инг. *алап* ‘буква’; ботл. *алиб*, чам. *алиб*, агул. *алиф-бе*, рут. *алиф-ба,* буд. *элифба //элифбе* ‘азбука’; лезг. *элиф-ар* (мн. ч.); дарг. *алип-уни* (мн. ч.). Имеется попытка разложить ингушскую форму на а + лап с этимологизацией “несущая речь” [Арсамаков 2001: 62-63], что безосновательно;

علمی ˤilmijj - лезг. *илми* ‘знание’;

علم ˤilm - авар., ботл., чам., цез., арч. *гIелму*, лак. *элму*, дарг. *гIилму*, чеч. *Iилма*, лезг., таб. *илим,* буд. *элим,* рут. *гьIилим* ‘наука’;

معلّم muˤallim - авар. *мугIалим*, лак. *муаълин*, дарг. *мугIялим*, лезг. *муаллим*, таб. *мялим*, агул., арч. *мугIаллим*, рут. *магьIалим*, буд. *маьгIаьлим* ‘учитель’;

سواد sawād - лезг., таб. *савад* ‘чернь (серебро); грамота, письмо’;

صنف ṣinf - лезг., таб. (уст.), буд. *синиф* ‘класс’;

عليم ˤalīm - бежт. *алим // алим-чи*, лезг., уд. *алим*, лак. *аьлим-чу*, таб. *аьлим*, авар., цез., агул., буд. *гIалим*, дарг. *гIялим*, чам. *гIалим-гьекIва* ‘ученый’;

اثر ˀas̱ar - чам., бежт., цез., лак., дарг. *асар*, лезг., таб., буд. *эсер* ‘влияние, воздействие, впечатление, след; произведение, творение’; ботл. *асар (игьи)* ‘влиять’;

ادبيّات ˀadabijjāt - авар. (уст.) *адабият*, чам. (уст.) *адабийат*, лезг., таб. *эдебият*, буд. *эдебийат* ‘литература’;

ترجمة tarǯama[t] - лак., лезг., таб. *таржума*, буд. *терджуьме* ‘перевод’;

معارف maˤārif (*ед. ч.* معريفة) - лезг., таб. *маариф*, буд. *мариф* ‘просвещение, образование’;

معرفة maˤrifa[t] - арч. *магIрипат*, лак. *мяърипат* 'сознательность', 'корректность', лезг., буд. *марифат* ‘просвещение, образование; мораль’;

مدنيّة madanijja[t] - лак. *маданият*, таб. *медeният,* буд. *меденийат* ‘культура, ‘просвещение’;

مكتوب maktūb - буд. *мектуб,* хин. *маьктуб* ‘письмо’;

طلبة ṭalaba[t] (мн. число) - буд. *телебе* ‘учащийся (ученик, студент)’;

متعلّم mutaˁallim - лак. *мюталин,* дарг. *мутагIялим*, таб. *тялим*, арч. *матагIалим*, чеч. *мутIелам* 'ученик духовной школы’;

جبر ǯabr - буд. *джебир* ‘алгебра’;

6. Слова, выражающие качественные характеристики:

(а) выражающие отношение к действительности:

حقيقىّ ḥaqīqiyy - лезг. *гьакъикъи* ‘истинный’;

خالص x̱āliṣ - лезг., таб., буд. *халис* ‘подлинный, настоящий’;

اخلاص ’ix̱lāṣ - лезг., агул. *ихлас* ‘подлинный, истинный’;

يقين yaqīn - лезг. *якъин,* таб. *якьин,* буд., уд. *йагъын* ‘достоверный’;

باطل bāṭil - лезг., таб. *батIул,* буд. *батIил (сиъи)* ‘нарушить уразу’, рут. *батIил-ды* ‘несправедливый; неправый, ложный’;

مجبور maǯbūr - лезг. *мажбур,* таб. *мажбур*, рут. *маджбур-ды* ‘обязанный, необходимый; обязательный’; буд. *меджбур* ‘принуждение; насилие’;

واجب wāǯib - лезг. *важиб* ‘нужный, необходимый’;

لازم lāzim - лезг., таб., агул. *лазим*, буд., хин. *лазым* ‘нужный, необходимый’;

ضدّ ḍidd - таб. *зидд,* буд. *зид* ‘противоположный, противоречащий’;

ظاهر ẓāhir - авар., ботл. *загьир-аб,* лезг., таб., арч. *загьир* ‘определенный, конкретный; выразительный; публичный, открытый’;

خاصّ x̱āṣṣ - авар., бежт. *хас-аб,* чам. *хас̆-аб,* цез. *хас-ав,* лак. *хас(ъсса)*, лезг., таб., арч. *хас* ‘собственный; присущий, свойственный; личный, персональный; отдельный’;

مخصوص maxṣûṣ - лезг., таб. *махсус* ‘специальный, особый; характерный, присущий’;

تعلق taˁalluq - лезг. *талукь*, таб. *тялукь* ‘относящийся; касающийся’;

اصلا ˀaṣlā - лезг. *эсиллагь (асла)*, таб. *асла* ‘совершенно, абсолютно’;

عبارة ˁibāra - лезг., таб. *ибарат* ‘составленный, состоящий (*из чего-л.*)’;

عمومىّ ˁumûmiyy - лезг. *умуми*, таб. *уьмуми* ‘общий, всеобщий’;

عامّ ˁamm - авар., ботл., чам. *гIамм-аб* ‘общий, общественный; генеральный’;

حاضر ḥāḍir - авар., цез., лак., арч. *хIадур*, бежт. *гьаьдур*, чам. *хIадур-аб*, лезг. *гьазур*, таб. *гьязур*, буд. *гьазыр*, уд. *гьаьзуьр*, рут. *гьазырды*, хин. *хIаьзыр* ‘готовый’;

غائب gāˁib - лезг. *гъаиб* ‘спрятанный; скрытый’;

نادر nādir - лак. *надир-сса*, авар., лезг., таб., буд. *надир* ‘редкий, редкостный, уникальный’;

غريب ğarīb - лак. *гъарив-сса*, лезг. *къариба/къариб,* таб. *гъариба*, рут. *гъариб*, буд. *къерибе / къериб* ‘странный, удивительный, любопытный; юродивый’;

تعجّب taˁǯǯub - лезг. *тажуб*, таб. *тяъжуб-лу* (< тюрк.), рут. *тагьIджиб*, буд. *теъеджуб* ‘дивный, удивительный; изумительный’;

عجيب ˁaǯīb - лак. *аьжаив-сса*, лезг. *ажайиб/ажеб)*, таб. *аьжайиб,* рут. *гьIаджайиб,* буд. *гIаджайиб,* арч. *гIежеб* ‘удивительный, изумительный, дивный; странный, интересный’;

معلوم maˁlûm - лак. *мяълун*, дарг. *мягIлум-си*, лезг. *малум*, таб. *мялум*, буд. *магIлум* ‘известный, ясный’;

مشهور maš hûr - авар., цез. *машгьур-аб*, бежт. *маьшгьуьр-аьб*, лак., лезг., таб. *машгьур*, арч. *машгьур-тту*, дарг. *машгьур-си*, буд. *мешгьур*, хин. *маьшгьур* ‘известный, знаменитый’;

ممكن mumkin - лезг., таб. *мумкин*, буд. *муьмкуьн* ‘возможный, осуществимый’; агул. *мумкин* ‘возможно, вероятно’;

احتمال ˀiḥtimāl - лезг. *игьтимал* ‘возможный’;

نحس naḥs - лезг. *няс*, буд. *наьхIс* ‘роковой, зловещий’;

اوّلا ’awwalan - лезг. *эвелан* ‘прежний’;

حسنى ḥusna - лезг. *гьуьсни* ‘красивый, изящный’;

ظريف ẓarīf - лезг. *зериф* ‘изящный’;

زيادة ziyāda - лезг. *зияд* ‘более, больше’;

مختل maxtal - лезг. *мягьтел*, буд. *махIтал*, арч. *мухIаттал*, таб. *мюгьтал* ‘удивительный, дивный; удивленный’;

تخمينا taxmīnan - лезг., таб. *тахминан* ‘приблизительно’;

عوض ˁiwaḍ - лезг. *эвез* ‘взамен’;

دائم mudāˀim - лезг. *мидаим*, таб. *мудиям* ‘вечный’;

ابدىّ ˀabadiyy - авар. *абади-яб*, бежт., чам. *абади-йаб*, лезг. *эбеди*, лак., таб., арч. *абад* ‘вечный, долговечный’;

دائما dāˀimān - лак., лезг., чеч. *даиман* ‘постоянно, вечно, всегда’;

دائم dāˀim - авар., бежт., цез., лезг., таб. *даим*, чам. *даим-да* ‘постоянно, вечно, всегда’;

تعيين taˁyīn - лезг. *тайин*, таб. *тяйин*, буд. *тегIин* ‘определенный, конкретный’;

اساس ˀasās - лезг., таб., буд. *асас* ‘основной, главный’;

اصل ˀaṣl - авар. *асли-йаб*, чам., бежт. *асли-йаб*, цез. *асли-йав*, лезг. *асул*, буд. *асыл* ‘основной, главный’;

اهمّ ˀahammu - лак. *агьам-сса* 'важный’;

جزئى ǯuzˀiyy - лезг. *жизви* ‘незначительный, ничтожный, пустячный; едва, немного; пустяк, мелочь, малость’;

فصاحة faṣāḥa - лезг. *фасагьат* ‘выразительный’;

حيران ḥayrān - авар. *хIайран*, чам. *хIайран-аб*, бежт. *гьаьйран-аб*, арч. *хIейран*, лезг., буд. *гьейран* ‘изумленный, пораженный, ошелом-

ленный, чарующий, восхитительный'; цез. *хIайран (бода)*, таб. *гьяйран (апIуб)* 'удивлять';

مركّب murakkab - лезг. *муракаб* 'сложный'; буд. *муьреккеб* 'чернила'. Ср. адыг. *мэрчэп*, убых. *мерекеб* [Шагиров 1977 I: 267];

تمام tamām - лак. *таман-хьун* 'исполниться', 'закончиться', лезг., таб., агул., буд., хин. *тамам* 'подробный, исчерпывающий; зрелый, сознательный'; авар. *таман-аб*, чам. *тамал-аб* 'длительный, изрядный; большой';

كامل kāmil - авар. *камил-аб*, лак. *камил-сса*, лезг. *камил* 'зрелый, совершенный, не имеющий недостатков';

علاوة ʕilāwa - лезг. *алава*, таб. *аьлава* 'дополнительный';

عموماً ʻumûman - лезг. *умуман* 'вообще; в общем; в целом';

غير ğajr - лезг. *гъейри*, таб., рут. *гъайри* 'другой';

فلان fulān - лак., арч. *пулан*, бежт. *пулан-аб*, цез. *пулан-ав*, чам. *пулāн-аб*, лезг., таб. *флан*, рут. *хьуланды* 'кто-то; какой-то, некий; определенный'; авар. *пулан,* чам. *пулан-аб* 'жалкий, убогий'. По поводу агульского слова З. К. Тарланов пишет: "В плане гипотетической реконструкции исторических связей пралезгинских племен примечателен и следующий факт: в современном агульском языке бытует слово *филан* (*фулан*), которое выступает в значении неопределенного местоимения - *такой-то*, ср. filan insan - такой-то человек, fulan waxt - такое-то время. Этимологический смысл его неясен. Не имеет ли оно отношения к тому самому Филану, который упоминается в сообщении арабского историка 9 в. ал-Белазури о "царях" Дагестана, якобы правивших в 6 в.? Среди правителей перечисляются "владетель Сарира, табасараншах и цари ал-Лакзов, Филана и Ширвана" [Тарланов 1994: 14-15]. Просхождение данного слова, как видим, объясняется проще, ср. также перс. *фула:н* 'какой-то', азерб. *филан* 'такой-то, некто'.

بعض baʕḍ - лезг., таб. *бязи*, буд. *базу* 'некоторый';

(б) характеризующие общественнно-политические отношения, имущественное положение и т.п.:

ملی milliy - авар. *милли-яб,* лезг., буд. *милли* ‘национальный’;

كاسب kāsib - лак. *касив*, лезг. *кесиб*, таб., рут., буд. *касиб* ‘бедный, бедняк’;

خصوصیّ xuṣūṣij - лезг. *хсуси,* таб., рут. *хусуси* ‘частный, личный’;

مغلوب maǧlûb - лезг. *магълуб* ‘побежденный, покоренный’;

(в) описывающие характер человека:

تكبّور takabbur - лезг., таб. *такабур,* рут. *такабыр-ды,* буд. *текебур* ‘гордый’;

عارف ˁārif - лезг. *ариф (поэт.)* ‘знающий, мудрый’;

عوام ˁawām - авар. *гIавам-*, лак. *аьвам-сса*, лезг., таб., буд., уд. *авам*, агул. *гIавам* ‘невежда; темный, отсталый’; рут. *гьавам* ‘глупец, наивный’;

سفيه safīh - лезг. *сефигь*, таб., буд. *сефи* ‘глупый, бестолковый; глупец, бестолочь’;

غافل ǧāfl - авар. *гъапул-аб*, лезг., агул. *гъафил*, буд. *къафил* ‘неосведомленный; невнимательный’; чам. *гъапул (-лъла /-гьла)*, цез. *гъапул (бохъа)*, бежт. *гъапур (йе"кьал)* ‘клонить ко сну’;

مشغول maš ǧûl - авар. *машгъул-аб,* цез. *машгъул-ав,* бежт. *маьшгъуьл-аб,* лак., лезг., таб., агул., буд. *машгъул* ‘занятый, увлеченный, поглощенный чём-л.’;

قاطع qāṭiˁ - лезг. *кьетIъи* ‘решительный; категорический’;

قهرمان qahramān - лезг. *къагьриман* ‘храбрый, мужественный’;

قديم qadīm - лезг. *къадим* ‘храбрый, мужественный’;

قادر qādir - лезг. *къадир* ‘оценивающий по достоинству’;

ساكت sākit - лезг., таб. *сакит,* рут. *сакит-ды* ‘тихий, спокойный’;

ساكن sākin - лезг. *секин*, таб. *сикин* ‘тихий, спокойный’;

إصلاح ʔiṣlāḥ - лезг., таб. *ислягь*, агул. *ислягь, исляхI*, буд. *исльагь* ‘тихий, спокойный; мирный’; рут. *аслягьI* спокойствие, безвредность, мягкость характера’ [по С. М. Махмудовой 1997: 34];

ماهر māhir - лак., лезг., буд. *магьир* ‘искусный, опытный’;

مغلوس mağlûs - лак. *магълус* ‘прохвост *разг.,* подлый человек’;

ملائم mulāʔim - лезг. *милайим* ‘мягкий, душевный; тихий; кроткий’;

فصيح faṣīḥ - авар., цез. *пасихI-ав,* чам. *пасихI-аб,* бежт. *пасигь-аб,* лак. *пасихI*, дарг. *пасихI-* 'красноречивый, выразительный’;

в т.ч. (а) выражающие морально-этическую оценку:

عدل ʕadil - авар. *гIадил*, лезг. *адил* ‘справедливый, беспристрастный’; лак. (уст.) *аьдил-сса* ‘умный, образованный’;

لائق lāʔiq - лак. *лайкь*, лезг. *лайих*, таб. *лайикь*, буд. *лайикъ-лы* ‘достойный’; авар. *лайикъ-аб* ‘подлый’;

موقاية muqāya - лак. *мугъаят(ну)* 'осторожно, осмотрительно', лезг. *мукъаят*, таб. *мугъаят* ‘осторожный; бдительный’;

تواكل tawākul - авар. *таваккал* ‘решительность, смелость, самоотверженность’; лезг. *тавакул* ‘рискованный’;

بخيل baxīl ‘скупой’ - авар., агул. *бахил* ‘скупой, скаредный; завистливый; скупец, скряга; завистник’; .лезг., рут. *пехил* ‘завистливый’;

دغل dağal - лезг. *дагъал* ‘низкий, подлый’;

كاهل kāhil - лезг. *кагьул* ‘ленивый’;

فاسق fāsiq - авар. *пасикъ*, лезг., таб., агул. *фасикь* ‘распутный’;

فشل fašil - лезг. *фашал* ‘двуличный’;

قبيح qabīḥ - авар., чам. *къабихI-аб* ‘скверный, дурной, гадкий, мерзкий, безобразный, отвратительный, позорный, грубый, непристойный, неприличный’;

قبيح ḥaqīr - авар., чам. *хIакъир-аб,* цез. *хIакъир* ‘презренный, подлый, ничтожный, униженный, жалкий; негодяй’;

جواد ǯawād - лезг. *жавад* ‘щедрый, великодушный человек’;

سخاوة saxāwa[t] - авар., чам., бежт. *сахават-аб,* цез. *сахават-ав,* лак. *сахават-сса,* дарг., арч. *сахават* ‘щедрый’;

أمين ʔamīn - лак. *имин* 'спокойный', лезг., таб. *эмин* ‘надежный, верный’; буд. *эмин* ‘смирный, кроткий’

حليم ḥalīm - авар. *хIалим,* лак. *хIалим-сса* 'кроткий’;

مطاوع muṭāwiʕ - чеч. *муьтIахь*, инг. *мутIахь*, авар. *мутIигI,* чам. *мутIигI-аб,* лак. *мютIий-,* арч. *мутIуIгь,* лезг. *муьтIуьгъ*, таб. *мютIюгъ* ‘покорный, послушный; преданный’; бежт. *мутIиъ (йовал)*, цез. *мутIигI (ода)* ‘уговаривать’;

تابع tābiʕ - хин. *табы (кьи)*, лезг. *табий*, таб. *табигъ* ‘подчиненный, повинующийся’;

حريص ḥarīṣ - лезг. *гьарис* ‘жадный’;

مشقة mašaqqa - лезг., буд. *мишекъат*, таб. *мушакьат* ‘скупой’;

مطلق muṭlaq - лезг. *мутлакь*, таб. *мутIлакь* ‘скупой’; хин. *митлакь* ‘обязательно’;

(б) выражающие эмоциональное состояние человека:

راض rāḍiy – чеч. *реза*, авар. *рази-яв*, чам., бежт. *рази-йаб*, цез. *рази-йав*, дарг. *рази-си,* лак. *рязи-сса,* арч. *риIзи,* лезг., агул., цах., арч. *рази* ‘довольный’. Ср. абх.-адыгский материал: адыгск. *арэзы/разэ,* абх. *а-раз,* абаз. *разы,* убых. *разэ* [Шагиров 1977 I: 62]. О распространении слова в языках Кавказа см. [Абаев 1973: 358];

غفور ğāfûr - лак. *гъапур* 'хмурый';

عكسي ʕaksij - лак. *аьокси(лий)* 'недовольный'; лезг. *акси* ‘противный’; авар. *гIакс-аб* ‘обратный’;

كيفي - kayfijj - лезг. *кейфи* ‘блаженствующий’;

عشير ʕašīr - лезг. *ашер* ‘вожделенный, страстный’;

ذليل ẕalīl - лезг. *зелил* ‘жалкий; несчастный’;

سافل sāfil - лезг., таб., буд. *сефил* ‘печальный, грустный, тоскливый’;

عزيز ˁazīz - авар. *гIазиз-аб*, дарг. *гIязиз*, лезг., рут. *азиз*, буд. *азыз*, лак., таб. *аьзиз* ‘дорогой, милый; чтимый’;

اكرامى ˀikrāmijj - лезг. *ирграми*, таб. *гирами* ‘дорогой, милый’;

مغموم mağmûm - лак. *магъмун (ну)* 'озабоченно, подавленно’;

محروم - maḥrûm - авар. *махIрум*, лак., арч. *махIрун*, лезг. *магьрум*, таб. *мягърум*, буд. *магърым* ‘лишенный (чего-л.), обездоленный’;

(в) выражающие физическое состояние человека:

سلامة salāma[t] - лезг., таб., агул. *саламат,* лак. *сагъ-саламат-сса* 'здоровый', 'невредимый', рут. *сагьды-саламатды* (в этом сочетании к арабскому источнику восходит лишь вторая часть);

اشلّ ’ašallu - лезг. *шулу* ‘искалеченный’; лак. *щулсса* ‘щуплый, худой, невзрачный; плохой, подлый’;

ضعيف ḍaˁīf - авар. *загIип-аб,* бежт. *заип-аб,* арч. *загIип,* дарг. *зягIипси*, лезг., буд. *зайиф*, таб. *зяиф*, рут. *загьIиф* ‘бессильный, хилый’;

عاجيز ˁāǯīz - авар. *гIажиз*, буд. *гIаджыз*, лезг. *ажуз*, таб. *аьжуз,* агул. *гIаджиз*, рут. *аджиз-ды* ‘худой; слабый; беспомощный’;

مكين makin - лезг. *мекин* ‘сильный, мощный’;

بالغ bāliğ - лак. *балугъ-хьусса*, лезг., таб., буд. *балугъ* ‘взрослый’; ср. в зап.-кавк.: каб. *балигъ*, абаз. *балигъ* [Шагиров 1977 I: 68].

جاهل ǯāhil - лак., дарг. *жагьил*, лезг. *жегьил,* таб., арч. *жигьил*, агул., рут. *джигьил,* буд. *джагьыл,* уд. *джаьйил,* хин. *джаьгьил* ‘молодой, юноша’; авар. *жагьил-аб*, чам. *джагьил-аб*, ботл. *джагьил* ‘невежественный, неуч, необразованный, неграмотный человек’. Об осетинском см. [Абаев 1958: 126]

سقط saqaṭ - авар. *сакъат* ‘калека’; лак. *сакъат-сса* ‘утомлённый, изнурённый, измученный’, дарг. *сакъат*; чеч. *сакхт* ‘физический недостаток, дефект’. Об осетинском см. [Абаев 1979: 32]

جليب ǯalīb - лезг. *желеб* ‘неказистый’; буд. *джелеб* ‘худой, слабый’;

(г) описывающие физические характеристики предметов и явлений:

صاف ṣāfin - лезг. *саф* ‘чистый’;

فانى fānī - авар. *пана*, лезг., таб. *фана* ‘(*поэт.*) тленный’;

راحة rāḥa[t] - авар., чам. *рахIат-аб,* цез. *рахIат-ав,* бежт. *раьгьаьт-аьб,* лак. *рахIат-сса*, уд. *ираьгьаьт* 'спокойный, удобный'; ботл., арч., буд. *рахIат*, лезг. *регьят*, таб., рут. *рагьIет-ды* ‘легкий’; бежт. *раь-гьаьт* 'покой, отдых';

محكم muḥkam - авар., чам. *мухIкан-аб*, бежт. *муьгькаьн-аьб* ‘тщательный, аккуратный’, лезг. *мягькем*, таб. *мюгькам*, агул. *мяхIкем*, рут. *магьIкам-ды*, буд. *моьгькем* ‘крепкий, прочный; стойкий, надежный, незыблемый’; лак. *мюхчансса* ‘осторожный’;

تامين taˤmīn - лезг. *таъмин*, таб. *тямин*, буд. *теъмин* ‘обеспеченный’;

نقد naqd - лак. *нагъди*, лезг., таб., буд. *нагъд* ‘наличный (о деньгах)’;

احمر ’ahmaru - лезг. *агьмар* ‘красный’;

خلاص x̱alāṣ ‘освобождение, спасение’; лезг., буд. *хилас* ‘свободный; освобожденный’;

مبلغ mublağ - лезг., таб. *мублагъ* ‘плодородный; благодатный’;

كافر kāfir - лезг. *кфир* ‘грязный; неряшливый’;

7. Названия одежды, инструментов и домашней утвари:

بطانة baṭāna - лезг. *батIан* ‘подвязка (*часть женского головного убора*)’;

لباس libās - лезг. *либас* ‘одежда; наряд’; таб. *либас* ‘парча, шелковая ткань’;

عباء ˤabāˀ - чеч. *оба*, авар., арч. *гIаба*, лезг., таб., рут., буд. *абс* ‘халат’;

أطلس ˀaṭlasu - инг. *алтаз*, бежт. *атлас*, чам., цез., дарг., лезг., таб. рут., буд. *атIлас*, агул. *IатIлас*, арч. *гIатIрас* ‘атлас’. Ингушское сло

во произвольно членят на ал “передняя часть, перед” + *тас* (*таз*) “гладкий, голый, безволосый” [Арсамаков 2001: 65];

كتّان kattān - авар., арч. *катан*, лак. *чатан*, лезг. *кетен* ‘полотно, холст; марля’. О.И. Виноградова [1982: 13-14] расматривает звукотип KATAN в дагестанских языках в числе словарных изоглосс, связывающих “кавказские языки с древними языками Передней Азии – шумерским, хеттским, а также с тохарским”. По В. И. Абаеву [1958: 94-595], это “древнее переднеазиатское слово, вошедшее и в европейские языки”;

كمرى kamarī - лезг. *камари*, хин. *каьмаьр* ‘камари (*широкий женский пояс*)’. Для осетинского предполагается грузинский источник (< перс.) [Абаев 1958: 570], по-видимому, в связи с конечным *-и*;

كيسه kīse - чеч., лак., авар., чам., бежт., цез., дарг., таб. *киса*, лезг., буд. *кисе*, агул. *кисса*, уд. *кисаькI* (< арм.?) ‘кисет; кошелек; карман; мешок (полотняный)’. “Арабское слово, распространившееся в языках передней Азии, Кавказа и восточной Европы [Абаев 1958: 613];

عطر ʕiṭr - лак. *аьтри,* лезг. *атир*, буд. *этир*, рут. *гьIатир*, агул. *гIатри* ‘духи’;

جيب ǯajb - лак., арч. *жип*, лезг. *жибин*, таб. *жиб*, агул. *джибин*, рут., буд., уд. *джиб*, хин. *джыбын* ‘карман’. Распространено в языках Северного Кавказа [Абаев 1958: 406; Шагиров 1977 I: 198];

أستار ʔastār - лезг. *астIар,* таб., рут. *астар* ‘подкладка’. В литературе отмечается персидско-тюркский источник [Абаев 1958: 77];

صدف ṣadaf - лезг., буд. *седеф,* агул. *садаф*, рут. *садахьв* ‘перламутр; пуговица небольшого размера’;

حاشية x̱ilʕa[t] - чеч., лезг., таб. *халат*, бежт. *халати* (< груз.), авар., цез. *халгIат*, лак. *хялат*, дарг. *халгIят*, буд. *хаьлаьт* 'халат'; см. [Абаев 1989: 137];

حاشية ḥāšija[t]- лак. *хIашия* 'обрамление; платье';

سلاح silāḥ - лезг. (поэт.), буд., хин. *силагь* ‘оружие’;

آلة ʔala[t] - авар., ботл., чам., бежт., цез., лезг., таб., арч. *алат*, буд. *гӀалат* ‘орудие, инструмент’;

خنجر x̱anǯar - авар., цез., бежт. *ханжар*, дарг. *ханжал*, лак. *ххаржан* ‘кинжал’. Распространено в языках Северного Кавказа [Абаев 1973: 263];

مزراق mizrāq - авар. (книжн.) *музрахъ* ‘пика, копье’. О слове в других языках Кавказа см. [Абаев 1973: 137; Шагиров 1977 I: 271];

قلعة qamˁa - чеч. *гӀама* ‘клинок’. Об осетинском слове с кавказскими параллелями см. [Абаев 1973: 260-261];

muttakā - чеч., инг. *мутак* ‘диванная подушка’; см. [Абаев 1973: 134];

حلقة ḥalqa[t] - лезг. *гьалкъа*, таб. *гьялкъа*, таб. *гьалкьа* ‘петля, звено (*цепи*)’;

رطل raṭl - багв. *ратӀал*, арч. *датӀәла* ‘мера (*сыпучих тел*)’;

مثقال mis̱qāl - авар., чеч., бежт. *мискъал*, багв. *мискал*, лак., лезг., таб., рут. *миськал* ‘золотник (мера веса = 4,26 г.)’. Ср. каб. (уст.) *мэскъӀал*, абх. *а-марцхал*, абаз. *мскъӀаль* (< каб.) [Шагиров 1977 I: 267]. Об осетинском см. [Абаев 1973: 123].

К. Г. Халиков [2000: 10] относит два последних слова (по-видимому, в *мискал* опечатка), как и ряд других, к числу раннеарабских (до принятия ислама), поскольку оно отражает “экономические связи между завоевателями и покоренными народами”.

صابون ṣābūn - чеч. *саба*, инг. *сапа*, авар. *сапун*, чам. *са̄пиⁿ*, год. *ссапун*, цез. *сопӀон*, бежт. *сапӀуни* (< груз.?), лак. *ссахӀван* ‘мыло’, дарг. *сапун*, лезг. *запун*, таб. *саьбун*, агул. *саӀбун*, *сегӀбун*, рут. *сабын*, цах. *сапӀын*, крыз. *сагӀбун*, буд. *сабун*, уд. *сапӀун*, дарг., арч. *сапун*, *супун* ‘мыло’. Ср. адыгск. *сабын*, абх. *а-сапӀын*, (бзыб.) *а-сапӀан* (предполагается грузиское посредство), абаз. *сабын* (< каб.) [Шагиров 1977 II: 56];

سفرة sufra[t] - авар. *сурпа*, бежт., цез. *супра,* лезг., таб., агул., цах., буд. *суфра,* рут. *сухьра, суфра,* крыз., хин. *суьфраь,* арч. *ссупра* ‘скатерть’;

ميل mīl - лезг. *мил* ‘ударник (*ружья, винтовки*)’;

مثقب mis̱qab - лезг. *мутккъаб* ‘коловорот, ручное сверло’;

مقراض miqrāḍ - лезг. *мукIратI*, хин. *мукIрад*, крыз., буд. *мыкIратI* ‘ножницы’. О. И. Виноградова и Г. А. Климов, хотя и отмечают что “слово в конечном счете идет из семитского источника”, предполают, что “конечный согласный указывает на посредство армянского” [Виноградова, Климов 1979: 156]. Другое мнение было высказано Дж. Греппином: “Это слово арабского происхождения (miqrāḍ) известно в аромянском только с восемнадцотого века, а поскольку Виноградова и Климов допускают, что это арабское слово, они должны бы считать арабский более вероятным источником и для дагестанских языков” [Греппин 1994: 161].

С этой точкой зрения Г. А. Климов полемизирует в другой специальной статье, подчеркивая, что “неприятие наших сближений основано на невнимании к их фонетике. Даг. məḳraṭ и т.п. ‘ножницы’ (№ 13) сопоставимы именно с арм. məḳraṭ то же, а не с предпочитаемым рецензентом араб. miqrāḍ” [Климов 1994: 165]. Как показывают наши материалы, это не единственный пример подобного развития конечного -ḍ (см. IV главу), так что утверждение об армянском посредстве не имеет серьезных оснований.

مفتول muftul - лезг., таб. *муфтул* ‘проволока (*толстая*), трос’;

كرسيّ kursijj - лезг. *куьсри,* таб. *кусри*, агул., рут., буд. *курси*, хин. *курсы* ‘стул’;

صندوق ṣundûq - лезг. *сандух*, таб. *сундух*, агул. *сундукь*, буд. *сандыкъ* ‘сундук’;

ар. عين - агул. *гIейна* ‘очки’; уд. *айна* ‘оконное стекло’; хин. *хIайнаь / хIаьйнаь* ‘зеркало’ (по-видимому, образование от ар. “глаз” на

персидской почве, ср. перс. عینک *эйнäк*. Судя по начальному согласному в дагестанских языках, слово проникло книжным путем);

صنيّة ṣinijja[t] - лезг., рут. *сини* ‘круглый медный поднос’;

طبق ṭabaq - авар. *тIабакъ* ‘поднос’, дарг. *кIабатI* (с метатезой?), таб. *тIавакI*. Заметим, что дагестанский звукотип T̄ABAK̄ рассматривается в литературе как вклад среднеперсидского языка [Виноградова 1982: 9]. В других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 243-244];

منشار minšār - лезг. *мишер*, агул. *миншар*, рут. *мийшер* ‘пила’;

صاع ṣāʕ - авар. *сахI*, чеч. *сахь*, агул. *сеъ*, лак. *ссахI* ‘сах, мера веса’;

كيلة kayla - лезг. *киле* ‘мера сыпучих тел (*2,5 кг*)’;

قبّة qubba - лезг. *къуба* ‘наперсток’;

خرط x̱arṭ -лезг. *харт* ‘точило, брусок’;

زنبيل zanbīl - лезг., рут. *зинбил*, таб. *зимбил*, буд., уд. *заьмбил* ‘корзина, кошёлка’; в слове предполагается персидский первоисточник, см. [Абаев 1989: 311];

مسمار mismār - лезг. *мисмар*, рут. *мусмар,* хин. *масмар* ‘гвоздь’;

شمع šamʕ - лезг. *шем*, рут. *шам* ‘свеча’;

قالب qālab - лезг. *кIалуб*, рут. *кIалыб* ‘колодка’;

عصاً ʕaṣā - чеч. *Iаса,* авар., ботл. *гIанса,* дарг. *гIяса,* лак. *аьсав*, лезг. *аса*, таб. *гьяса,* агул. *гIасса,* арч., буд. *гIаса* ‘посох, трость, палка’;

نعل naʕl - лезг., таб. *леэн*, агул. бурщ. *нагIур*, рич. *легIан*, буд. *нагIал*, хин. *нагъыл*, крыз., уд. *нал* ‘подкова’;

عربة ʕaraba[t] - лезг. *араба*, таб. *аьраба*, буд. *арба* ‘арба’;

قفس qafas - лезг., таб. *кьефес*, таб. *къафас* ‘клетка (для птиц и животных)’; рут. *къафас* ‘грудная клетка’;

8. Лексика растительного и животного мира:

نباتات nabātāt (*ед. ч.* نبات) - лезг., таб. *набатат* ‘растение; растительность’;

شتل šatl - авар., лезг. *штил,* рут. *шитил,* буд. *штил* ‘рассада’;

مشمش mišmiš - лезг. *машмаш,* хин. *машмашы* ‘абрикос’;

شمّامة š-ammāma - лезг. *шамума* ‘несъедобная душистая дыня’;

توت tût - лезг., агул. *тут* ‘тут, тутовник’;

فندق funduq - лезг. *фундух* ‘фундук (*орех*)’;

قنّب qinnab - лезг., агул. *канаб,* таб. *гиниб*, рут. *ганаб*, буд. *ганап* ‘конопля’;

برتقال burtuqāl - лак. *пIуртIухал*, лезг. *партахал* ‘апельсин’;

خشخاش x̱ašx̱âš - лезг. *хвешхвеш*, агул. *хашхаш* ‘мак’;

ريحان rajḥān - лезг. *рейгьан* ‘ароматическое растение’;

محصول maḥṣūl - лезг. *магьсул,* таб. *мягъсул* (‘хлебное растение’), агул. *мяхIсул*, буд. *махIсул*, рут. *магьIсул,* хин. *маьхIсул* ‘урожай’;

قافلة qāfila[t]- лезг. *къифле* ‘гурт, вереница, стая’;

بلبل bulbul - лезг. *билбил*, буд., хин. *буьлбуьл* ‘соловей’;

طاووس ṭāwûs - авар., лак., дарг., лезг., таб., агул., арч. *тIавус (къуш)*, буд. *товуз*, чеч. *тIаус* ‘павлин’;

لقلق laqlaq - лезг. *леглег*, буд. *гьаджи-леглег* ‘аист’;

فيل fīl - авар., цез., чам., бежт., чеч., инг., дарг. *пил*, лезг., таб., рут., буд., уд. *фил* ‘слон’. В качестве первоисточника предполагается персидский язык [см. Абаев 1973: 244];

ميمون maymūn - чеч., инг. *маймал*, авар., бежт., цез. *маймалак*, чам. *маймалакв*, арч. *майманак*, лак., дарг., лезг., таб., агул., рут. *маймун*, буд. *меймун* ‘обезьяна’. В литературе указывается на персидский первоисточник [Абаев 1973: 66-67];

حمار ḥimār - авар. *хIама*, анд. *гьаморохи*, ахв. *имихи*, чам. *амах*, тинд. *амаха*, хварш. *омокъеI*, рут. *йимәл*, цах. *амаIле*, лезг. *лам*, хин. *гьилам*, уд. *элем*, буд. *лаьм*, крыз. *лем* ‘осел’;

مال māl - авар., лезг., таб., рут., буд., хин. *мал* ‘имущество, состояние; богатство; скот, скотина’;

خصيّ x̱aṣiyy - лезг. *хеси* ‘кастрированный’;

حيوان ḥaywān - чеч. *хьайва*, инг. *хьайба*, авар., лак., буд. *хIайван*, год. *хIайпан*, дарг. *хIяйван*, арч. *хIаван*, буд. *гьайван*, лезг. *гьайван* ‘животное, скотина’, таб. *гьяйван*, агул. *хIейван*, рут. *йиван* ‘лошадь’ / *гьIайван* ‘животное’; З.К.Тарланов [1994: 249] помечает агульское слово как тюркизм. С. М. Хайдаков отмечает, что “в дагестанских языках слово, выражающее обобщающее или собирательное понятие «животное», по-видимому, и в прошлом отсутствовало. Во всех языках бытуют слова заимствованные из арабского *(хIайван)* и других *(мал)* языков” [Хайдаков 1973: 22]. Об осетинском слове с кавказскими параллелями см. [Абаев 1989 134];

عقرب ʕaqrab - чам. *акъраб*, год. *ъакьира*, дарг. *гIякьраб*, лезг., таб. рут. *акьраб*, агул. *гIакьраб* ‘скорпион’;

حشرة ḥašara[t]- лезг., буд. *гьашарат*, таб. *гъяшарат* ‘насекомое’;

9. Названия строений и их частей:

سجف siǯf - лезг. *сижиф*, рут. *суджухьв* ‘плинтус’;

عمارة ‘imāra[t] - лезг. *имарат* ‘здание, дворец; шедевр’;

دارة dāra[t]- лезг. *дарамат* ‘здание, сооружение’;

قنطرة qanṭara[t] - лезг. *кьантIар* ‘бугор; вал’;

مرتبة martaba[t] - лак., агул. *мартаба*, лезг., таб. *мертеба*, рут. буд. *мертебе* ‘этаж’;

ميدان majdān - авар., бежт., лезг., таб., агул., рут. *майдан*, год *байдан*, цез. *майдан // байдан* ‘площадь, ровное место’, ‘луг’;

حمّام ḥammām - авар., арч. *хIамам*, дарг. *хIямам*, лак. *хIаммам* бежт. *гьаьмаьм*, лезг. *гьамам*, таб. *гьямам*, агул. *гьемам*, буд., уд. *гьа мам*, рут. *гьIамам*, хин. *хIамам* ‘баня’;

- лак. *жанахI* 'флигель', 'павильон';

قبّة - чеч. *къубба* ‘гробница’, авар. *къуба,* лак. *къуппа* 'купол’; хин. *къуппа* 'пряжка на поясе’;

بناء binā? - лезг., рут. *бине*, таб., агул., буд. *бина* ‘основание’; авар. *мина* ‘жилище, имение’; бежт. *бина*, цез. *бина//мина* ‘дом, стоянка, шатер; место’. Лексема имеет широкое распространение в кавказских языках. Так, по А. К. Шагирову [1977 I: 75], адыгск. *бэн/бэны* 'могила', “возможно, из араб. binā', откуда и тур. bina 'здание', 'строение', 'сооружение'; 'помещение'; ср. также груз. bina 'жилище', 'приют', 'пристанище', авар. *мина* 'здание', 'жилище', 'строение'”.

معدن maʕdan - авар., цез. *магIдан*, чам. *магIда*[н], лак. *мяъдан*, таб. *мядан,* хин. *маьгIдан* ‘рудник, месторождение полезных ископаемых’; бежт. *маъдан* ‘минерал’;

حوض ḥawḍ - авар. *хIавуз*, лак. *хIавз*, арч. *хIовзи*, лезг. *гьавиз*, уд. *гьовуз* ‘бассейн’;

قلعة qalʻa - авар., год., чам., бежт., цез. *хъала*, дарг., буд. (тж. ‘г. Куба’), уд. *къала*, лак. *къяла*, лезг. *къеле* ‘крепость; замок’; ср. также авар. *кIалгIа,* дарг. *кIялгIя* ‘дворец; храм’. Об осетинском слове с кавказскими параллелями см. [Абаев 1973: 259];

حجرة ḥuǯra[t] - авар. *хIужра // хIуржа*, лак. *хIужра* ‘комнатка; келья; ящик в столе’; чеч. (уст.) *хьуьжар* ‘медресе’;

دكّان dukkān - авар. *тукен*, чам. *тука*[н], лак. *ттучан*, лезг. *туькверн*, таб., арч., хин., буд. *тукан*, агул. *дукан* ‘магазин, лавка’; по З.К.Тарланову [1994: 263], агульское слово - из персидского. В. И. Абаев [1958: 375] указывает на арабско-персидский источник;

مزرعة mazraʻa - лезг. *мезре* ‘нива; поле’;

رهن rukn - лезг. *руькуьн* ‘свая, кол’;

حياط ḥiyāṭ (*мн. от* حائط) - лезг. *гьаят*, таб. *гьяят*, буд. *гьайат*, рут. *гьIайат* ‘двор’;

مركز markaz - лезг., таб., рут., буд. *меркез* ‘центр’;

خراب xarāb - лак. *харап (хьун)*, арч. *хараб (кес)*, хин. *хараб (кьи)*, лезг., буд. *харапIа*, таб., цах. *хараба*, авар., агул., рут. *хараб* ‘развалины’;

محلة maḥalla - авар., лак. *махIла*, лезг. *магьал / мягьле*, таб. *мягьял / мягьла*, рут. *магьIле* ‘квартал; улица’;

10. Обозначения продуктов питания и т.п.:

авар., чеч., лак., таб., буд. *сурсат*, лезг. *суьрсет* ‘провиант, продовольствие’;

شربات šarbāt - лак. *шарват*, лезг. *шуьрбет*, таб. *шюрбет*, агул., рут. *шербет* ‘шербет’;

شراب šarāb - дарг., лезг., рут. *шараб* ‘напиток’;

شربة šurba[t] - чеч. *чоьрпа*, лезг., агул., рут. *шурпа* ‘суп’;

رب rubb - лезг. *руб* ‘фруктовая патока’;

مربّة murabba[t] - авар. *мурапа*, бежт., лезг. *мураба*, дарг. *мурабба*, лак., агул. *мурарпа*, рут. *мыраба*, буд. *мурабба*, *муребе*, *мураббе*, *миреббе* ‘варенье’. Отмечено во многих языках Кавказа [Абаев 1973: 133];

حلواء ḥalwāʔ - чеч., инг. *хьовла,* лак. *хIалва*, дарг. *хIялива*, лезг., арч. *гьалва,* рут. *гьIавла* ‘халва’;

زيتون zaytûn - авар. *зайтун*, лезг. *зейтун* ‘олива, маслина; оливковое масло’;

قهوة qahwa - чеч. *къахьō* (+ ‘горечь’) авар. *къагьва*, лезг. *къагьве* ‘кофе’;

تتن tutun - лезг. *туьтуьн* ‘табак’;

مرهم marham - лак. *малхIан* 'пластырь', лезг. *мелгьем* ‘целительное средство, бальзам’;

عرقىّ ʕaraqij - чам. *аракъ*, авар., ботл., цез. *гIаракъи*, бежт. *аьраькъаь*, год. *ъаракъи*, лак. *аьракьи*, дарг. *гIярякьи*, лезг. *эрекь,* агул. *гIаракь*, рут. *гьерекьи,* арч. *аракьIи*, хин. *арагъ*, буд. *гьаракь*, уд. *аьраькъи* ‘водка’. Слово представлено и в абхазско-адыгских и других языках

Северного Кавказа: адыгск. *аркъIэ / аркъ*, балк. *аракъы,* ног. *арак,* абаз. *аркъIа* и др., см. [Шагиров 1977 I: 63; Абаев 1958: 56];

قند qand - лезг. *къенд*, буд. *къаьнд*, хин., уд. *къаьнд* ‘сахар’;

نبات nabāt - лезг. *набат* ‘сахар’;

خمير x̱amīr - лак. *хамил*, лезг. *химир*, арч. *ххимир*, агул., рут. *хамир* ‘закваска для теста; тесто’;

لقمة luqma[t] - авар., лезг. *лукъма*, цез. *лукIма*, буд. *лукьма*, уд. *локIма* (возможная опечатка!), рут. *лухма* ‘ломтик; кусок’;

رزق rizq - инг. *ризкъ*, лезг. *ризкьи*, таб. *ризкь,* агул. *ризикь*, рут. *ризкь*, буд. *рыз* ‘пропитание; ресурс’;

دواء dawā‘ - лезг., рут., буд. *дава* ‘лекарство; бальзам’;

زهر zahr - авар., бежт., дарг., лак. *загьру*, год. *загьоро*, лезг., рут., буд. *зегьер* ‘яд, отрава’;

زقّوم zaqqum ‘адское дерево (плодами которого будут питаться грешники)’- авар. (уст.) *закъум* ‘отрава, сильный яд, смертельный яд’;

علف ‘alaf - лезг., уд. *алаф,* буд. *гIалаф,* хин. *хIаьлаьф* ‘фураж, корм’;

11. Обозначения явлений неживой природы:

عرش ˤarš - авар. *гIарш,* лак. *аьрш* (‘престол, трон’), лезг. *арш,* таб. *аьрш* ‘зенит, высь’;

طوفان ṭūfān - лак. *тIюпан*, лезг. *тIурфан*, рут. *тIурхьван*, буд. *туфан*, хин. *ттуфан* ‘буря; ураган, метель’; авар. *тIупан* ‘потоп’;

هواء hawāˀ - чеч. *хIаваъ*, авар., бежт., цез., год., чам., багв., дарг., лак., лезг., таб., агул., рут., арч., буд., хин., уд. *гьава* ‘воздух; погода, климат’;

مغارة magāra - лезг., буд. *магъара*, таб. *мугъара* ‘пещера; грот’;

جزيرة ǯazīra[t] - лак. *жазира* 'остров';

نور nûr - авар., дарг., лезг., таб., рут., буд., арч., чеч. *нур* ‘луч; сияние; блеск’;

فلك falak - лезг., рут. *фелек* ‘небесная сфера’ (тж. ‘бог’);

زلزلة zalzala - лак. *зарзала*, лезг. *залзала,* рут., буд. *зелзеле* ‘землетрясение’;

а) названия веществ:

الماس ’almās - авар., ботл., лак., лезг., рут. *алмас*, бежт., цез., дарг., таб., уд. *алмаз* ‘алмаз’; чам. *алмас* ‘стеклорез’;

جواهر ǯawāhir - лак. *жавагъи*, лезг. *жавагьир* ‘драгоценный камень; жемчуг’;

قير qīr - лезг., хин. *къир* ‘смола; битум; асфальт’;

موم mûm - лезг., агул. *мум* ‘воск’;

لحم laḥm - буд. *луьгIуьм* ‘олово’, *луьхIуьмпI* ‘паяльный материал, припой’;

مغنطيس mağnaṭīs - дарг. *макьлатIис*, лезг. *микьнатIис* ‘магнит’;

حنّا hinnā - лезг., буд. *хине* ‘хна’;

مرمر marmar - лак., лезг. *мармар* ‘мрамор’;

جوهر ǯawhar - лезг. *жевгьер*, агул. *джавгьар*, арч. *жавгьар* ‘драгоценный камень; жемчуг’;

مرجان marǯân - лак. *маржан*, лезг. *мержен (маржан),* таб. *мер-жан*, агул. *мерджан*, рут. *марджам* ‘коралл; жемчуг’;

لؤلؤ lu’lu’ - авар. *нагIли*, лак. *ляълу*, лезг. *лаал* ‘рубин’, агул. *лягIли*, рут. *лаъли* ‘малахит’. О слове в других языках Кавказа см. [Абаев 1973: 153];

ياقوت yāqūt - лезг. *якъут*, лак., дарг., таб. *якьут*, рут. *йакьут*, буд. *йагъут*, арч. *йукьут* ‘яхонт’;

نفط naftِ - авар. *нарт* (с переходом спиранта в сонорный), лак. *навт*, лезг., таб., агул., буд., цах., крыз. *нафт*, арч. *набт,* рут. *нафт* // *нахь-у-д* ‘нефть; керосин’;

12. Названия частей тела, болезней и т.п.:

قامة qāma[t] - лезг., таб., рут. *къамат* ‘облик, наружность; осанка’;

بدن badan - лезг., рут. *беден* ‘тело’;

قدم qadam - лезг., рут. *къадам,* таб. *кьадам* ‘шаг’;

ميت majit - лезг., буд. *мейит,* таб., рут., хин. *майит* ‘покойник’;

جنّاز ǯannaz - авар., год., бежт., цез., лак., дарг. *жаназа*, чам. *джаназа*, рут. *джаназ*, арч. *занази* ‘труп’; буд. *джаназа* ‘носилки (на которых несут на кладбище покойника)’;

صفة ṣifa[t] - авар., дарг. *сипат*, лак. (‘качество’) *сиппат*, лезг. *сифет*, буд. *сфет*, таб. *суфат*, чеч. *сибат,* рут. *сихьват* ‘рожа; лицо’;

إسم ˀism - дарг. *исму* ‘черты лица’;

جناب ǯanāb - лезг. *жинаб,* рут. *джанаб* ‘куриная косточка, используемая в спорах’;

جسد ǯasad - лезг., таб. *жасад* ‘тело, организм, существо’;

خرطوم hurṭûm - лезг. *хуртIум* ‘хобот’;

كفل kafal - лезг. *кафал* ‘серединная часть кожи крупного рогатого скота’;

صفراء ṣafrā’u - лезг., таб. *сафра,* буд. *зафра* ‘желчь’;

آزار āzār - лезг., буд., хин., уд. *азар*, таб. *аьзар*, рут. *эзер* ‘болезнь, недуг’;

مرض maraḍ - лезг. *мерез*, буд. *мараз* ‘тяжелый недуг’;

ورم waram - лезг. *верем* ‘туберкулез’;

فالج fāliǯ - лезг. *фалуж*, агул. *фалиджа* ‘паралич’;

طاعون ṭā‘ûn - лезг. *тIегъуьн*, таб. *тIягъюн*, агул. *тIугIун* ‘чума; мор’;

وباء wabā‘ - арч., чам. *вабагI,* авар., бежт., цез. *вабаъ,* год. *вапаъа,* буд. *веба,* лак., лезг. *ваба*, дарг. *ваваъ* ‘холера’;

زكام zukām - лезг. *зуьквем* ‘насморк’;

جذام ǯuẕām - лезг. *жузам*, буд. *джуьзам* ‘проказа’;

بلغم balǧam - лезг. *балгъан* ‘мокрота’;

نفس nafas - лезг., таб. *нефес,* агул. *нафас,* рут. *нахьвас*, уд. *наьфаьс* ‘дыхание’. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 195-196];

نجس naǯas - лезг. *нежес* ‘испражнение’; авар. *нажас* ‘скверный’; цез. *нажас* ‘погань’;

13. Термины родства:

عم ˤamm - лезг. *эми*, хин. *аьми*, уд. *аьми-кI* ‘дядя (со стороны отца)’. В “Северокавказском этимологическом словаре реконструируется авароандо-лезгинская изоглосса *ʔēmV с соответствиями ав. *эмен*, анд., ахв., чам., тинд., кар., ботл., багв., год. *има* ‘отец’ и вышеприведенными лексемами лезгинских языков [Nikolayev, Starostin 1994: 205]. Учитывая системность вхождения арабского материала в данное лексико-тематическое поле лезгинских языков, такое сопоставление трудно принять.

خالة x̱āla - лезг., таб., уд. *хала* ‘тетя (сестра матери)’;

عمّة ‘amma - лезг., таб. *эме*, уд. *ама* ‘тетя (со стороны отца)’;

خال x̱āl - лезг., таб. *халу*, хин. *холы* ‘дядя (по материнской линии)’;

ميراث mīrās̱ - лезг. *мирес*, таб. *мирас* ‘кум; сородич’;

اقارب ’aqāribu - лезг. *акьраба*, уд. *агъраба* ‘родственники, родные’;

14. Служебные слова:

يا yā - лезг. *я* (частица - *употр. при обращении*)

امّا ʔammā - авар., ботл., бежт., цез., дарг., лезг., таб., агул., буд., хин., чеч., инг. *амма*, чам. *аммā*, агул., уд. *ама* (*союз противит.*) ‘но’;

و wa - авар., дарг., лезг., таб., агул. *ва* (*союз соединит.*) ‘и’;

يعنى yaˤnī - лезг. *яни* ‘то есть’;

يا ربّ yārabbi - лезг. *яраб* ‘неужели (*частица*)’; рут. *йараб* ‘неужели, вряд ли’; цез. *йарабиаллагь* ‘дай бог’; о распространении слова в других языках Кавказа см. Абаев 1958: 58

حتّى ḥatta - инг. *хIаьта*, авар., лак., арч. *хIатта*, дарг. *хIятта*, лезг. *гьатта*, таб. *гьятта* ‘даже’;

البتّة ʔalbatta - лезг. *гьелбетда* ‘конечно’;

14. Устойчивые выражения:

السلام عليكم ʔassalām ʕalaykum - бежт., рут. *саламалейкум*, цез. *саламгIалейкум*, дарг. *ассаламугIялайкум* ‘здравствуй(те)’;

عليكم السلام ʕalaykumʔassalām - лезг. *алейксалам*, таб. *аьлейкум салам*, буд. *элейкуьм салам* ‘здравствуй(те) (*ответ на приветствие*)’;

آمين ʔāmīn - лезг., таб., агул., буд., ботл., чам., цез., бежт., чеч. *амин (рел.*), арч. *омин*, уд. *аммен* ‘аминь’;

بارك الله bārakallāh - лезг. *баркалла*, рут., буд. *баракалла*, таб. *баркаллагъ* ‘молодец (*похвала*)’; авар. *баркала,* дарг., чеч. *баркалла*, инг. *баркал* ‘спасибо’;

بسم الله bismillāh - авар. *бисмила*, агул. *бисмиллахI*, лезг. *бисмиллагь* ‘во имя Аллаха’;

والله wallāh - цез. *валлагь*, чам. *валлā*, бежт. *валлагь*, лезг., таб., арч. *валлагь*, хин. *валла* ‘ей-богу; клянусь Аллахом’; ‘конечно; еще как; да, разумеется’; ср. также цез., чам., бежт. *вабиллагь*; *валлагь-биллагь*;

ان شاء الله inšāʕallāh - лезг., таб., рут. *иншаллагь* ‘если будет угодно Аллаху’; буд. *иншалла* ‘дай бог, вот бы’;

ما شاء الله māšāʕallāh - лезг., буд. *машаллагь* ‘браво!, прекрасно!, молодец!’

О функционировании в речи на дагестанских языках целых высказываний арабского происхождения пишет М.-С. Мусаев: «Из арабского языка даргинским заимствованы и целые словосочетания, которые в настоящее время в даргинском воспринимаются как одно слово: бисмиллагьирахIманилрахIим "слово, которое произносится перед тем, как начинают делать что-нибудь" (буквально: "с именем бога"); лайлатулькьадила дуги "ночь определения судьбы"; алхIямдуриллагь "слово, которое произносится, когда кончают есть, работать и т.д." (буквально: "хвала богу"); иншааллагъ "если бог захочет", баллагьи

гIязим "твердительное междометие". По такому случаю П. К. Услар писал: "Не только множество арабизмов, но и даже множество арабских фраз приобрели полное право гражданства во всех горских языках"» [Мусаев 1978: 12].

15. Имена собственные:

Общность именника различных народов Северного Кавказа, вызванная распространением здесь ислама, нередко отмечается в специальной литературе. Ср.: “Можно перечислить десятки собственных имен арабского происхождения, которые имеются в той или иной степени в языках почти всех народов северо-кавказского региона. К ним относятся, прежде всего, мужские имена: *Ахмед, Магомет, Хасан, Мусса, Иса, Умар, Илас, Идрис, Ислам, Измаил, Керим, Мустафа*, женские: *Фатимат, Бадимат, Ракижат, Рахимат, Аминат, Заидат, Зулимат, Мерет. Мадинат, Мимонат, Разиат, Саният, Секинат, Салихат, Фаризат, Хадижат, Хулимат* и мн. др.” [Исаева 1977: 117].

Личные имена арабского происхождения в восточнокавказских языках группируются в несколько разрядов: во-первых в качестве личных имен здесь фигурируют практически все эпитеты Аллаха (как известно, нсчитывается 99 таких имен–эпитетов) и почетные прозвища пророка Мухаммеда. Распространены также имена родственников пророка, а также библейские имена в арабизированной форме. Наконец, нередки имена, так или иначе связанные с мусульманской религией (*Малла, Ислам, Муслим, ХIяжи* и т.п.). Исследование собственных имен арабского происхождения – предмет самостоятельного исследования, поэтому здесь мы ограничиваемся лишь некоторыми примерами.

Мужские имена:

авар. *ГIабдула*, бежт. *Абдула,* лак. *Аьвдул / Аьвдуллагь*, лезг. *Абдул / Абдуллагь*, рут. *ГьIабдулла*, буд. *Абдул / Абдуллагь* < ар. عبدالله[9]. Имя представлено и в качестве компонента сложных имен (*Абдул-Азиз, Абдул-Вагаб, Абдул-Вагид, Абдул-Гамид, Абдул-Джапар, Абдул-Кадыр, Абдул-Керим* и т.п. Первый компонент имени представлен также в именах типа *Абдукерим, Абдурагим, Абдурашид, Абдуселим*);

авар. *Абу*, лак. *Абу*, лезг. *Абу* < ар. أب ‘отец’. Этот компонент широко представлен и в сложных именах (Абумуслим, Абубакар, Абусуфьян и т.д.);

авар. *ГIадил*, лак. *Аьдил*, дарг. *ГIядил*, лезг., буд. *Адил*, рут. *ГьIадил* < ар. عدل ‘справедливый’;

цез. *Азраил* < ар. عزرائيل ʕazrāʔīl ‘ангел смерти’;

цез. *Айуб* < ар. и.с. أيّب ʔajjub < библ. Иов;

цез., таб. *Анвар* < ар. أنوار ʔanwār - мн.ч. от nûr ‘свет’;

дарг. *Адам,* рут. *ГьIадам* < ар. и. с. آدم ʔādam,

авар. *ГIалим*, лезг. *Алим*, рут. *ГьIалим*, буд. *Аьлим* < ар. عليم ʕalī m 'ученый’;

---

[9] Как отмечает Э. Я. Сафаралиева [1987: 72-73], перед нами «арабское мужское имя, состоящее из Абду и аллах, усеченное до Абдулла, так как конечный придыхательный в русской транскрипции не нашел отражения. Переводится как «раб божий». Это имя носил отец пророка Мухаммеда, значит оно возникло задолго до принятия мусульманской религии. Подобные идолопоклоннические, «божественные» имена существовали у многих народов. Сравни: славянское Богдан – «богом дан», немецкое Готлиб – «любимец бога», греческое Теодор – «божий дар» и другие. Это имя наиболее популярно на мусульманском Востоке. В Дагестане также оно встречается повсеместно как в форме Абдул (Абдула), так и в сочетании с другими компонентами». В данном анализе элементу *-ул-*, соответствующему арабскому определенному артиклю, неправомерно приписывается значение «бог, аллах».

авар., цез. *ГІали*, бежт., лак., буд., таб. *Аьли*, лезг. *Али*, дарг. *ГІяли* < ар. и. с. على ʕalīy ‘возвышенный, высокий; выдающийся’. Имя часто встречается и в сложениях;

лак. *Амир*, лезг., таб., буд. *Эмир*, рут. *Эмир* < ар. أمير ʔamīr ‘начальник, правитель’[10];

авар. *ГІамир* (и цез. *ГІамир*), объединяемое в “Справочнике личных имен народов РСФСР” [1979: 318] с предыдущим именем, судя по начальному *гІ-*, должно восходить к ар. عمير ʕamīr ‘населенный; отличный, превосходный’;

авар., цез. *ГІумар*, лак. *Оьмар*, лезг. *Умар*, таб. *Уьмар* < ар. и.с. عمير ʕumaru;

авар., цез. *ГІазиз*, бежт., лак., буд., таб. *Аьзиз*, лезг. *Азиз*, рут. *ГъІазиз* < ар. عزيز ʕazīz ‘дорогой, милый; чтимый’;

цез. *ГІарип*, бежт. *Аьрип*, лезг., таб., буд. *Ариф* < ар. عزيف ʕarīf ‘помощник учителя, помогающий учителю’;

авар. *Амин*, лак. *Амин*, лезг. *Эмин*, рут. *Эмин* < ар. أمين ʔamīn ‘надежный, верный’[11],

---

[10] Как отмечается в специальной литературе, “арабское слово «амир» употреблялось еще до принятия ислама, им называли предводителя племени. Впоследствии, уже в пору ислама, титул эмир носили мусульманские халифы. Знаменитый тюрка-монгольский завоеватель Тимур носил звание Амир, и поныне он известен под именем Амир Тимур. А его многочисленные потомки носили титул амир-зада, что означает «сыновья амира». Этот термин впоследствии в устной речи перешел в усеченное «мирза» и употреблялся в значении «царевич». В конце концов, как и всякий титул, он перекочевал в разряд личных имен.

Мужское имя Амир очень популярно в Дагестане у всех народностей. У лезгин встречается и форма Амри, где произошла перестановка слогов” [Сафаралиева 1987: 96].

[11] Ср.: “Сначала это было одним из почетных прозвищ пророка Мухаммеда, в переводе с арабского означает «верный, доверенный». Имя Амин широко рас-

инг. *Ахьмад*, авар., бежт. *АхIмад*, лак. *АхIмад*, дарг. *АхIмад*, лезг. *Агьмед*, таб. *Аьгьмад*, рут. *АгьIмед* < ар. и. с. أحمد ˀaḥmadu,

бежт., цез. *АсхIаб*, лез. *Асхаб* < ар. أصحاب ˀaṣḥāb ‘спутник, товарищ, друг (мн.ч.)’

авар., бежт., цез. *Басир*, лак. *Басир*, лезг., таб. *Басир* < ар. بصير baṣīr ‘проницательный’;

инг., авар., бежт., цез. *Башир*, лак. *Башир*, лезг., буд. *Башир*, рут. *Башир* < ар. بشير ‘приносящий радостную весть’;

авар., цез. *ВахIид*, бежт., буд. *Вагьид,* таб. *Вягьид,* рут. *ВагьIид* < ар. واحد ‘единый’;

авар., бежт. *Вакил* < ар. وكيل wakīl ‘посол; представитель, доверенное лицо; делегат’, ‘защитник, адвокат’;

авар., цез., бежт. *Варис* < ар. وارث wāri̱s ‘родственник; опекун’;

рут., буд. *Вагъиф* < ар. واقف ‘стоящий; сведущий’;

авар., лезг., таб., буд. *Вагьаб* < ар. وزير ‘вседарящий (эпитет Аллаха)’;

авар., цез., лак., дарг. *Вали*, лезг., таб., буд. *Вели* < ар. وليّ waliyy ‘близкий, родной’;

авар. *Валид* < ар. والد wālid ‘рождающий’;

авар., лезг. *Вазир*, рут. *Везир* < ар. وزير ‘министр’;

авар. *Гьашим* < ар. هشيم hašīm‘слабый, ломкий’;

авар. *ГIакъил* < ар. عاقل ˁāqil ‘умный, разумный’;

авар. *ГIалам* < ар. عالم ˁālam ‘свет, вселенная’;

авар., цез. *ХIасан*, лак. *ХIасан*, лезг., буд. *Гьасан*, таб. *Гьясан*, бежт. *Гьасан* < ар. и. с. حسن ḥasan

---

пространилось в странах мусульманского Востока, проникло и в Дагестан. Распространено повсеместно, употребляется также в сложном имени Магомедамин” [Сафаралиева 1987: 96].

авар., цез. *XIусен*, лак. *XIусейн*, лезг. *Гъусейн*, бежт. *Гъуьшен* < ар. и. с. حسين ḥusajn

авар., цез. *XIамид*, лак. *XIамид*, лезг. *Гьамид*, рут. *ГьIамит* < ар. и. с. حميد ḥamīd

авар. *Гьарун*, лак. *Гьарун*, лезг., таб. *Гьарун*, буд. *Гьарын*, рут. *ГьIарын* [12]

авар., бежт., цез. *Давуд*, лак., таб. *Давуд*, лезг., буд. *Дауд*, рут. *Дауд, Давыд, Давыдый* < ар. и. с. داود dāwudu;

рут., буд. *Джабар* < ар. جبّار ǯabbār 'могущественный, жестокий';

авар. *Жабир*, лезг. *Жабир*, рут., буд. *Джабир* < ар. جابير ǯābir 'вправляющий (кость), костоправ, тиран';

авар. *ЖабрагIил*, лак. *Жабраил*, лезг., таб. *Жебреил*, рут. *Джибриъил*, буд. *Джабраил* < ар. и. с. جبرائل ǯabrāʔil 'Гавриил';

авар., бежт., цез. *Жалал*, лак. *Жалал*, лезг. *Жалал*, рут. *Джалал* < ар. جلل ǯalal 'большой, великий'. Ср. сложения: *Жалалуддин* (букв. 'величие веры');

авар., бежт., таб. *Жамал*, рут., буд. *Джамал* < ар. جمال ǯamāl 'красота';

авар., цез. *Жамалудин*, лак. *Жамалуттин*, лезг. *Жамалудин*, рут. *Джамалудин* (букв. 'красота веры')

авар. *Жапар*, таб. *Жафар*, рут. *Джефер*, буд. *Джафер* < ар. и.с. جعفر ǯaˤfar

---

[12] По мнению Сафаралиевой, "происходит от арабского «харун», что означает «горный», «горец». Из восточного фольклора известно имя легендарного халифа Харуна ар-Рашида. В Дагестане употребляется у всех народностей, но только в форме Гарун. Имя было популярно еще в XIX веке не только у дагестанцев, но и у осетин, черкесов, чеченцев и других кавказских народностей" [Сафаралиева 1987: 113].

авар., бежт. *Жалил*, лак. *Жалил*, лезг. *Жалил*, рут. *Джелил* < ар. جليل ǯalīl ‘большой, великий’

авар., рут., буд. *Забит* < ар. ضابط ḍābiṭ; ‘офицер’;

авар., бежт. *Загьир*, дарг., таб., буд. *Загьир* < ар. ظاهر ẓāhir ‘определенный, конкретный’;

авар., рут., буд. *Замир* < ар. ضمير ḍamīr ‘совесть’;

авар., цез. *Ибрагьим*, бежт. *Ирбагьин // Ибрагьин*, лак. *Ирвагьин*, лезг. *Ибрагьим*, дарг., буд. *Ибрагьим,* рут. *Ибрайим* < ар. и.с. إبراهيم ibrāhīm;

рут., буд. *Икрам* < ар. إكرام ’ikrām ‘почет, уважение’;

авар., лезг., таб. *Имам* < ар. إمام ’imām ‘имам’;

цез. *Иман* < ар. إيمان ʔīmān 'вера';

рут. *Интизар* < ар. إنتظار ʔintiẓār ‘ожидание’;

авар., цез., лезг., таб., буд. *Ислам* < ар. إسلام ʔislām‘ислам, мусульманская вера’;

авар. *Инус*, лак. *Юнус*, лезг. *Юнус*, рут., буд. *Йунус* < ар. и.с. يونس jūnusu;

авар. *Юсуп*, лак. *Юсуп*, дарг. *Юсуп*, лезг., таб. *Юсуф*, рут. *Йусухь*, буд. *Йусиф* < ар. и.с. يوسف jūsufu;

авар. *Карим*, лак. *Карин*, лезг., таб. *Керим*, дарг. *Карим* < ар. كريم karīm ‘щедрый, великодушный, благородный, любезный, радушный’;

авар. *Камал*, лак. *Камал*, лезг. *Камал*, рут., буд. *Камал* < ар. كمال kamāl ‘совершенство’;

авар., цез. *Камил*, лак. *Камил*, лезг. *Камил* < ар. كامل kāmil ‘совершенный’

рут. *Камалуддин* (букв. ‘совершенство веры’);

рут. *Кьабил*, буд. *Къабил* < ар. قابل qābil ‘встречающий’;

авар. *Къадир* < ар. قادر qādir ‘сильный, могучий’

авар., цез. *Къасум*, рут., буд. *Къасым* < ар. قسيم qasīm ‘красивый; соучастник’;

авар., цез. *ЛатIип*, лак. *ЛатIип*, лезг. *ЛатIиф*, буд. *Летиф* < ар. لطيف laṭīf ‘приветливый; любезный’;

авар., лак., лезг. *Мансур* < ар. и.с. منسور mansūr ‘победоносный’;

авар. *МухIаммад*, лак. *МахIанмад*, дарг. *МухIяммад*, лезг. *Мегьеммед*, таб. *Мюгьюмед*, рут. *МагьIаммед*, буд. *Магьаммед, Мегьаммед, Мегьеммед, Магьаммад* < ар. и.с. محمّد muḥammad. Одно из наиболее популярных в Дагестане имен, по поводу которого И. Х. Абдуллаев пишет, что «это имя до недавнего времени, а у некоторых народностей Дагестана, например, у кумыков, аварцев и по сей день настолько популярно, так глубоко внедрилось в их языки, что может употребляться и в качестве «репрезентативных» имен, например, Магомед – «дагестанец», а Патимат – «дагестанка» [Абдуллаев 1970: 137].

авар. *МахIмуд*, лак. *МахIмуд,* лезг. *Мугьмуд*, таб. *Мягьмуд*, рут. *МагьIмуд*, буд. *Магьмуд, Магьмут* < ар. и.с. محمود maḥmūd

авар. *Макъсуд*, лак. *Макьсуд,* лезг. *Махсуд* < ар. مقصود maqsūd ‘искомый, желанный’;

авар. *Малик*, лак., таб. *Малик,* лезг. *Мелик*, рут. *Малик*, буд. *Малик, Маьлик* < ар. ملك malik ‘король’;

авар. *Мурад*, лак. *Мурад,* лезг. *Мурад*, рут., буд. *Мурад* < ар. مراد murād ‘надежда, цель; желание’;

рут. *Мурсал,* буд. *Муьрсал* < ар. مرسل mursal ‘посланец’;

авар. *Муслим*, лак. *Муслин,* дарг. *Муслим*, лезг. *Муслим*, таб. *Мислим*, буд. *Муьслуьм*, рут. *Муслим* < ар. مسلم muslim ‘мусульманин’;

авар. *Наби*, лак. *Наби*, лезг., таб., буд. *Неби* < ар. نبیء nabī’ ‘пророк’;

рут. , буд. *Назым*, таб. *Назим* < ар. ناظم nāẓim ‘организующий’;

лак. *Надир*, лезг., буд. *Надир*, рут. *Надыр* < ар. نادر nādir ‘редкий’

авар. *Назир*, рут., буд. *Незир* < ар. نظير naẓīr ‘равный’. Аварское имя в “Справочнике личных имен народов РСФСР” [1979: 318] объединяется с предыдущим именем, однако переход *д* > *з* в аварских за-

имствованиях не регистрируется (такое объединение могло бы иметь место в случае исконного араб. ḍ);

авар. *Насиб* < ар. نسيب nasīb ‘близкий, родной’.

авар. *Насир* < ар. نصير nas̱īr ‘защитник, заступник’.

рут., буд. *Низам* < ар. نظام niẓām ‘строй, порядок’

авар. *НухI*, буд. *НуьхI* < ар. и.с. نوح nūḥ “Ной”;

авар., таб., рут., буд. *Нур* < ар. نور nūr ‘луч; сияние; блеск’; ср. также сложения типа дарг. *Нурутдин*, рут. *Нуреддин* (букв. ‘луч веры’)

рут. *Нурулла*, буд. *Нурулла, Нуруллагь* (букв. ‘луч Аллаха’);

авар. *Расул*, лак. *Расул,* дарг. *Расул*, лезг., буд. *Расул*, рут. *Расул* < ар. رسول rasūl ‘посланец’;

авар. *РахIим*, лак. *РахIин,* лезг., буд. *Рагьим*, дарг. *РяхIим* < ар. رحيم raḥīm ‘милосердный, милостивый’

авар. *Рашид*, лак. *Рашид,* лезг., таб., буд. *Рашид*, дарг. *Рашид* < ар. راشد rāšid ‘сознательный, благоразумный’

инг. *СаIид*, авар. *СагIид*, лак. *Саэд,* лезг. *Саид*, таб. *Сеид*, дарг. *СягIид* < ар. سعد saˤīd ‘счастливый, удачный’;

рут., буд. *Сабир* < ар. صابر ṣābir ‘терпеливый’;

рут., буд. *Сагьиб* < ар. صاحب ṣāhib ‘спутник, друг’;

авар. *Салам*, лак. *Салам*, лезг. *Салам* < ар. سلام salām ‘приветствие’;

авар. *Салим*, лак. *Салин*, лезг., таб. *Селим* < ар. سليم salīm ‘здоровый, нормальный’;

авар. *СалихI*, лак. *СалихI*, лезг., таб. *Салигь* < ар. سالح sāliḥ ‘здоровый, нормальный’;

авар. *Самад, Самед*, дарг. *Самад,* рут., таб. *Семед,* буд. *Самед* < ар. صمد ṣamad ‘вечный’;

авар. *Садикъ*, лак., таб. *Садикь,* лезг. *Садикъ*, рут. *Садыгъ* < ар. صادق ṣādiq ‘правдивый’;

авар. *Сулиман*, лак. *Сулайман,* лезг., таб., буд. *Сулейман* < ар. и.с. سليمان sulīman

авар. *Тажудин*, рут., буд. *Таджидин* (букв. ‘венец веры’);

авар. *ТIагьир*, буд. *Тагьир* < ар. طاهر ṭāhir ‘чистый, непорочный’;

авар. *Пахрудин*, рут. *Фахридин,* буд. *Фехредин, Фехреддин* (букв. ‘гордость веры’);

рут., буд. *Фикрет* < ар. فكرة fikra[t] ‘мысль, дума’;

авар. *Халид*, лак. *Халид*, лезг. *Халид* < ар. خالد x̱ālid ‘вечный, бессмертный’;

авар. *Халил*, лак. *Халил*, лезг., таб. *Халил* < ар. خالل x̱ālil ‘возлюбленный, любовник’;

авар. *ХIабиб*, лак. *ХIабиб*, лезг. *Гьабиб*, таб. *Гьябиб* < ар. حبيب ḥabī b ‘любовный, дружеский’;

авар. *Шамил*, лак. *Шамил,* лезг., таб. *Шамил*, рут. *Шамил*, буд. *Шамил, Шамиль* < ар. شامل šāmil ‘всеобъемлющий’;

авар., рут. *Шамсудин,* буд. *Шамсаьддин Шамсэддин* (букв. ‘солнце веры’);

рут. *Шефакъат* < ар. شفقة šafaqat ‘жалость’;

авар. *Шарип*, рут., буд. *Шериф* < ар. شريف šarīf ‘знатный’;

авар. *ШапигI*, лак. *Шяпи*, лезг. *Шяфи*, рут. *Шафи*, рут. *Шефи* < ар. شافع šāfiˁ ‘заступник’;

рут. *Экбер* < ар. أكبر ˀakbaru ‘великий; самый важный; старший’)[13];

рут. *Эсед* < ар. أسد ˀasad ‘лев’;

Женские имена:

---

[13] Ср.: “У имама Хусейна были сыновья с именами Алиакбар, Алиасгар и Алиасват, которые можно перевести следующим образом: «Али старший», «Али младший», «Али средний». Имя Алиакбер в Дагестане широко распространено, особенно в форме Аликбер или Алекбер” [Сафаралиева 1987: 96] .

инг., авар., цез. *Аминат*, лак. *Аминат*, лезг., таб. *Аминат*, дарг. *Аминат* < произв. от أمين ʔamīn ‘надежный, верный’

авар., цез. *ГIабидат*, лак. *Аьбидат*, лезг. *Абидат* < произв. от عابد ʕābid ‘поклоняющийся’

рут. *ГьIурийет,* буд. *Гьуьруьйет* < ар. حرّيّة ḥurrija[t] ‘свобода’;

авар., цез. *Жамилат*, лак. *Жамилат*, лезг. *Жамилат*, рут. *Джемиле*, буд. *Джемиле, Джемилаь* < произв. от جمال ǯamāl ‘красота’;

авар., цез. *Жаннат*, лак. *Жаннат*, лезг. *Женнет*, рут. *Дженет*, буд. *Дженнет* < ар. جنّة ǯanna[t] ‘рай’;

цез., дарг. *Калимат*, таб. *Келимат* < ар. كلمة kalima[t] ‘слово, фраза’;

авар., цез. *ПатIимат*, лак. *Патимат*, лезг., таб. *ФатIимат*, дарг. *ПатIимат* < ар. и. с. فاطمة fāṭima[t];

рут., буд. *Тамам* < ар. تمام tamām ‘подробный, исчерпывающий; зрелый, сознательный’

рут., буд. *Феридe* < ар. فريدة farīda[t] ‘жемчужина; редкостная, бесподобная вещь, уникум’ и др.

В целом среди женских имен довольно много производных от соответствующих мужских, ср. дарг.: *Амин – Аминат, Загьид – Загьидат, ХIялим – ХIялимат, Султан – Султанат, ГIябид – ГIябидат, Малик – Маликат* и др.

Как видно из приведенных примеров, заимствованные имена собственные легко разъясняются на почве языка-источника, в котором появление того или иного имени связано с конкретными этнографическими и социальными условиями. Ср.: "Факторы, определяющие идеологию общества, непременно оказывают влияние на имена. Так, исламизация арабов в VII в., означавшая одновременно и военизацию, и возведение в апогей верховной власти, и безропотное подчинение нижестоящих вышестоящим, дала огромное количество имен, в состав которых входила морфема абд – ‘раб’: Абдуллах (раб аллаха

Абдурахман (раб щедрого)" [Суперанская 1969: 30]. Конечно, в языке-рецепторе подобные имена во многом утрачивают свою семантическую связь с соответствующими апеллятивами, хотя довольно часто встречаются случаи омонимии имен собственных и нарицательных. Так, по свидетельству В. М. Загирова [1981: 41-42], "многие слова арабского происхождения, представленные в табасаранском языке собственными именами, употребляются также и в нарицательном значении для обозначения определенных понятий и явлений: *Мевлюд* «собств. мужское имя» — *мевлюд* «особое коллективное молебствование»; *Женнет* «собств. женское имя» — *женнет* «рай»; *Гьюри* «собств. женское имя» — *гьюри* «гурия, райская дева»; *Гьяжи* «собств. мужское имя» — *гьяжи* «паломник»; *Имам* «собств. мужское имя» — *имам* «высший духовный сан» и другие.

Глава III. Функционально-семантическая характеристика арабизмов нахско-дагестанских языков

Как было отмечено, большое число арабизмов входит в основной словарный фонд нахско-дагестанских языков и служит ядром аффиксальной деривации для множества новообразований, созданных посредством исконных средств словообразования, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что арабизмы служат для номинации жизненно важных для дагестанцев понятий.

Однако в связи с прекращением активного взаимодействия арабского и восточнокавказских языков и переориентацией последних после октябрьской революции на русский язык как на основной источник заимствования, арабизмы в этих языках можно охарактеризовать как пласт иноязычных лексем, прекративший свой количественный рост.

Следует отметить также неоднородность арабизмов в лексике рассматриваемых языков с точки зрения их употребительности. Если часть арабских заимствований известна любому говорящему на любом из языков Восточного Кавказа и не носит характера новизны или устарелости, то другая часть арабизмов постепенно выходит из активного и повседневного употребления и по этой причине находится вне активного словарного запаса.

По степени употребительности арабизмы в составе исследуемых языка могут быть подразделены на: 1) активно употребляемые в языке; 2) приобретающие оттенок устарелости.

Заимствования из арабского языка в восточнокавказской лексике занимают значительное место, охватывая самые разнообразные сферы жизни народов Северо-Восточного Кавказа. Они прочно закрепились в лекси-

ческой системе этих языков, стали неотъемлемой частью активно употребляемого словаря.

В группу арабизмов, активно употребляемых здесь, входят заимствования, освоенные языком так, что воспринимаются его носителями как исконные слова родного языка.

Активно используемые арабизмы, как правило, представляют собой разряд слов экспрессивно не окрашенных, стилистически нейтральных и служат для наименования жизненно важных понятий без какой-либо их оценки. Входящим в эту группу арабизмам присуща простота и общепонятность, они одинаково характерны и для устной и для письменной речи и функционируют в исследуемых языках как разряд слов, имеющих важное значение в процессе общения.

К активно употребляемым следует, как правило, отнести многие арабизмы из таких функциональных сфер, как медицина и болезни; духовные и физические качества человека; животный мир и птицы; термины родства; термины, связанные с понятием времени; номенклатура дней недели; предметы домашнего обихода; орудия труда; термины науки и культуры и некоторых других тематических групп. Приведем отдельные примеры арабизмов, получивших право гражданства в лезгинском языке и теперь свободно употребляющихся как в устной речи, так и в литературном языке:

уьмуьр "жизнь":

Зи кьуънелла зи мурадрин лацу лиф

Уьмуьр вилик, рикIе ашкъи... /А.Алем, с.7/

На плече у меня белый голубь желанья

Впереди жизнь, в сердце любовь.

Адет "обычай"

Адет авайди я, сагълам вахтунда хъилер хьайибур, са хийр-шийр хъайла, туькIуьн хъийида /А.Агаев, с.23/.

"В хорошие времена был обычай: тот, кто ссорился - мирился, когда приходило время делить радость и горе".

Мурад "желание", "намеренье"

Зи мурад вакай дагъларин инженер хьун тир. Ам ваз кьисмет хьанач /З.Эфендиев, с. 267/.

"У меня было желание, чтобы ты стал горным инженером, но тебе это не суждено".

Жаваб "ответ"

Ам ви буржи туш. За къазвайди зи данадин тум я, - жаваб гана хъел квай дидеди /З.Эфендиев, с.171/.

"Это не твое дело. Я держу хвост моего теленка, - ответила рассерженная мать"

Гьукумат "государство"

Дуван гьукумат я. Жуван велед жува хвена чIехи авуна кIанда, - дугьудай Гъазая /З.Эфендиев, с.95/.

"Свое государство. Своего ребенка надо самому воспитывать и растить, - говорил Газай".

Аналогичную ситуацию в аварском языке демонстрирует небольшой отрывок из произведения Расула Гамзатова “Мой Дагестан” (арабизмы выделены полужирным шрифтом):

Гьерсица абула жиб **къуватаб** бугин. РитIухълъиялъ абула жиб **къуватаб** бугин. Гьеб **дагIбаялъулъ** гьал кIиязулго щибалда, жибго бергьарабин ккун, ккараб **хIасил** босизе кIун гьечIо. Гьаз **хIукму** гьабун буго жидерго **дагIба дунялалъул** гIадамазда цIехезе. Гьез абуралда **разилъизе**.

Ложь говорит, что она **сильна**. Ложь говорит, что она **сильна**. В своем **споре** обе, уверенные в победе, **результата** не добились. Они **решили** свой **спор** у **людей мира** разрешить. Те на это **согласились**.

В данном отрывке на 35 слов использовано 8 арабизмов - почти 25 процентов. Все они активно используются в современном аварском языке.

Однако определенная часть арабизмов, продолжительное время активно функционировавших в нахско-дагестанских языках, приобретает к настоящему времени оттенок устарелости, выходит из активного употребления и переходит в разряд архаизмов. Выход из активного употребления заимствованных из арабского языка лексем может вызываться как языковыми причинами, когде процесс дифференциации синонимов приводит к тому, что одно из слов или одно из значений слова, находящегося в определенном синонимическом ряду оказывается архаичным, так и экстралингвистическими факторами. В связи о изменениями социальных условий и развитием различных сторон общественной жизни исчезает необходимость употребления отдельных слов, обозначающих исчезнувшие из обихода профессии, предметы, понятия. Иногда процесс перехода некоторых заимствований в пассивный словарный фонд объясняется вполне оправданным стремлением к очистке словарного состава языка от чуждых ему малоупотребительных заимствований. Ситуация, обрисованная ниже на материале аварского языка, характерна и для многих других восточнокавказских языков:

“Исчезли из словарного состава слова, которые духовные лица брали из религиозно-мифологического арсенала арабского языка и вводили в аварский язык, пользуясь ими как в устной речи, так и в своих широко популяризировавшихся религиозных произведениях. К таким словам, например, относятся: **зикру, зуррият, тасбихI, къалубала, сухIуф, игIтикъад, тавбу, шапагIат**[14] и др. Такие слова теперь в литературе не встречаются, их можно услышать из уст тех престарелых

[14] Арабизмы транскрибируются согласно аварскому произношению.

верующих лиц, которые в свое время обучались в религиозной арабской школе.

Некоторые из таких слов имели тенденцию остаться в языке в связи с переосмыслением их; например, **шапакъат** - награда, «дар (божий)» первоначально применялось в чисто религиозном значении и было введено в язык духовными лицами. К концу XIX века, после прихода русских, в военных кругах его стали применять по отношению к наградам и поощрениям, шедшим от царского правительства; после революции это слово перестали употреблять, и вместо него теперь распространены термины «награда», «орден» и др. **Ризкъи** - средство к существованию, насущный хлеб; оно раньше употреблялось в смысле «дар божий», редко слышалось в живой повседневной речи в смысле «средства к существованию», но теперь и оно почти вышло из употребления.

Светская литература предреволюционного периода также была засорена арабской мифологической бессмысленной словесной мишурой, которая в революционные годы быстро выветрилась из языка, не оставив почти никаких следов. Например, у аварского лирика Махмуда из Кахаб-Росо (умер в 1919 году) излюбленными образными средствами были такие арабские слова и выражения, как: **савмагIат** - дом божий, **щагьру карам** - священный месяц, **гIаршалъул хIуби** из мусульманской мифологии - столб Арша (Арш - судилище божье), **самаалда Билкъис** - сама' - небо, **Билкъис** - одна из жен пророка Соломона (библ.), **хIажрул асвад** - священный камень в Каабе, **Сайна** - название горы (из мусульм. миф.), **Шалдадил Ирам** - миф. город Ирам Шаддада, **гIайнулхIаят** - родник живительной воды (мус. миф.), **хIавра** - имя крупноокой гурии (мус. миф.), **гIаршуррахIман** - престол божий (мус. миф.).

Мало того, Махмуд и другие лирики его времени стремились употреблять арабские слова, если даже прямой эквивалент их суще-

ствовал в языке; например: **сама'** - небо, по-авар. **зоб**; **исму** - имя, по-авар. **цIцIар**; **къавлу** - слово, по-авар. **рагIи**; **санаал** - похвалы, по-авар. **реццал**; **хIусну** - красота, по-авар. - **берцинлъи**; **мима** - образ лица, по-авар. **гьормал куц**[15] и т. д.

После революции аварские поэты и писатели, став в своем творчестве на путь социалистического реализма, отказались от пользования образными средствами, далекими от жизни, затемняющими содержание произведений. Высоко оценив самобытность своего родного языка и хорошо зная силу его, такие поэты, как Цадаса Гамзат и др., в своем творчестве, поставленном на службу социалистическому строительству, показали, что и на таком языке, как аварский, можно творить произведения, достойные своего века" [Микаилов 1954: 43-44].

Уход из языка слов и отдельных их значений представляет собой сложное явление. Это результат постепенного и длительного процесса архаизации соответствующего арабского заимствования. Данная категория арабизмов встречается в речи языковой общности спорадически, и хотя эта группа заимствованных из арабского языка лексем вышла из активного употребления, она все же не забыта полностью.

По степени устарелости прежде всего следует выделить группу слов, которые не известны носителям дагестанских языков в качестве отдельных значимых единиц. К ним следует отнести такие арабские заимствования, которые встречаются в настоящее время лишь в составе фразеологических оборотов. Так, например, лезгинский арабизм *балугь*, восходящий к арабскому прототипу "совершеннолетний", "взрослый" кристаллизуется в выражении *акъул балугь* "совершеннолетний" и не употребляется в современном лезгинском языке как отдельное слово.

---

[15] **ХъахIаб-Росолъа МахIмуд,** Рокьул асарал, Дагъгиз, МахIач-Хъала, 1948.

Лишь в составе фразеологизма *жумма алам* "весь народ" употребляется лезгинский арабизм *жумма*, восходящий к арабской лексеме "обильный", "полный".

К этой же группе лексем относятся также языковые факты, не употребляющиеся в современных языках в качестве слов, обладающих самостоятельным лексическим значением, а встречающихся лишь в качестве корневых частей производных слов,

Например, лезгинский арабизм *тестикъ*, восходящий к арабскому масдару, встречается в лезгинском языке только в сочетании с вспомогательными глаголами *авун* "делать" и *хъун* "быть", "становиться" и имеет значения "подтверждать", "подтверждаться". Лишь в сочетании с вышеупомянутыми вспомогательными глаголами употребляется в лезгинском языке и арабизм *давам*. На лезгинской почве он имеет следующие значения: *давам авун* "продолжать", "выдержать"; *давам хъун* "продолжаться".

Примеры такого рода можно найти во многих других дагстанских языках, ср. лак. *исват* (*бан*) 'подтвердить'; буд. *тестикъ (йихьар/сиъи)*, арч. *тасдикь (ас)* 'подтвердить', хин. *къаьраьз(куи)* 'отомстить' и т.п.

Очень многие из арабских заимствований, исчезнувших в настоящее время из дагестанских языков, в качестве собственных имен сохраняются в ономастике (об антропонимах см. предыдущую главу). Это связано с тем, что топонимика и антропонимия являются наиболее устойчивыми фактами в словарном материале. Так, например, гидроним Самур, восходящий, по мнению И. Х. Абдуллаева [1976], к арабской лексеме [сам-мур] "соболь" утрачен в настоящее время в качестве имени нарицательного. Многие арабизмы, не употребляющиеся в качестве нарицательных имен, сохранила и антропонимия.

Изучая причины перехода арабизмов в разряд устаревших слов, мы выделяем две категории лексем пассивного словарного фонда: архаизмы и историзмы.

Архаизмы - это слова рецепторного словарного запаса, имеющие в современных языках стилистически нейтральные синонимы, в то время как историзмы являются единственными обозначениями исчезнувших явлений действительности. Однако, разграничивая среди пассивно употребляемых арабизмов историзмы и архаизмы, следует отметить, что в ряде случаев эта группа арабских заимствований совмещает в себе ряд коррелирующих признаков и может принадлежать одновременно к разным категориям.

Распространение русского языка как средства межнационального общения и в связи с тем, что его знание абсолютным большинством носителей исследуемых языков стало обычным явлением, в настоящее время в этих языках отмечается тенденция к замене лексем арабского происхождения русскими или интернациональными словами.

Определенная группа арабизмов уже перешла в разряд архаизмов, будучи заменена заимствованными из русского языка словами. Так, например, в настоящее время устарел и заменен русским словом *судья* арабизм *къази*, восходящий к арабскому имени.

В большинстве современных языков архаичен и арабизм *къагьве* "кофе", замененный заимствованный из русского языка словом *кофе*.

Другая группа заимствований из арабского языка еще не выпала из словарного состава и находится в настоящее время в конкурентных отношениях с русизмами. Так, во многих языках соперничают между собой арабизм *декьикьа* и русизм *минута*, арабизм *икьрар* и заимствованное из русского языка слово *договор*.

Часть из вышеупомянутых арабизмов вначале сохраняется в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок, в речи представителей старшего поколения, и употребляется в качестве синонимов. И хотя

эти арабизмы не выпали из словарного состава рассматриваемых языков, они постепенно переходят в рецептивный словарный фонд. Их архаичность обусловлена наличием в языке других слов, относящихся к активной части словаря.

Процесс архаизации в настоящий период развития исследуемых языков охватывает целые группы арабских заимствований, относящихся к определенным функциональным сферам. Как результат резкого сокращения числа людей, выполняющих ритуалы мусульманского вероисповедания, в разряд архаизмов переходит значительная часть терминов религии.

Снятие идеологических запретов и определенное возрождение интереса населения к исламу может привести к реактивизации многих устаревших к настоящему времени слов. Однако этот процесс не представляется нам достаточно простым. Уместно в связи с этим привести наблюдение специалистов о языковой ситуации в Чечне в последние годы: "На русском языке составлялись и публиковались Правительственные Указы и Постановления, вплоть до решений «Шариатских» судов и во времена чеченского «суверенитета», несмотря на Закон о государственном статусе чеченского языка" [Овхадов 2000: 151]. Это свидетельствует о том, что как арабский язык, так и соответствующая терминология не нашли соответствующего применения и в новых условиях.

Тем не менее, использование новых арабизмов в последнее время позволяет говорить еще об одной группе заимствований, о которых на материале аварского языка пишет А. Н. Халунов [1998: 11]: "это те неологизмы, которые в настоящее время искусственно возрождаются или вводятся в лексику современного аварского языка в различных газетно-журнальных публикациях. Часть этих арабизмов возможно когда-то и имела употребление в аварском языке, но в настоящее время их инородность ощущается явно. Сюда в определенной степени

можно отнести слова типа ***адабият*** вместо ***литература***; ***маданият*** вместо культура и т.д."

Архаизации подвергаются также некоторые наименования одежды и деталей костюма вместе с архаизацией самих реалий.

Следующий тип архаизмов - это так называемые стилистические архаизмы, то есть слова, употребляющиеся лишь в определенном языковом стиле. Так, например, поэтический стиль часто сохраняет вышедшие из разговорно-обиходного употребления арабизмы, которые становятся поэтическими. В художественных произведениях эти арабские заимствования используются писателями не только как средство выражения мысли, но и для создания торжественного стиля, для усиления ораторской напряженности речи.

Другой группой арабизмов, не относящихся к полностью забытым словам, являются историзмы, к которым относятся лексемы, вышедшие из живого словоупотребления, так как обозначаемые ими предметы перестали быть реальной частью повседневной жизни жителей Восточного Кавказа. Историзмы представляют собой слова пассивного словарного запаса, которые в отличие от архаизмов, имеющих свое стилистически нейтральное выражение значений в современных языках, являются единственным выражением исчезнувших или ставших неактуальными в современной жизни понятий, явлений и реалий. Сталкиваясь с необходимостью назвать какой-либо исчезнувший предмет или явление, носитель современного языка вынужден использовать историзмы, так как в нем они синонимов не имеют.

С развитием новых форм общественных отношений и установлением Советской власти в Дагестане устаревают и переходят в категорий пассивно функционируемых арабизмы, являющиеся наименованиями реалий старых форм государственного управления. Старая судебная, религиозная, финансовая терминология в связи с уничтожением старых учреждений, чинов, титулов переходит в разряд историз-

мов, употребление которых, как правило, обусловлено тематикой, необходимостью описания в художественной и исторической литературе обрядов, быта обычаев, одежды и особенностей жизни в дореволюционном Дагестане. Причины перехода слов из активного употребления в разряд историзмов ясны и не требуют специального анализа.

Так, например, вместе с профессиями, связанными с определенной исторической формацией, в разряд историзмов переходят и их названия: *даллал* “маклер”, *тажир* “купец”, *джаллад* “палач” и др.

Включаясь в лексико-семантическую систему заимствующего языка, слово может на первых порах заметно выделяться, отличаться от исконных лексических единиц своими фонетическими, морфологическими и иными приметами. Со временем происходит уподобление его законам данного языка, т.е. его усвоение. Нахско-дагестанские арабизмы также претерпели ряд изменений фонетического, морфологического и семантического характера.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо сказать о той роли, которую сыграл арабский язык в развитии лексики нахско-дагестанских языков. В свое время Г. Б. Муркелинский высказал мнение о том, что проникновение в Дагестан арабского языка отрицательно сказалось на развитии дагестанских языков, тормозило развитие словопроизводства и словотворчества, задерживало образование литературных языков Дагестана [Муркелинский 1954: 212-215], ср.:

“Проникновение в Дагестан арабского языка, как языка завоевателей, а затем языков персидского и турецкого, конечно, отрицательно сказалось на развитии дагестанских языков. Арабский язык тормозил в языках народов Дагестана развитие словопроизводства и словотворчества, засорял лексику этих языков религиозными и мистическими терминами, искусственно задерживал образование и развитие литературных языков народов Дагестана и, наконец, препятствовал установлению и развитию культурных связей народов Дагестана с ве-

ликим русским народом и с соседними грузинским и армянским народами, имеющими многовековую письменность, литературу и культуру.

Арабский язык, являясь идеологическим оружием в руках господствующей верхушки, усиливал влияние реакционной религиозно-мусульманской «культуры» в Дагестане, отделял народы Дагестана от непосредственного приобщения к великой русской культуре.

Буржуазные националисты, ориентируясь на арабский или на турецкий язык, старались не только сохранить устаревшие и чуждые дагестанским языкам арабо-ирано-турецкие элементы, но и вводили новые заимствования из арабского и турецкого языков. В то же время они предлагали изгнать из дагестанских языков интернациональную советскую социально-политическую и другую терминологию, стремясь тем самым внушить народу недоверие к передовой социалистической культуре, к благотворному влиянию русского языка на развитие дагестанских литературных языков".

Данное мнение, продиктованное идеологическими императивами пятидесятых годов, конечно, не выдерживает никакой критики. Более верным нам представляется мнение Р. И. Гайдарова [1966: 190], отмечавшего, что арабский язык оказал положительное влияние на развитие лексики лезгинского языка, в частности на обогащение его словарного состава.

И, действительно, процесс освоения заимствованных из арабского языка фактов не был явлением отрицательным. Данный процесс обогащал нахско-дагестанские языки, делал их еще более развитыми, выразительными и образными. Заимствования из арабского языка способствовали пополнению и развитию словарного состава языка, увеличивая число употребляющихся в языке лексем.

Как правило, арабизмы используются нахско-дагестанскими языками для выражения понятий, не имевших ранее места, в какой-то ме-

ре заполняют пробелы в лексико-семантической системе исследуемых языков. Как отмечал А. Доза, "самый простой случай заимствования из иностранного языка - это заимствование у соседнего народа, который вводит слово одновременно с новой вещью" [1965: 135]. Однако довольно часто арабизмы заимствовались для обозначения явлений или понятий, эквивалентные наименования которых уже существовали в рассматриваемых языках. В этом случае причины заимствования находятся за пределами собственных потребностей языка: может быть существенной не только проблема наименования, но и переименования, а также соименования (установления сопоставительного ряда обозначений одного понятия) [Биржакова и др.: 289]. Арабизмы, функционирующие в качестве вторичных наименований предметов и явлений, уже имевших свои исконные по происхождению названия, вступают с исконно лексикой в синонимические отношения. Вновь заимствованные слова обогащают язык синонимами, что служит разгрузке многозначности исконного слова, дифференцирует оттенки значения и, в конечном итоге, способствует развитию и совершенствованию языка, В связи с тем, что заимствования являются одним из источников пополнения языка синонимами, очевидна большая роль арабских заимствований в обогащении восточнокавказских языков.

Таким образом, можно выделить две группы арабских заимствований :

1. Арабизмы, которые проникли в восточнокавказские языки вместе с новыми идеями, вещами, признаками, процессами. Как правило, такие слова сразу становятся достоянием языка, поскольку не вступают в конкурентные отношения с исконными лексемами.

2. Арабские заимствования, которые не принесли в исследуемые языки какие-либо наименования новых понятий, а лексемы, которые внесли в язык точность выражения и стилистическое разнообразие. В

этом случае происходит обогащение стилистических возможностей языка за счет заимствования иноязычных слов, передающих различные оттенки мысли. Синонимические ряды совместно с исконными словами составляют, в основном, арабские заимствования нетерминологического характера.

Под лексическими синонимами в данной работе понимаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению и отличающиеся друг от друга оттенками значения или стилистической окраской и способные заменять друг друга без изменения смысла текста.

В большинстве случаев синонимы всегда отличаются друг от друга своей эмоционалъно-экспрессивной окраской, узуальными свойствами, способностью вступать в соединения о другими словами, а также некоторыми оттенками в своем лексическом значении. Однако все эти различия предполагают номинативную общность синонимов, определяющую возможность замены в определенных контекстах одного слова синонимического ряда другим.

Исконных слов и арабизмов, полностью совпадающих с ними по значению и употребительности, в исследуемых языках относительно немного.

Иногда частое употребление одновременно и совместно лексических дублетов, заимствованных из арабского языка, приводит к созданию сложных слов, объединенных синтагматически и акцентологически, которые служат для обозначения одного и того же понятия.

Включение арабизмов в лексико-семантическую систему нахско-дагестанских языков приводит к различным результатам:

1. Арабизм функционирует в качестве синонима исконного слова, причем последнее нередко приобретает статус устаревшего (*аллагь* - авар. бечед, лезг. *гъуцар*, рут. *йиниш*, чеч. *дела* - рутульская и чеченская лексемы употребляются достаточно активно).

2. Арабизмы функционируют на правах синонимов (ср. *шайтIан*, *жин*, *иблис*, с нечетким семантическим различием).

3. Арабизмы приобретают дополнительные переносные значения: буд. *малкамут* 'хмурый, недружелюбный'.

Семантические изменения в процессе заимствования

Учитывая то, что арабизмы заимствовались в течение длительного периода, во время которого в самом арабском языке происходили существенные изменения в значении слов, сложно говорить в настоящее время о семантическом усвоении заимствованной лексики, которое обычно сводится к переосмыслению заимствованного слова.

Как правило, слова, являющиеся религиозными терминами, не имеют в рассматриваемых языках других значений. Более того, нередко происходит сужение значения, когда многозначное слово теряет одно или несколько из своих значений. Ср.:

араб. عقرب ʕaqrab 1. 'скорпион'; 2. 'часовая стрелка';	чам. *акъраб*, год. *ъакьира*, дарг. *гIякьраб*, лезг., таб., рут. *акьраб*, агул. *гIакьраб*'скорпион'
كتاب kitāb 1. 'книга' 2. 'письмо; послание; грамота'	лезг. *ктаб,* таб., агул., рут., буд. *китаб* 'книга'
تكليف taklīf 1. 'поручение, возложение', 2. 'обложение (налогом)', 3. 'обязанность, повинность', 4. 'труд, церемонии'	лезг., таб., буд. *теклиф,* рут. *теклихьв* 'предложение, приглашение';
وصي waṣi 1. 'опекун, душеприказчик', 2. 'завещатель'	лезг. *веси*, рут. *васи*, буд. *веси* 'завещание'
خلق xalq 1. 'творение, создание' 2. 'люди, народ', 3. 'тварь', 4. 'телосложение'	авар., чам., бежт. *халкъ,* лезг., агул., рут., лак., дарг., арч. *халкь*, чеч. *халкх*, инг.

	халкъ, цез. *халкъи* ‘народ’
ذكر zikr 1. ‘упоминание’ 2. ‘память’, 3. ‘воспоминание’, 4. ‘слава’, 5.`молитва’молитва’,	лезг., таб., буд. *зикир*, рут. *зыкыр,* авар., дарг., чам., арч. *зикру*, бежт. *зикро*, цез., дарг. *зикру,* лак., агул. *зикри*, чеч. *зуькар* ‘религиозная песня; продолжительное чтение молитв богу’;
سؤال suwāl 1. ‘вопрос’, 2. ‘просьба’	авар., дарг., лезг., таб., агул., рут., арч., хин. *суал*, буд. *суъал* ‘вопрос’;
طاقه tāqa[t] 1. ‘сила, мощь’ 2. способность 3. выносливость, терпение.	лезг. *такьат*, лак., таб., арч. *тIакьат* ‘сила; возможность, энергия’;

Помимо сужения, можно найти также примеры изменения значения, когда в арабском слове зафиксировано одно значение, а у его нахско-дагестанских коррелятов – другое:

مسألة mas'ala 1. ‘вопрос, проблема’, дело, предмет; 2. *мат., шахм.* задача’	лак., чеч. *масала*, лезг., таб. *месэла* ‘вопрос, проблема’, рут. *месела* ‘пример’, авар., дарг. и др. *масала* ‘например’
بركة baraka[t] 1. ‘благословение’; 2. ‘благодать, небесный дар’	чеч. *беркат*, лезг. *берекат*, авар., цез., агул., буд. *баракат*, чам., бежт. *баркат*, дарг. *баракт*, лак. *барачат*, таб., рут. *берекет* ‘благодать, благополучие, изобилие, достаток; добро, обилие’
اختيار 'ixtiyār 1. ‘выбор’; 2. ‘добрая воля, доброволь-	авар., лак., лезг., таб., агул., рут. *ихтияр*, чам., бежт., цез.

ность’; *ихтийар* ‘право, правомочие, полномочие; разрешение, позволение; распоряжение; воля’;

عمل ˁamal 1. ‘работа; труд’; 2. ‘действие’; 3. ‘занятие; дело’; 4. ‘поступок; акт’; 5. ‘практика’

инг. *оамал*, авар. *гIамал* (+‘действие, деяние; поступок’), чам., цез., арч. *гIамал*, бежт. *аьмаьл*, лак. *аьмал* 'нрав, характер; привычка; повадки, замашки', лезг. *амал*, таб. *аъмал*, рут. *гьIамал* ‘хитрость; способ’;

قاعدة qāˁida[t] 1. ‘правило, положение’; 2. ‘образец, модель’

авар. *къагIида*, чам. *къāйда* ‘манера, подход, способ, метод, прием; возможность, благоприятность’; арч. *къагIида* ‘спесивое поведение’, лак. *кьяида*, лезг., таб., буд. *къайда,* рут. *къайде* ‘правило’; дарг. *къяйда* ‘способ’;

جنّاز ǯannaz 1. ‘похороны, похоронная процессия’; 2. погребальные носилки, катафалк’

авар., год., бежт., цез., лак., дарг. *жаназа*, чам. *джаназа*, рут. *джаназ*, арч. *занази* ‘труп’; буд. *джаназа* ‘носилки (на которых несут на кладбище покойника)’;

تبديل tabdīl 1. ‘замена’; 2. ‘перемена’

лезг. *табдил* ‘изменение’, таб. *табдил*, рут. *табдил* ‘растерянность’;

دليل dalīl 1. ‘признак, показатель’; 2. ‘знак’; 3. ‘дока-

авар., лак., таб., рут. *далил*, лезг. *делил* ‘доказательство;

зательство’; 4. ‘улика’	довод; опора, аргумент’; буд. *делил* ‘довод; основание; свидетель’;
طمع ṭamaˁ 1. ‘желание’, 2. ‘жадность’	лак. *тамахI* 'аппетит', лезг. *темягь,* таб. *тямягь*, буд. *тIамагь*, *тIамагI*, рут. *тамагьI* ‘соблазн; корысть’;
ملجس maǯlis 1. ‘место, зал заседаний’; 2. ‘собрание, заседание’; 3. ‘общество’; 4. ‘совет, правление’	лезг. *межлис*, авар., бежт., лак., дарг., таб. *мажлис*, агул. *маджлис*, рут. *маджлист* ‘свадебное мероприятие, танцы на общественном месте; 'собеседование', 'собрание', 'компания’;
تعريف taˁrif 1. ‘ознакомление, объяснение’, 2. ‘представление’, 3. ‘определение’, 4. ‘тариф’	лезг., буд. *тариф* (+ ‘определение, точное толкование’), таб. *тяриф*, рут. *тарихьв* ‘похвала’;
خجلة x̱aǯla[t] ‘стыд’	лак., лезг., таб. *хажалат*, агул., рут. *хаджалат* ‘горе, печаль, кручина’;
جاهل ǯāhil ‘невежественный’, ‘глупец’, ‘невежда’, ‘неуч’	авар. *жагьил-аб* (‘невежественный’), лак., дарг. *жагьил*, лезг. *жегьил,* таб., арч. *жигьил*, рут. *джигьил,* буд. *джагьыл,* уд. *джаьйил,* хин. *джаьгьил* ‘молодой, юноша’;
عطر ˁaṭir ‘благовонный’, ‘ароматный’	лак. *аьтри,* лезг. *атир*, буд. *этир*, рут. *гьIатир*, агул. *гIатри* ‘духи’;

عاشق ˤāšiq ‘любящий, влюбленный’, ‘поклонник’	авар. *гIашикъ,* лезг., таб. *ашукь,* рут. *гьIашикь,* буд. *гIашукь* ‘певец, ашуг’;
بناء binā? ‘здание, сооружение’	лезг., рут. *бине*, таб., агул., буд. *бина* ‘основание’; авар. *мина* ‘жилище, имение’; бежт. *бина*, цез. *бина//мина* ‘дом, стоянка, шатер; место’
بحث baḥs̱ 1. ‘обсуждение, рассуждение’; 2. ‘изыскание, исследование’, ‘изучение’	лак. *бяс,* лезг., таб. *бягьс,* агул. *бегьс*, рут. *багьIс*, арч. *бас* ‘соперничество, спор’
حركة ḥaraka[t] 1. ‘движение’, 2. ‘действие’, 3.`деятельность’, 4. ‘течение; ход’, 5. ‘жест’, 6. ‘поступок’	авар., чам., цез. *хIаракат*, бежт. *гьаьраькаьт*, дарг. *хIяракат*, лак. *хIарачат* 'старание, усилие', лезг. *гьерекат* ‘движение’, таб. *гьяракат*, агул. *гьеракат,* рут. *гьIаракат* ‘спешка’;
زوال zawāl 1. ‘полдень’; 2. ‘закат’, 3. ‘исчезновение; прекращение, гибель’, 4. ‘привидение’, ‘дух’	лезг., рут., буд. *завал* ‘гибель, пагуба; беда, бедствие, напасть; недостаток, изъян; ущерб, убыток, урон’;
مجاّل mağāl 1. ‘место’, 2. ‘пространство, простор’, 3. ‘поприще, арена, поле’, 4. ‘сфера, среда’, 5. ‘возможность’	авар. (диал.), лак., лезг., таб., арч. *мажал,* агул., рут. *маджал* ‘досуг, свободное время’;
منزل manzil 1. ‘жилище, квартира, дом’; 2. ‘положение луны’	лезг., буд. *мензил,* авар., дарг., лак., таб. *манзил,* рут. *мамзил,* арч. *минзир* ‘расстояние, про-

	межуток, перегон';
نقش naqš 1. 'рисунок, украшение'; 2. 'резьба, резная надпись'	авар., цез. *накъиш,* чам. *накъишв,* лак. *накьич,* лезг. *нехиш,* таб. *накьиш*, рут. *накьыш*, арч. *никьIиш* 'узор';
دعوة daˤwa[t] 1. 'приглашение'; 2. 'призыв'; 3. 'распространение'; 4. 'агитация, пропаганда'; 5. 'призвание, назначение';	авар. *дагIба,* лак. *дъяви*, лезг. *дяве,* таб. *дяви,* рут. *дагьIви,* уд. *дава,* хин. *дагIва,* буд. *давгIа* 'война; спор, ругань'
طوفان ṭūfān 'потоп'	лак. *тIюпан*, лезг. *тIурфан*, рут. *тIурхьван*, буд. *туфан*, хин. *ттуфан* 'буря; ураган, метель'; авар. *тIупан* 'потоп'
صرف ṣarf 1. 'размен'; 2. 'расходование, отпуск (средств), уплата', 3. 'освобождение (слуги) по окончании работы', 4. 'осушение', 5. 'склонение, спряжение'	лезг. *серф,* буд. *сарф* 'расход, трата'; рут. *сарф* 'удобный момент';
إختبار ixtibār 1. 'опыт, проба, испытание, экспертиза'; 2. 'опытность'; 3. 'знакомство (с чем-л.)'	лезг., таб., рут. *ихтибар,* буд. *эхIтибар* 'доверие'

Заметим также, что многие нарицательные имена существительные арабского языка употребляются в настоящее время в рассматриваемых языках и как имена собственные (или же только в качестве антропонимов; см. предыдущую главу, рубрику "Имена собственные").

Нахско-дагестанские языки в целом обнаруживают значительное единство в семантическом освоении арабской лексики. Тем не менее, в

целом ряде случаев обнаруживаются заметные расхождения в значении усвоенных единиц. Ср.:

авар. *шапакъат* ‘награда’, но лезг. *шафакъат*, таб. *шафакьат* ‘милость, милосердие’;

лак. *аьй*, авар., цез. *гӀайиб,* чам. *гӀāйб,* бежт. *аьйиб,* год. *ъайиб,* лезг. *айиб,* таб. *аьйиб*, рут. *гьӀайиб* ‘позор, стыд’; но арч. *гӀейб* ‘вина’;

лезг. *имдад* ‘помощь’ ~ буд. *имдад* ‘доверие’ ~ таб. *имдад* ‘мольба, просьба о помощи’;

авар., бежт. *рухса*, лак. *рухсат* 'разрешение, дозволение', но лезг., таб. *рухсат*, буд. *рысхат* ‘отсрочка, отпуск, каникулы; увольнение’;

авар., лезг., чеч. *ирс*, цез. *ирси* ‘наследство, наследие’, но буд. *ирс* ‘род’;

лезг. *гьадия* ‘подарок’, но буд. *хӀадийе* ‘пир в доме невесты (устраиваемый для мужчин отцом или родственниками девушки, перед тем как увезти ее в дом жениха)’;

чеч., бежт., цез., лак., дарг. *тайпа*, чам. *тāйпа* 'вид', 'тип', но чам. *тагьпа*, лезг. *тайифа*, таб. *тайфа* ‘род, племя’;

авар., цез., лак., дарг., арч. *хӀукму* ‘решение’, но лезг. *гьукуьм*, таб., агул. *гъюкум* ‘приказ’;

лак. *сянат*, лезг. *сенят*, таб. *сяняаьт*, буд. *сенгӀат* ‘ремесло, профессия, занятие’ ~ бежт. *санаъат,* цез., арч. *санагӀат* ‘возможность’ ~ авар. *санагӀат / санагӀалъи* ‘удобство’ ~ хин. *саьнаьгӀаьт* ‘специалист’ ~ дарг. *санигӀят* ‘привычка’ ~ чам. *санагӀат* ‘обеспеченность’;

авар. *кира*, лезг. *кири* ‘аренда, наем’, но лак. *чири* ‘плата за наем лошади’;

лезг. *суьгьбет*, хин. *соьгьбаьт*, таб. *сюгьбат* ‘разговор, беседа’ ~ дарг. *сяхӀбат* ‘свадьба’ ~ авар. *сухӀмат,* лак. *сувхӀат* ‘пир, веселье’;

авар., арч. *ихтилат* ‘веселье’, но лак. *ихттилат*, дарг., лезг., таб., рут., буд. *ихтилат*, уд. *ихтӀилаьт*, хин. *ыхтылат* ‘разговор, беседа’;

авар., чам., арч. *хIужа*, бежт. *гьужжа*, цез. *хIужжа*, лак. *хIучча* 'довод, аргумент', но лезг. *гьуьжет*, таб. *гьюжат*, рут. *гьIаджет*, буд. *гьуьджет* ‘спор’ и т.п.

Как видно из примеров, основная демаркационная линия проходит здесь между языками северного и южного ареалов, причем последний включает языки лезгинской группы, за исключением арчинского, попадающего в зону влияния аварского языка.

Синонимия и антонимия в заимствованной лексике

Как известно, заимствование происходит обычно тогда, когда в заимствующем языке отсутствует слово, необходимое для передачи нового понятия. В наших материалах обнаруживается значительное количество примеров, когда заимствуются лексемы, образуя многочисленные синонимические пары собственно восточнокавказских слов (или же заимствований из других источников) и арабизмов.

На современном этапе развития нахско-дагестанских языков наиболее сильной тенденцией в процессе использования дублетов в речи, которая определяет их дальнейшие отношения, является узуальная, деривационная или стилистическая дифференциация между арабизмом и существующей в лезгинском языке номинацией.

По справедливому замечанию В. Н. Клюевой [1954: 1], "синоним должен быть не безразличной подменой другого, близкого по значению слова, в каких бы то ни было целях, а наиболее подходящим словом из ряда сходных, употребленных в данном случае”.

Обычным является процесс устранения дублетных отношений арабского заимствования и исконного слова, дифференциация их значений. Часть исконных слов и арабизмов являются синонимами идеографически-ми, то есть синонимами различающимися оттенками значений.

Приведем несколько примеров.

Так, если слово лезг. *нахушвал* и буд. *азар* имеют значение "болезнь, нездоровье, недуг", то их идеографические синонимы - лезг. *мерез*, буд. *мараз* ‘тяжелый недуг’, восходящие к арабскому имени مرض maraḍ, употребляются в значении "тяжелая болезнь".

Арабизм авар., арч. *катан*, лак. *чатан*, лезг. *кетен* (< ар. كتّان kattān) имеет значение "полотно, холст (реже - марля)". Его синоним *агъ* в лезгинском "белое полотно", "белая хлопчатобумажная ткань" отличается от него оттенком значения.

Заимствованная из арабского языка лексема лезг., рут. *беден* "тело", "стан" (арабский прототип بدن badan) и лезгинское слово *тан* являются синонимами функционально-речевыми. Это слова, совпадающие в словарных значениях, но имеющие различную сочетаемость. Не отличаясь друг от друга вне предложения, эти синонимы различаются своими комбинаторными значениями. Их значения совпадают только в определенном речевом контексте: они взаимозаменяемы в пределах словосочетания *инсандин беден* (*тан*) ‘тело человека’. Лезгинское *тан* в сочетании *тарцин тан* ‘ствол дерева’ уже не может считаться синонимом арабизма *беден*.

Иногда некоторые слова синонимического ряда, постепенно теряя возможность вступать в связь с широким кругом слов, начинают ограничивать свое употребление фразеологическими сочетаниями. Так, например, если значение арабского масдара *табдил* [تبديل tabdīl] - "изменение" реализуется в лезгинском языке лишь в сочетании с вспомогательными глаголами *авун* ‘делать’ и *хьун* ‘быть’, то лезгинское слово *дегишвал* ‘перемена’, ‘изменение’ (образование на лезгинской почве от тюркской основы) употребляется свободно и не является фразеологически связанным. Приведенный пример свидетельствует о том, что арабизм *табдил* и его исконный по происхождению синоним *дегишвал* на лезгинской почве различаются своей способностью вступать в соединение с другими словами.

Как уже было отмечено, арабские заимствования играют большую роль в обогащении нахско-дагестанских языков синонимами. Синонимия

дает возможность разнообразить речь, делает язык более образным, выразительным и красочным.

Синонимы в пределах одного контекста могут выполнять различные функции. Употребление арабских по происхождению синонимов исконных слов в речи может быть обусловлено намерением говорящего избежать нежелательных повторений одних и тех же лексических единиц, синонимы выполняют функцию уточнения, а также экспрессивно-стилистическую, связанную с выражением смысловых оценок[16]. В художественной литературе употребление рядов заимствованных из арабского языка синонимов диктуется намерением автора развернуто выразить то или иное понятие. Так, например, стилистическим задачам подчинено употребление в одном и том же синонимическом ряду арабизмов лак., лезг., таб. *хажалат*, агул., рут. *хаджалат* 'горе, печаль, кручина' (араб. خجلة x̱aǯla[t]) и лезг., таб. *гъам*, агул. *гъам* 'дума', рут. *къам* 'горе, скорбь, печаль' (араб. غام ğam), имеющих в названных языках общее значение. Ср. лезг.

Девлетлуйриз ава иззет

Им хажалат, гъам тушни бес (Агъцегь Гъаджи).

"У богатых есть слава

Разве это не горе, не печаль".

Дифференцирующий признак может быть тесно связан с употреблением исконных слов и их синонимов арабского происхождения в разных речевых сферах и определяться типом конкретного коммуникативного акта (устного или письменного). Исконные слова (а также заимствованные из других источников) как стилистически нейтральные могут употребляться как в устной, так в в письменной сферах, а их синонимы, восходящие к арабским прототипам, обычно принадлежат книжному языку. В таких лезгинских парах, как:

---

[16] О функциях синонимов см. [Чешко 1971: 6].

гъалат (араб غلط ğalaṭ) - *ягъалмишвал* (произв. от тюркск. основы) ‘ошибка’;

инсан (араб. إنسان ʔinsān) - *кас* (перс.) ‘человек’;

келима (араб. كلمة kalima[t]) - *гаф* (перс.) ‘слово’;

лазим (араб. لازم lāzim) - *герек* (тюркск.) ‘нужный’, ‘необходимый’

могут выявляться некоторые эмоциональные и стилистические различия; арабизмы функционируют в качестве стилистически маркированных вариантов исконных слов.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что значительная часть арабских заимствований в нахско-дагестанских языках прочно закрепилась в их лексической системе и широко употребляется как в разговорно-обиходной речи, так и в литературной норме.

Подчас при этом из употребления вытесняется исконное слово. Так, в следующих парах

БОГ: авар. *Аллагь – бечед*

лак. *Аллагь – зал*

лезг., хин. *Аллагь – гъуцар*

рут. *Аллагь – йиниш* и др.

чеч. *аллахI – дела* и др.

лишь рутульское и чеченское слово может соперничать по употребительности с арабизмом.

Арабские заимствования являются одним из источников возникновения синонимии в нахско-дагестанских языках. Необходимо отметить и то, что арабизмы в нахско-дагестанских языках в настоящее время продолжают входить во все синонимические ряды, являясь подчас более употребительными, чем исконно лезгинские слова и другие заимствования.

Вместе с тем, определенное количество арабизмов в связи с изменением исторических и социальных условий переходит в разряд малоупотребительных (архаизмов, историзмов), либо закрепляется в определенном жанровом стиле.

В синонимические отношения могут включаться и пары арабизмов, ср.:

лезг. *такьат*, лак., таб., арч. *тIакьат* ‘сила; возможность, энергия’ (طاقة ṭāqa[t]) ~ - авар., чам., бежт., цез. *къуват*, таб. *кьувват*, лезг., агул., буд. *кьуват*, рут. *кьувет* ‘сила, мощь’ (قوّة quwa[t]) ~ - авар., чам., бежт., цез. *къудрат*, лезг., рут. *кьудрат*, таб., агул., буд. *къудрат* ‘сила, мощь; божественная сила’ (قدرة qudra[t]) ~ лезг., таб., буд., уд. *аман* ‘сила’, авар., агул. *аман* ‘пощада’ (امان ’amān);

авар. *маслахIат*, *маслигIат*, лак. *маслихIат*, дарг. *маслигIят*, арч. *маслахIат*, лезг. *меслят,* рут. *меслагьат* ‘разговор, беседа; согласие; совет, рекомендация’; чам., цез. *маслагIат,* бежт. *маслаъат* ‘примирение, соглашение’ (مصلحة maṣlaḥa[t]) ~ صحبة ṣuḥba[t] - лезг. *суьгьбет*, хин. *соьгьбаьт*, таб. *сюгьбат* ‘разговор, беседа’ (в дарг. *сяхIбат* ‘свадьба’; авар. *сухIмат,* лак. *сувхIат* ‘пир, веселье’) (صحبة ṣuḥba[t]) ~ лак. *ихттилат*, дарг., лезг., таб., рут., буд. *ихтилат*, уд. *ихтIилаьт*, хин. *ыхтылат* ‘разговор, беседа’ (в авар., арч. *ихтилат* ‘веселье’) (إختلاط ix̱tilāṭ);

лезг., рут., буд. *завал* ‘гибель, пагуба; беда, бедствие, напасть; недостаток, изъян; ущерб, убыток, урон’ (زوال zawāl) ~ авар., лезг., таб., рут. *зарар*, бежт., цез., чам., дарг., лак., арч. *зарал* ‘вред, ущерб, убыток’ (ضرر ḍarar); об осетинском см. [Абаев 1989: 299];

авар. *загIип-аб,* бежт. *заип-аб,* арч. *загIип,* дарг. *зягIипси*, лезг., буд. *зайиф*, таб. *зяиф*, рут. *загьIиф* ‘бессильный, хилый’ (ضعيف ḍaˤīf) ~ авар. *гIажиз*, буд. *гIаджыз*, лезг. *ажуз*, таб. *аьжуз,* рут. *аджиз-дь* ‘худой; слабый; беспомощный’ (عاجيز ˤāǯīz);

лезг. *ктаб,* таб., агул., рут., буд. *китаб* ‘книга’ (كتاب kitāb) – чеч. авар., бежт., лезг. *жуз,* цез. *жуж,* чам., рут. *джуз* ‘том, книга; одна тридцатая часть корана’ (جزء ǯuz’);

авар. *гIадан*, цез. асах. *гIадам*, бежт. *аьдаьм*, чам. *гьадам*, год. *ъа дами*/*/адами*, лак. *адимана*, лезг. *итим*, таб. *адми*, чеч., инг., ботл.

дарг., арч. *адам*, уд. *адамар*, рут. *эдеми*, буд. *идми*, хин. *хIаьдми* ‘человек, мужчина’ (آدم ʔādam) ~ авар., чам., бежт., цез., дарг., лак., лезг., таб., арч., буд., уд. *инсан*, рут. *илсан* ‘человек’ (إنسان ʔinsān);

авар., чам., бежт. *халкъ,* лезг., агул., рут., лак., дарг., арч. *халкь*, чеч. *халкх*, инг. *халкъ*, цез. *халкъи* ‘народ’ (خلق xalq) ~ авар., цез. *жамагIат,* чам. *джамагIат*, бежт. *жамаъат*, лак. *жямат*, арч. *жамат*, лезг. *жемят,* таб. *жямяаьт*, агул. *джамият*, рут. *джамагьIат*, буд. *джамгIат*, уд. *джамагьат*, чеч. *джамIат* ‘народ; сельская община’ (جامعة ǯāmiʕa[t]);

авар. *жен* и т.п. < جنّ ǯinn ‘(злой) дух; джинн, бес, демон’ ~ авар. *шайтIан* и т.п. < شيطان šajṭān ‘черт, дьявол, сатана, шайтан’ ~ авар. *илбис* и т.п. < إبليس ʔiblisu ‘дьявол, сатана, черт; хитрец’ ~ лак. *эпритI*, лезг. *ифрит* ‘демон’ и т.п. < عفريت ‘ifrīt.

В связи с явлением синонимии следует выделить как особый тип отношений случаи вхождения в синонимические ряды русизмов, вытесняющих арабские и другие восточные по происхождению слова.

Включение арабизмов в лексико-семантическую систему нахско-дагестанских языков обусловливает также образование антонимических пар с участием арабизмов в качестве либо одного из членов оппозиции, либо обоих.

1. Арабизмы - оба члена оппозиции. Ср. рут.:

авар., лезг., таб., рут. *зарар*, бежт., цез., чам., дарг., лак., арч. *зарал* ‘вред, ущерб, убыток’ ~ лезг. *хийир*, авар., цез., таб. *хайир*, арч. *хер*, чам. *хāйр*, лак. *хайр*, хин. *хейир / хери*, буд. *хейир*, дарг. *хайри* ‘польза, выгода’;

авар., цез. *гIумру*, лак. *оьрму,* лезг. *уьмуьр* и др. ‘жизнь’ ~ чеч. *Iōжал-ла*, авар., *гIажал,* дарг., лезг. *ажал* и др. ‘смерть’;

авар. *загIип-аб,* бежт. *заип-аб,* арч. *загIип,* дарг. *зягIипси*, лезг., буд. *зайиф*, таб. *зяиф*, рут. *загьIиф* ‘бессильный, хилый’ ~ лезг. *мягькем*, таб. *мюгькам*, рут. *магьIкам-ды*, буд. *моьгькем* ‘крепкий, проч-

ный; стойкий, надежный, незыблемый' (в авар., чам. *мухIкан-аб*, бежт. *муьгькаьн-аьб* 'тщательный, аккуратный', лак. *мюхчансса* 'осторожный');

2. Арабизм - один из членов оппозиции:

авар. *загIип-аб,* бежт. *заип-аб,* арч. *загIип,* дарг. *зягIипси*, лезг., буд. *зайиф*, таб. *зяиф*, рут. *загьIиф* 'бессильный, хилый' ~ авар. *гучаб*, лак. *гуж бусса*, таб. *гужли*, буд. *гуджлу* (основы тюркского происхождения), дарг. *цIакьси* (исконное) 'сильный' и т. п.

В их числе можно обнаружить и окказиональные антонимы типа лак. *зулмат* 'гнет' ~ *нур* 'свет', *дуниял* 'мир, свет' ~ *ахират* 'конец света' [Курбайтаева 1999: 31].

Употребление арабизмов в составе пословиц и поговорок

Усвоение заимствованной лексики, их внедрение в лексико-семантическую систему языка-рецептора - явление многоаспектное. Одним из показателей семантического освоения заимствований является их употребительность в составе устойчивых выражений, в т.ч. пословиц и поговорок. Как известно, не в последнюю очередь языковая самобытность находит свое выражение в пословицах, поговорках и других речевых произведениях, относящихся нередко к наиболее древним пластам языка. В этой связи нам представляется важным рассмотреть, насколько глубоко вошли арабизмы в лексический состав фольклора нахско-дагестанских языков. Одним из широко распространенных арабизмов, отмечающимся практически во всех нахско-дагестанских языках [см. Хайдаков 1973: 22], является лексема с семантикой (а) "животное, скотина", (б) перен. "дурак, простофиля"; (в) "лошадь", ср.:

чеч., инг. *хьайба* "скот, скотина", авар. *хIайван* "животное, скотина"; ахв. *хIема* (цег., тлян., ратл. *хIайван*) "скотина", чам. *хIайма*^{н} "скотина, животное; перен. "простофиля, простак"; цез. *хIайван,* бежт. *гьаьймаьн* "скотина; животное; крупный рогатый скот", лак. *хIайван* "животное, ско-

тина; баран, овца"; дарг. *хIяйван* "скот, животное"; лезг. *гьайван* "животное, скотина"; "зверь", перен. "простак, простофиля; невежа"; таб. *гьяйван,* рут. *йиван* "лошадь", агул. *хIаьйван* "лошадь", цах. *хIаIйван,* буд. *хIайван* "животное; перен. простофиля, невежа"; крыз. *хIаьйван,* арч. *хIаван* "животное", хин. *хIайван // хIаьйван* "животное", уд. *гьейван* "скот" (< ар. حيوان "животное").

Как показывает материал различных языков, использование в пословицах и поговорках данного арабизма распространено лишь в тех языках, где этот арабизм имеет значение "лошадь". Ср. в табасаранском:

*Варж **гьяйван** айир саб бицIи тIулихъ мюгьтаж гъахьну.* Имеющему сто лошадей нужен маленький прутик.

***Гьяйван** гъадабгъайиз, пирпйир гъадагърур.* Прежде чем купить лошадь, покупает седло.

***Гьяйван** йикку, адми палатди балгуру.* Лошадь мясо, а человека одежда украшают.

***Гьяйван** ккунду, цIалрар ккундар.* Нужна лошадь, а не навоз.

***Гьяйван** ча кIури жигьил, риш ча кIури кьабир гъюру аьдат ву.* За лошадью идет молодой, за девушкой - старик.

***Гьяйвниз** леънар йивруган, дажди чан ширкIра гъюбччвру.* Когда лошадь подковывают, и осел копытом бьет.

***Гьяйвниз** эйсивал апIрур яягъди лицдар.* Хозяин лошади пешком не ходит.

***Гьяйвнилан** элдеуриз, даждиин элеуз къемиш даршул.* С лошади слезший на осла садиться не привыкает.

***Гьяйвнин** кьялхъян, хуййн улхьан мягъян.* Позади лошади и впереди собаки не ходи.

***Гьяйвнин** рижв бисарва, ниркан кдагъурву, хуйин рижв бисарва, батмиш шулву.* Лошадь за хвост возьмешь, реку перейдешь, собаку за хвост возьмешь, потонешь.

*Жинжал касдиз **гьяйвнин** цIаприкан далда шулу.*

*Инсан машназ, **гьяйван** жилиз лигур.* Человек в лицо, лошадь в землю смотрит.

*Ужуб гафну **гьяйван** чаз тувси шад апIуру.* Хорошее слово лошадь радует.

*Ужуб **гьяйвниз** гъирмаж герек дар.* Хорошей лошади плетка не нужна.

*Ужуб **гьяйвнин** кьяляхъ биши руг шул.* За хорошей лошадью пыль поднимается.

Фурин алдабхъу гьяйванси махьан!

*Эйси дустси **гьяйвниз** лигуру, хъа душманси дидин элеуру.* Хозяин на лошадь смотрит, как друг, а садится, как враг.

*Юкьуб лик ккайи **гьяйванра** алдакуру.* Лошадь на четырех ногах, и то спотыкается.

Ср. в рутульском:

***Йивандыхда** на хьыдынийхда (// хьыдыныйхда на **йивандыхда**) ватан вуруъудиш.* У лошади и у женщины родины не бывает;

***Йиван** ывгыйне майдан агырдиш, майдан агыйне – **йиван**.* Когда лошадь нашли, поля не нашли; когда поле нашли, лошадь не нашли;

*Даеклаа **йиван** вуруъумаъ иессиеклаа тыла викиси.* Пока жеребенок лошадью станет, хозяин в собаку превратится;

*Даеклаа **йиван** вуруъумаъ хвараклаа тыла викиси.* Пока жеребенок лошадью станет, кобыла в собаку превратится;

*Гвалах йымаIлере ваъара, хьытI **йивандис** сывъара.* Работу выполняет осел, а ячмень дают лошади;

*ЙымаIлере гьаъара, **йивандире** – улере.* Осел делает, лошадь кушает;

***Йиван** юрушаала вацIара, эдеми – ихтилатаала.* Лошадь по иноходи узнается, человек – по разговору;

*ЙымаIлехьванды кьирихъаъ **йивандыхьван** вуъулед нахв иде виъи.* Чем пшеница, которую ешь с ослом, лучше солома, которую ешь с лошадью;

*Къари вырды йыха, риъи, **йиван** – шурад.* Жена чужая хорошая, лошадь – своя;

ЙымаIлеклаа ***йиван*** *вичIедиш.* Осел лошадью не станет;

Писды тыла джыбрыыла вацIад и, писды ***йиван*** *– убрымыыла.* Злую собаку по хвосту узнаешь, плохую лошадь – по ушам;

Эгбыр а, ***йиван*** *кам виъи.* Подковы есть, лошади не хватает;

Вырды ***йивандыы*** *лечIуд кIыб саъ сахъаIгъуIре.* На чужую лошадь сядешь, быстро слезешь;

Вырды ***йиван*** *ки, къари ки бытIраана гьабгура.* Чужая лошадь и жена красиво выглядят;

РыкъыIде быстан, юргъа ***йиван****, бытIрад къари – маннийды йикий.* У дороги участок, быстрая лошадь и красивая жена пусть у других будет;

Са банаа гъад ***йиванашды*** *ранг са джишийне ки, хасиетбыр са руъура.* У лошадей, пасущихся на одной горе, хоть масть не одинакова, норов одинаковый;

Выды ***йивандыхда*** *джыбыр хъумабама гаджакъыр, хьура гид хьыдыныйды кьамчIелиймыхда гамакъ.* Не посмотрев, остался ли у твоей лошади хвост, не смотри на косы впереди идущей женщины.

Как видно из приведенного паремиологического материала, лексема “лошадь” достаточно прочно вошла в лексико-семантическую систему табасаранского и рутульского языков, образуя, например, окказиональные антонимические пары “лошадь - собака”, “лошадь - осел”, “лошадь - хозяин”, “лошадь - женщина”, “лошадь - девушка”. В синтагматическом плане налицо смысловые связи в парах “лошадь - хвост”, “лошадь - седло”, “лошадь - уздечка”, “лошадь - кнут”, “лошадь - ячмень”, “лошадь - подкова” и др.

Среди обнаруженных нами пословиц имеются и межъязыковые соответствия, ср.:

таб. ***Гьяйван*** *гъирмажиинди махъапIан, ярмайиинди хъапI.* Гони коня не кнутом, а ячменем ~ рут. *Йимирвыг* ***йиван*** *къамчиехьван, йивига хьытIахьван.* Не погоняй лошадь плеткой, погоняй ячменем;

таб. ***Гъяйвниз*** *леънар йивруган, дажди чан ширкIра гъюбччвру.* Когда лошадь подковывают, и осел копытом бьет. ~ рут. ***Йивандис*** *эг выырыхыIди, йымаIлере ки гъил лаъ кеэлъэре.* Когда лошадь подковывают, и осел копыта поднимает;

таб. *Юргъа* ***гьяйвнин*** *кьяляхъ туз шул.* За иноходцем пыль поднимается ~ рут. (с дополнительной второй частью) *Юргъа* ***йивандид*** *джыбра руг руъутIи, бытIрад хьыдыныйды джыбра – чIел.* За хорошей лошадью пыль подымается, за красивой женщиной – слова.

Несмотря на наличие соответствий такого рода, вывод об исконности использования лексемы в приведенных текстах был бы неверным. При исконности самих моделей лексема арабского происхождения “лошадь”, как нетрудно определить, вытеснила здесь исконные слова (или иного рода, более архаичные заимствования). В частности, как показывает материал, пословицы и поговорки со словом “лошадь” не обязательно включают арабизм. Ср.:

таб. *Жарарин* ***гьяйвниин*** *элеур, батIрин кьялаъ элдеур.* На чужую лошадь залезешь, в грязи слезешь ~ лезг. *Чарадан* ***балкIандал*** *алайди кьарада жеда.* Кто сидит на чужой лошади, тот может оказаться в грязи;

таб. *Жарарин* ***гьяйвантIан,*** *жвуван дажи ужу ву.* Чем чужая лошадь, свой осел лучше ~ лезг. *масадан* ***балкIандилай*** *жуван лам хъсан я* лучше свой осел, чем чужая лошадь;

таб. *Пирпйир иливну кIури, даждикан* ***гьяйван*** *даршул.* Если седло наденут, осел лошадью не станет ~ лезг. *пурар яна лугьуз ламракай* ***шив*** *жеч.* Осел не станет конем, хотя и оседлаешь его.

Таким образом, можно заключить, что паремиологический фонд с использованием лексемы “лошадь” формировался в нахско-дагестанских языках до проникновения в эти языки лексемы *хIайван* и ее фонетических вариантов. Употребление этой лексемы в соответствующих пословицах и поговорках вызвано изменением значения “животное” > “лошадь” в от-

дельных лезгинских языках, что повлекло здесь и вытеснение исконных слов.

В отличие от вышерассмотренных, можно говорить и о тех арабизмах, которые, по нашему мнению, принесли в паремиологический фонд нахско-дагестанских языков новые пословицы и поговорки. Естественно, речь идет здесь прежде всего о тех лексемах, которые связаны с исламом (исключение в этом плане составляют бацбийский и удинский языки, формировавшие религиозную терминологию на иных принципах).

Лексема أَللّه ʔallau ‘бог’ представлена в нахско-дагестанских языках без существенных изменений ни в фонетическом, ни в семантическом плане, ср. авар. *аллагь*, чам. *аллагь*, бежт. *алла́гь*, цез. *аллагь*, лак. *аллагь*, дарг. *аллагь*, лезг. *аллагь*, таб. *аллагь*, рут. *аллагь*, агул. *аллагь*, буд. *аллагь*, чеч. *аллахI* ‘бог’. В этом же значении она выступает в паремиологическом фонде:

лезг. ***Аллагь*** *патал кацu кьифнu кьадач* ‘Для бога кошка мышку не тронет’;

авар. ***Аллагьги*** *рекъараб, дунгоги къечеб къагIида* ‘И волки сыты, и овцы целы’ *(букв.* и Аллах согласен, и я не в проигрыше) и т. д.;

таб. ***Аллагьди*** *тувиган, пайгъамбрихьан гьапIуз шулу?* ‘Когда дает бог, что может сделать пророк?’;

Аллагь *куриз фици лигуруш, кур аллагьдизра гьаци лигуру* ‘Как бог смотрит на слепого, так и слепой смотрит на бога’;

Аллагьдира *ухьуз ихь хилариинди гъапIубтIан тувдар* ‘Бог не даст больше того, чем мы сделаем собственными руками’;

Аллагьди *я алахьдар, я урздар, амма бул бегьер гъадабгъуру* ‘Бог не пашет, не сеет, а большой урожай собирает’ и др.;

рут. *Джибе хьыв йишийне* ***Аллагь*** *гаIше руъудиш* ‘Если хлеб в кармане, Бог голодным не бывает’ и др.

قيامة qijāma[t] ‘конец света; воскресение мертвых, страшный суд’ - авар. *кьиямасеб къо* (уст. *кьиямат*), цез. *кьийамаса гъуди*, лак. *кьиямасса кьини*, лезг. *къиямат*, таб. *гъиямат*, агул. *кьиямат*, рут. *кьиямат,* чеч. *къёмат-де*

(во многих языках только в сочетании “судный день”). В переносном значении - ‘суматоха, переполох’.

آخرة ʔaxira[t] ‘конец; загробный (потусторонний) мир; загробная жизнь’ - авар. *ахират*, чам. *ахират*, бежт. *ахират*, цез. *ахират*, лак. *ахират*, лезг. *эхират*, таб. *аьхират*, рут. *эхирет*, чеч. *эхарт*.

ملك malak - мн. ملائكة malaʔika[t]) ‘ангел’ - авар. *малаик*, год. *малаики*, чам. *малӗк*, бежт. *малаик*, цез. *малаик*, лак. *малаик*, дарг. *малайк*, лезг. *малаик*, рут. *маллаъик*, буд. *малайик*, чеч. *малик*

чам. *малакулмат*, буд. *малкамут* “мифическое существо, которое по верованию будухцев, посещает могилу умершего”.

عزرائيل ʕazrāʔil ‘ангел смерти’ - авар. *гӀизраил* (перен. ‘безжалостный человек’), лезг. *азраил*, таб. *аьзраил*, рут. *гьазриъил*.

Ср.: таб. ***Аьзраил*** *жандин, мирас малин гъайгъушнаъ шулу кӀур* ‘**Азраил** о душе, а родственник о скоте заботится’.

буд. ***Израилджувор*** *къенсадахьа джан, гьич гьанувор къен дахьара* ‘душу, которую не смог взять **Азраил**, никто не сможет взять’.

جنّة ǯanna[t] ‘рай’ - авар. *алжан*, чам. *гӀалджа*[н], бежт. *алжан*, лак. *алжан*, ар. *алжана // гьалжана*, лезг. *женнет*, рут. *дженнет*, буд. *джаьннаьт*. В пословицах и поговорках лексема передает понятие недостижимого (таб.) или же не имеющего недостатков (рут.).

Ср.: авар. *Вокьулевгун цадахъ - нохъодаги алжан* ‘С милым рай и в шалаше (*букв.* в пещере)’;

таб. *Дажди кӀурам йивну, **женнетдиъ** ахъну* ‘Осел лягнул, в рай попал’;

рут. ***Дженнетдид*** *хьум ки иде йиъи* ‘Райский дым тоже сладок’.

جهنّم ǯahannam ‘ад, геенна’ - авар. *жагьандаман* || *алжан*, лак. *жагьаннам*, дарг. *жагьаннаб*, лезг. *жегьеннем*, агул. *джегьенем*, рут. *джегьелем*, буд. *джаьгьаьннаьм*. В пословицах и поговорках лексемы “рай” и “ад”, естественно, образуют антонимическую пару:

буд. *Гьаныз **джаьгьаьннаьм** ытха дад, аныз джаьннаьт герек дад* ‘кто не видел ада, тому и рай не по душе (не нужен)’;

авар. *НилъергобакI - алжан, чияр бакI - жужахI* ‘Своя земля - рай, чужая земля - ад’.

جنّ ǯinn ‘(злой) дух; джинн, бес, демон’ - авар. *жен*, бежт. *жин*, цез. *жинаби* (мн.), лак. *жин*, дарг. *жинд*, лезг. *жин*, рут. *джин*, буд. *джин*, чеч. *жин*

شيطان šajṭān ‘черт, дьявол, сатана, шайтан’ - авар. *шайтIан*, год. *щайтIан*, бежт. *шайтIан*, цез. *шайтIан*, лак. *щяйтIан*, дарг. *шайтIан*, лезг. *шейтIан*, агул. *шейтIан*, рут. *шийтIан*, буд. *шийтIан*, чеч. *шайтIа*.

Ср. буд. *Зо кыда гIуран, **шийтIанджу** кыда хьан* ‘Мое дело вперед, **дьявольское** дело назад’.

إبليس ʔiblisu ‘черт’ - авар. *илбис*, бежт. *илбис*, цез. *иблис*, лак. *илвис*, дарг. *илбис*, лезг. *иблис*, рут. *иблис*, чеч. *йилбаз.*

В настоящее время все три существительных, обозначающих злых духов, выступают практически как синонимы, хотя исконно между ними существовала четкая дифференциация, сохраняющаяся и по сей день в устойчивых словосочетаниях. Например, в аварском: *Женаз восун аяв* ‘Чтоб его черти взяли’ ~ *илбис гьабизе* ‘завидовать кому-л.’ ~ *шайтIабаца кквезе* ‘сильно заболеть’ и т. д.

ملّا mullā ‘мулла’ – таб. *малла,* агул. *малла,* рут. *малла,* чеч. *молла*

таб. *БицIириз гучI, **маллайиз** нач шулдар* ‘У малыша страха, у **муллы** стыда не бывает’;

*Касиб йикIруган, **малла** ктIерццуру* ‘Когда умирает бедняк, **мулла** болеет’;

***Маллайи** гули ипIдар, гъидихъиш галарра гъитдар* ‘**Мулла** чеснок не ест, а найдет - и чеснок не бросит’;

***Маллайи** марцци штланра хах алдабцIуру* ‘**Мулла** и с чистой воды сметану снимает’;

чеч. *Гуттар а ца лаьтта **моллина** мовлад* ‘Не всегда **мулле** праздник’;

*Шина сагIо хьаьдда **молла**, цхьа а доцуш, висна* ‘**Мулла**, погнавшийся за двумя милостынями, остался ни с чем’;

Моллас *шона хІума елча, жен жІаьла а кешнашка долла магиина* '**Мулле** взятку дали, и овчарку на кладбище похоронить разрешил'.

Как видим, в пословицах и поговорках практически всегда реализуется негативная коннотация данного существительного.

ар. مسجد masǯid > лезг. *мискІин*, таб. *мист*, агул. *мазгит*, рут. *мездик* 'мечеть'. Как видно, при едином содержании, звукая форма лексема претерпела в нахско-дагестанских языках значительные изменения.

рут. ***Мездик*** *выъынийды хылабыр куулкьатІи(// куудкьуд и)* 'Кто мечеть построит, тому руки отрубают';

Ва хъаІл выъыхьна ***мездикяа*** *куб гьабтІусдиш* 'Если ты поссоришься, в мечети молится не перестанут';

ЙымаІляа шудаъ китабыр лихьир ***мездике*** *сувгъурдики – ваъад са гьаІр виъи* 'На осла сколько бы книг ни положили, в мечети посадишь – будет только кричать (по-ослиному)'.

Аналогичным образом можно характеризовать значительную часть абстрактной лексики. Ср.:

чеч. ***Хьекъал*** *долучунна дерриг дуьне а шен даймохк санна хета* '**Умному** весь мир—родина';

Дохнаца ***хьекъал*** *эцалур дац* 'Богатством ума не купишь';

Сихалла — сонталла, ***собар*** *— кхетам* 'Несдержанность — глупость, терпение — способность';

Сихалло са даьккхина, ***собаро*** *лам баьккхина* 'Торопливость— душу взяла, **терпение** — гору взяло';

Собар *— толаман меттамотт* '**Терпение** — стан победы';

Хьаша ца вогІучу ***беркат*** *ца догІу* '*(в дом)* куда не приходит гость, туда не приходит и **счастье**';

Сонтачу стеган ***хьекъал*** *вистцахилар ду* '**Ум** глупого человека — молчание';

Зулам *лоьхург вонах ца ваьлла* 'Ищущий **зло** не вышел из беды';

авар. ***Сапаралъ*** *бачинчIого чу лъаларо, къо ккечIого чи лъаларо* ‘Коня узнают в **пути**, человека - в беде’;

ГIазаб *чIамичIого, мурадалде щоларел* ‘Не **помучившись** - не дойдешь до цели’;

ГIакълу *гьаре, боцIи гьаруге* ‘Проси **ум**, а не богатство’;

БахIарчияс ***гIайиб*** *жиндаго чIвала, хIалихьатас* ***гIайиб*** *чияде рехула* ‘Храбрый берет **вину** на себя, трус валит **вину** на другого’;

Халкъалъул *рагIи битIараб* ‘Слово **народа** правдивое’;

буд. ***ЭхIтийат игидджу йарашугъи*** ‘Осторожность украшение храбреца’ и т. д.

К сожалению, не весь паремиологический материал по данной проблеме оказался доступным нам к настоящему времени. Однако уже приведенные данные достаточно убедительно демонстрируют высокую степень освоенности арабских заимствований, несмотря на их очевидную иноязычную природу.

Глава IV. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Соответствия в системе консонантизма

Большинство согласных фонем, фиксирующихся в восточнокавказских арабизмах, соответствуют по акустическим и артикуляционным характеристикам своим арабским аналогам. В результате можно говорить о тождественных корреляциях между арабскими фонемами и их нахско-дагестанскими отражениями, ср.:

Звонкие согласные

араб. b – вост-кавк. *б*:

а) в начальной позиции:

ар. بلاء balā' > авар., чам., цез., бежт., дарг. *балагь*, год. *балагьи*, лак., лезг., таб., чеч. *бала*, буд. *бела* 'беда, бедствие';

ар. بناء binā? > бежт., лезг., рут. *бине*, таб., агул., буд., хин. *бина*, 'основание'; 'дом, стоянка, шатер; место';

б) в интервокальной позиции:

خبر x̱abar > авар., бежт., цез., дарг., лезг., таб., рут., арч., буд., чеч. *хабар*, год. *ххабар*, чам. *x̄абар*, хин. *хабар* / *хаьбаьр* 'весть, известие; новость; сказка'; инг. *хабар* 'разговор'. Лишь лакский язык дает здесь (равно как и в конечной позиции) регулярный переход *б* > *в*: лак. *хавар*.

ар. ثبوت s̱ubūt > лезг., таб., рут., буд. *субут* 'доказательство';

в) в конечной позиции:

كاسب kāsib > лезг. *кесиб*, таб., рут., буд. *касиб* 'бедный, бедняк', но лак. *касив*;

عيب ˤajb > авар., цез. *гIайиб,* чам. *гIāйб,* бежт. *аьйиб,* год. *ъайиб,* лезг. *айиб,* таб. *аьйиб*, рут. *гьIайиб* 'позор, стыд', арч. *гIейб* 'вина', но лак. *аьй* с соответствующим развитием конечного комплекса *-йв.*

Довольно часто, хотя и нерегулярно в конце слова происходит оглушение: лак., арч. *жип* < ар. جيب ǯajb при лезг. *жибин*, таб. *жиб*, агул. *джибин*, рут., буд., уд. *джиб*, хин. *джыбын* 'карман'.

Реже подобное явление наблюдается в середине слова: инг. *сапа*, авар. *сапун,* чам. *сāпи*[н]*,* год. *ссапун,* уд. *сапIун,* дарг., арч. *сапун, супун* 'мыло' < ар. صابون ṣābūn. Ср. также ср. также необусловленное оглушение: شربة šurba[t] > рут. *шурпа* 'суп'; بخيل baxīl > рут. *пехил-ды* 'завистливый'.

Из нерегулярных преобразований отметим *б > м* в табасаранском *лакIам* < ар. لقب laqab при лезг. *лакIаб,* таб., рут., буд. *лакьаб* 'прозвище', а также *б > пI* в лезг., буд. *харапIа* < ар. خراب xarāb - при лак. *харап (хьун)*, арч. *хараб (кес)*, хин. *хараб (кьи)*, таб. *хараба*, авар., агул., рут. *хараб* 'развалины'.

араб. d – вост-кавк. *д*:

а) в начальной позиции:

ар. دين dīn > чеч., бежт., цез., чам., лак., лезг., таб., агул., рут., арч., буд. *дин* 'вера, религия';

ар. دعاء duˤāˀ > лезг., агул. *дуьа*, рут. *дугьа*, буд. *дува*, таб. *дюаь*, арч. *дугIи*, чеч. *доIа* 'молитва';

Следует отметить переход *д > т* в начале слова в лезгинском языке: лезг. *тарс* < ар. درس dars при чеч., авар., бежт., лак., дарг., таб., рут., арч. *дарс*, год. *дарци*, чам. *дарц*, цез. *дарси, дарци*, буд. *дерс*, уд. *даьс*, хин. *дарс / даьрс* 'урок' (о процессе оглушения звонких в лезгинском языке, характерном и для исконного словарного фонда, см. Талибов 1980: 65-66).

б) в интервокальной позиции:

ар. ادبيّات 'adabiyyāt > авар. *адабият*, чам. *адабийат*, лезг., таб. *эдебият*, буд. *эдебийат* 'литература';

ар. سجدة saǯda[t] > авар., лак., дарг., арч. *сужда*, чам. *с̄ужда*, чеч. *сужд*, лезг., таб., буд. *сажда* 'земной поклон во время молитвы'; цез. *сужда (бода)*, бежт. *сужда (бовал)* 'молиться'.

В багвалинском налицо переход д > р, характерный и для исконной лексики, ср. багв. *саракъа* < ар. صدقة ṣadaqa[t] при авар. *садакъа*, дарг., лак., лезг., рут. *садакьа* 'милостыня'.

в) в конечной позиции:

ар. مريد murīd > авар., чам. *мурид*, таб. *мюрюд*, лезг. *муьруьд* 'мюрид, последователь ислама';

ар. مولد mawlid > лезг., рут. *мевлид,* таб. *мевлюд,* арч. *мувлуд,* бежт. *мавлуд,* дарг., чам., агул. *мавлид*, чеч. *мовлад* 'поминание дня рождения пророка'.

К нерегулярным изменениям можно отнести переход д > тI в конце слова в лак., лезг., таб. *жаллатI* (< ар. جلّاد ǯallad).

В соответствии араб. ǯ – вост-кавк. *дж* также сохраняются фонематические характеристики исходной арабской фонемы. В то же время в ряде языков налицо регулярный переход *дж* > *ж*, ср.:

а) в начальной позиции:

ар. جامعة ǯāmiʕa[t] > чам. *джамагIат*, агул. *джамият*, рут. *джамагьIат*, буд. *джамгIат*, уд. *джамагьат*, чеч. *джамIат* 'народ; сельская община', но авар., цез. *жамагIат,* бежт. *жамаъат*, лак. *жямат*, арч. *жамат*, лезг. *жемят,* таб. *жямяаьт*;

ар. جنس ǯins > чам. *джи*ⁿ*с̄,* рут., буд. *джинс* 'род, вид'; но авар., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб. *жинс*;

Нерегулярно отражается исконный ǯ в лексеме جناح ǯunāh - авар., бежт. *мунагь*, чам. *мунегь*, цез. *мунахI*, год. *мунагьи*, лак., дарг. *бунагь*, лезг., рут. *гунагь*, уд. *гуьнах*, таб. *гуннагъ* 'грех, вина'. Если для лексем с начальным г- в качестве непосредственного источника следует при-

нять, видимо, перс. *гонаh*, то появление начального *м-(б-)* эта интерпретация не объясняет.

Нерегулярный переход *ж* > *й* отмечен также в лакском *ясус* при авар., дарг., лезг. *жасус*, буд. *джасус* ‘шпион, лазутчик’ < ар. جاسوس ǯāsûs.

Целый спектр ре

б) в интервокальной позиции:

ар. اجل ’aǯal > агул. *Iаджал*, рут., буд. *эджел*, уд. *аджал*, хин. *хIаьджаьл* ‘смерть’, но инг. *Iоажал,* авар., чам. *гIажал,* дарг., лезг. *ажал*, цез. *гIажал*;

ар. مجال maǯāl > агул., рут. *маджал* ‘досуг, свободное время’, но авар. (диал.), лак., лезг., таб., арч. *мажал*;

в) в конечной позиции:

ар. خرج xarǯ > агул., хин., буд. *хардж* ‘расход’, но авар., чам., бежт., цез., лак., дарг., лезг., рут., чеч., арч. *харж*;

ар. احتياج ’iḥtiyāǯ > буд. *эхIтийадж*, но лезг., таб. *игьтияж* ‘нужда, потребность’.

Как видно из приведенных примеров распределение *дж/ж* не имеет ареального характера.

араб. ğ – вост-кавк. *гъ*:

а) в начальной позиции:

ар. غزوة ğazwa[t] > авар., цез., бежт., чам., лак., дарг., лезг., агул. *гъазават*, чеч. *гIазот* (чеч. *гI* = *гъ*) ‘священная война’;

ар. غارة ğāra[t] > авар., багв., лак., дарг. *гъара* ‘набег, грабеж’.

Нерегулярное развитие имеем в буд. *къазал* ‘газель (*лирическое стихотворение*)’ < ар. غزل ğazal при лезг. *гъезел*. Имеется еще несколько примеров переход*а гъ* > *къ* (рут. *къам* ‘горе, скорбь, печаль’ < ар. غام ğam, рут. *къалат* ‘ошибка’ < ар. غلط ğalaṭ, буд. *къурбат* ‘чужбина’, хин. *къаьраьз(куи)* ‘отомстить’ < ар. غرض ğaraḍ и др.), что позволяет предположить азербайджанское посредство.

б) в интервокальной позиции:

ар. نغمة nağma[t] > лак. *нагъма*, буд. *наьгъме* 'мелодия', 'напев';

ар. مشغول maš ğûl > авар. *машгъул-аб,* цез. *машгъул-ав,* бежт. *маьшгъуьл-аб,* лак., лезг., таб., агул. *машгъул* ‘занятый, увлеченный’;

в) в конечной позиции:

ар. مبلغ mublağ > лезг., таб. *мублагъ* ‘плодородный; благодатный’

ар. بالغ bāliğ > лак. *балугъ-хьусса*, лезг., таб. буд. *балугъ* ‘взрослый’.

Глухие согласные

араб. ˀ – вост-кавк. ъ. Графически ъ ни в одном из рассматриваемых языков в начальной и интервокальной позициях не обознчается. Тем не менее, в фонетических описаниях его наличие в этих позициях регистрируется, что дает основания полагать присутствие его и в заимствованном словарном фонде.

а) в начальной позиции:

ар. إيمان ˀīmān > авар., чам., цез., лак. *иман* 'вера, самообладание', арч. *иман* 'человечность, почтительность', лезг., таб., рут., буд. *иман* ‘вера; преданность вере’;

ар. إسلام ˀislām > авар., чам., цез., бежт., лак., дарг., лезг., таб., рут., буд., чеч. *ислам* ‘ислам, мусульманская вера’;

б) в срединной позиции:

ар. سؤال suˀāl > авар., дарг., лезг., таб., агул., рут., арч., хин. *суал*, буд. *суъал* ‘вопрос’;

ар. دائم dāˀim > авар., лезг., таб. *даим* ‘постоянно, вечно, всегда’.

В соседстве с передними гласными возможно развитие > й:

ар. لائق lāˀiq > лак. *лайкь*, лезг. *лайих*, таб. *лайикь*, буд. *лайикъ-лы* ‘достойный’; авар. *лайикъ-аб* ‘подлый’;

в) в конечной позиции:

ар. خطاء xaṭā? > лак. *хIатIа*, чам., дарг. *хатIа*, лезг. *хата*, таб. *хатIа,* рут. *хатагь* ‘ошибка, промах; 'опрометчивый поступок, несчастный случай’;

ар. حياء hajā? > лак. *хIая*, дарг. *хIяя*, арч. *хIийа*, лезг. *гьая*, таб. *гьяя*, агул. *хIея*, рут. *гьIайа*, буд. *гьайа* ‘стыд, приличие’;

ар. إشتهاء ištihā? > лак. *иштахI*, арч. *ишдагь*, лезг., таб., рут. *иштагь*, уд. *иштIагъ*, буд. *ишта*, агул. *иштияхI* ‘аппетит; желание’;

Как видно, в конечной позиции *ъ* утрачивается в большинстве случаев, хотя имеются и случаи его сохранения в различных вариантах (*гь, хI*).

араб. t – вост-кавк. *т*:

а) в начальной позиции:

ар. تربية tarbiya[t] > авар., лак. *тарбия*, чам., бежт., цез. *тарбийа*, лезг., таб. *тербия,* рут., буд. *тербийе* ‘воспитание’;

ар. تدبير tadbīr > авар., чам., арч., таб. *тадбир,* лезг. *тедбир* ‘мера, мероприятие’; лак. *тадвир* ‘совет, наставление’;

б) в срединной позиции:

ар. يتيم jatīm > лак. *ятин*, авар., дарг. *ятим*, лезг., агул. *етим,* таб. *йитим*, арч. *йатим*, рут., буд., уд. *йетим* ‘сирота’;

ар. إختلاط ixtilāṭ > авар., арч. *ихтилат* ‘веселье’, лак. *ихттилат*, дарг., лезг., таб., рут., буд. *ихтилат*, уд. *ихтIилаьт*, хин. *ыхтылат* ‘разговор, беседа’;

в) в конечной позиции:

ар. تفاوت tafāwut > лезг. *тафават*, таб. *тафавут*, буд. *тофовут*, *тофут*, рут. *тахьуват* ‘различие, разница’;

ар. إثبات isbāt > авар. *усбат*, лак. *исват* (*бан*) 'подтвердить', таб. *успат*, буд. *испат* ‘доказательство, подтверждение, вынужденное признание’ и др.

Нерегулярное отражение конечного t наблюдается в следующем примере:

ар. ذات ẕāt > лезг., буд. *затI*, дарг., хин. *зад* ‘предмет’;

араб. š – вост-кавк. *ш*:

а) в начальной позиции:

ар. شكر šukr > авар. *шукру* , лак. *щукру,* чам. *щукур,* лезг., рут. *шукур*, уд. *шуькуьр*, таб. *шюкюр* ‘благодарение, слава’;

ар. شاهد šāhid > лезг., таб., буд. *шагьид,* агул. *шагIид*, *шигьид*, рут. *шийид* ‘свидетель, очевидец’; дарг. *шагьид* ‘патриот’;

б) в срединной позиции:

ар. عشق ʕišq > авар. *гIишкъу*, лак. *эщкьи*, лезг. *ашкьи,* таб. *аьшкь,* агул. *гIашкь*, арч. *гIишкьу*, рут. *гьIашкь* ‘желание, любовь; вдохновение, влечение’;

ар. إشتهاء ištihāʔ > лак. *иштахI*, арч. *ишдагь*, лезг., таб., рут. *иштагь*, уд. *иштIагъ*, буд. *ишта*, агул. *иштияхI* ‘аппетит; желание’;

в) в конечной позиции:

ар. نقش naqš > авар., цез. *накъиш,* чам. *накъишв,* лак. *накьич,* лезг. *нехиш,* таб. *накьиш*, рут. *накьыш*, арч. *никьIиш* ‘узор’.

Как видно из примеров, в ряде языков (напр., в чамалинском и лакском) происходит необусловленная геминация: *ш* > *щ*. Из нерегулярных преобразований отметим лак. *накьич.*

араб. k – вост-кавк. *к*:

а) в начальной позиции:

ар. كلام kalām > авар., чам., бежт., цез., лак., таб. *калам* ‘речь; слово, разговор’;

ар. كلمة kalima[t] > авар., чам., лак. *калима*, лезг., таб. *келима*, рут. *келимат* ‘слово, фраза’.

В лакском языке наблюдается процесс палатализации *к* > *ч*: лак. *чапур-сса* < ар. كافر kāfir при авар., чам. *капур-аб*, цез., бежт., дарг. *капур*, арч. *каIпуIр*, таб. *кяфир*, лезг., агул., рут. *кафир* ‘иноверец’.

б) в интервокальной позиции:

ар. حركة ḥaraka[t] > авар., чам., цез. *хIаракат*, бежт. *гьаьраькаьт*, дарг. *хIяракат*, лак. *хIарачат* 'старание, усилие', лезг. *гьерекат* ‘движение’, таб. *гьяракат*, агул. *гьеракат,* рут. *гьIаракат* ‘спешка’;

ар. إنكار inkār > авар., бежт., лак., лезг., таб., арч., буд. *инкар*, чам. *и"кар* ‘отрицание, непризнание’.

В консонантных комплексах возможна спорадическая спирантизация, ср.: рут. *мехьтеб* < ар. مكتب maktab при авар., лак., дарг., бежт., цез. *мактаб*, лезг., таб., буд. *мектеб*, хин. *маьктаьб* ‘школа’.

в) в конечной позиции:

ар. دلاّك dallāk > авар. *даллак*, лезг. *деллек,* таб. *деллег,* рут. *деллек* ‘парикмахер’;

ар. شريك šarīk > лезг., таб., буд. *шерик* ‘соучастник, сообщник, пособник; компаньон’.

Как видим в таб. *деллег* имеет место необусловленное озвончение. Аналогичные примеры встречаются и в других языках, ср. рут. *нубараг* < ар. مبارك mubārak ‘поздравление’.

араб. x̱ – вост-кавк. *х*:

а) в начальной позиции:

ар. خزنة x̱azna[t] > лак., арч. *ххазина*, лезг., агул. *хазина*, дарг., таб., рут. *хазна* ‘клад, богатство; казна; драгоценности, сокровище’;

ар. خرج x̱arǯ > авар., чам., бежт., цез., лак., дарг., лезг., рут., чеч. *харж*, агул., хин., буд. *хардж* ‘расход, трата, издержка; подать, дань, налог’; арч. *харж* ‘зарплата’;

б) в интервокальной позиции:

ар. آخر ʔāx̱ir > авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *ахир*, лезг. *эхир,* таб. *аьхир*, буд. *ахыр*, рут. *аIхир// эхир*, хин. *ахры* ‘конец, исход’; агул. *ахир* ‘последний’;

ар. اختيار ʔix̱tiyār > авар., лак., лезг., таб., агул., рут. *ихтияр*, чам., бежт., цез. *ихтийар* ‘право, правомочие, полномочие; разрешение, позволение; распоряжение; воля’;

в) в конечной позиции:

ар. تأريخ tārīx̱ > авар., чам., бежт., цез., лак., лезг., таб., агул., арч. *тарих*, чеч. *терахь* ‘история, дата, цифра’;

ар. شيخ šajx > авар., бежт. *шайх*, лезг., рут., агул., арч. *шейх*, чам. *щēх̄*, таб. *ших* ‘святой’.

Как видим, в некоторых случаях в ряде языков имеет место необусловленная геминация.

араб. h – вост-кавк. *гь*:

а) в начальной позиции:

ар. هيبة hajba[t] > авар. *гьайбат* 'прелестно', лак. *гьайбат* 'внешность', лезг., рут. *гьайбат*, таб. *гьяйбат* ‘величие, красота’;

ар. هوس hawas > лезг., таб. *гьевес*, лак., рут., буд. *гьавас* ‘охота, страсть (к чему-л.), увлечение, задор’;

б) в интервокальной позиции:

ар. ماهر māhir > лак., лезг., буд. *магьир* ‘искусный, опытный’;

ар. جهنّم ǯahannam ‘ад, геенна’ > авар. *жагьандаман*, лак. *жагьаннам*, таб., лезг. *жегьеннем,* агул. *джахIаннам,* рут. *джегьелем,* буд. *джаьгьаьнnаьм,* уд. *джаьгьаьнnаьм.*

Процесс перехода *гь* > *й* в позиции между передними гласными демонстрирует следующий пример: ар. شاهد šāhid > рут. *шийид* ‘свидетель, очевидец’ при лезг., таб., буд. *шагьид,* агул. *шагIид*, *шигьид*,; дарг. *шагьид* ‘патриот’.

в) в конечной позиции:

ар. سفيه safīh > лезг. *сефигь*, таб. *сефи* ‘глупый, бестолковый; глупец, бестолочь’;

ар. والله wallāh > цез. *валлагь*, чам. *валла̄*, бежт. *валлагь*, лезг., таб., арч. *валлагь*, хин. *валла* ‘ей-богу; клянусь Аллахом’; ‘конечно; еще как; да, разумеется’; ср. также цез., чам., бежт. *вабиллагь*; *валлагь-биллагь.*

В конечной позиции, как видим, h может утрачиваться.

Сонорные согласные

Соответствие араб. r – вост-кавк. *р* сохраняется во всех языках:

а) в начальной позиции:

ар. روح rūḥ > авар., чам., цез., лак., дарг., арч. *рухI*, бежт. *ругь*, лезг. *руьгь*, таб. *рюгь*, агул. *руьхI*, рут. *ругьI* ‘дух, душа’;

ар. راحة rāḥa[t] > авар., чам. *рахIат-аб,* бежт. *раьгьаьт-аьб,* лак. *рахIат-сса* 'спокойный'; арч., буд. *рахIат*, лезг. *регьят*, таб., рут. *ра-гьIет-ды* ‘легкий’; бежт. *раьгьаьт* 'покой, отдых';

б) в середине слова:

ар. ترجمة tarǯama[t] > лак., лезг., таб. *таржума*, буд. *терджуьме* ‘перевод’;

ар. مراد murād > авар., чам., бежт., цез., лак., лезг., арч. *мурад,* рут. *мырад* ‘надежда, цель; желание’;

в) в конечной позиции:

ар. شكر šukr > авар. *шукру* , лак. *щукру,* чам. *щукур,* лезг., рут. *шукур*, уд. *шуькуьр*, таб. *шюкюр* ‘благодарение, слава’;

ар. إنكار inkār > авар., бежт., лак., лезг., таб., арч., буд. *инкар*, чам. *и*ⁿ*кар* ‘отрицание, непризнание’.

Как правило, *р* в заимствованиях сохраняется и в тех языках, где имели место трансформации исконного р, например, в бежтинском (*р* > *й*) и арчинском (*р-* > *д-*). Единственным исключением, имеющимся в нашем распоряжении, является арч. *датIәла* ‘мера’ < ар. رطل raṭl, что свидетельствует о более древнем характере данного заимствованного слова.

араб. l – вост-кавк. *л*:

а) в начальной позиции:

ар. لقب laqab > лезг. *лакIаб,* таб. *лакIам*, рут., буд. *лакьаб* ‘прозвище’;

ар. لازم lāzim > лезг., таб. *лазим*, буд., хин. *лазым* ‘нужный, необ-ходимый’;

б) в срединной позиции:

ар. سلام salām > авар., чеч., чам., цез., бежт., дарг., лезг., таб., агул., рут., буд. *салам*, лак. *ссалам* 'приветствие';

ар. ملّة milla[t] > авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *миллат,* лезг., таб., агул., рут., буд. *миллет* 'нация, народ, народность, национальность';

в) в конечной позиции:

ар. جاهل ǯāhil > лак. *жагьил-аб (*'невежественный'*)*, лак., дарг. *жагьил,* лезг. *жегьил,* таб., арч. *жигьил*, рут. *джигьил,* буд. *джагьыл,* уд. *джаьйил,* хин. *джаьгьил* 'молодой, юноша';

ар. عبد الله 'abdallāh > лак., агул. *авдал*, год. *ъабдал*, дарг., лезг., таб. *абдал* 'юродивый, глупый; дурак, олух';

араб. m – вост-кавк. *м*:

а) в начальной позиции:

ар. معنى ma'na > чеч. *маIна*, инг. *маIан*, авар., ботл., чам., цез. *магIна*, лак. *мяъна*, дарг. *мягIна*, лезг. *мана*, таб. *мяъна*, буд. *маьгIна* 'значение, содержание; смысл';

ар. مراد murād > авар., чам., бежт., цез., лак., лезг., арч. *мурад,* рут. *мырад* 'надежда, цель; желание'.

Диссимилятивный переход м > н имеем в рут. *нубараг,* буд. *нубарек*, хин. *нубараьк* < ар. مبارك mubārak при дарг., лезг. *мубарак*, таб. *мубарак*. Диссимялитивными причинами вызван, по-видимому, и процесс м > б в чеч. *бусалба*, авар., цез., дарг. *бусурман*, бежт. *бусурбан*, чам. *бӯсурман-али*, арч. *пуссурман* 'мусульманин' при лезг., таб., агул., рут. *мусурман*, буд. *мысырман* < ар. مسلم muslim.

б) в интервокальной позиции:

ар. طمع ṭamaʕ > лак. *тамахI* 'аппетит', лезг. *темягь,* таб. *тямягь*, буд. *тIамагь*, *тIамагI*, рут. *тамагьI* 'соблазн; корысть';

ар. حكومة ḥukūma[t] > чеч. *хьукумат*, лак., дарг. *хIукумат*, лезг. *гьукумат*, таб. *гьюкумат*, авар., агул., арч. *хIукумат*, рут. *гьIукуь-*

мет, уд. *гьoькуьмаьт,* хин. *хIуькуьмаьт* ‘государство; правительство, власть’;

в) в конечной позиции:

ар. آدم ʔādam > авар. *гIадан*, цез. асах. *гIадам*, бежт. *аьдаьм*, чам. *гьадам*, год. *ъадами//адами*, лак. *адимана*, лезг. *итим*, таб. *адми*, чеч., инг., ботл., дарг., арч. *адам*, уд. *адамар*, рут. *эдеми*, буд. *идми*, хин. *хIаьдми* ‘человек, мужчина’;

ар. طعم ṭaˁm > авар., чам. *тIагIам*, лак. *тIааьн*, таб. *тIяаьм*, агул. *тIагIам*, буд. *тагIам*, рут. *тIегьем*, лезг. *тIям,* дарг. *тIягIям // тIем* ‘вкус’.

Регулярно переходит *м* > *н* в конце слова, как видно из примеров, в лакском языке (ср. также лак. *ятин* < ар. يتيم jatīm,). Спорадически это имеет место и в других языках (ср. авар. *гIадан*). Из других примеров ср. авар. *таман-аб*, чам. *тамал-аб* ‘длительный, изрядный; большой’ < ар. تمام tamām.

араб. n – вост-кавк. *н*:

а) в начальной позиции:

ар. نائب nā’ib > авар., чам., бежт., цез., лезг., таб., агул. *наиб* ‘наиб, наместник’;

ар. نفس nafas > лезг., таб. *нефес,* рут. *нахьвас*, уд. *наьфаьс* ‘дыхание’;

б) в интервокальной позиции:

ар. إنكار inkār > авар., бежт., лак., лезг., таб., арч., буд. *инкар*, чам. *и*ⁿ*кар* ‘отрицание, непризнание’;

ар. جنس ǯins > авар., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб. *жинс,* чам. *джи*ⁿ*с̄,* рут. *джинс* ‘разновидность, род’.

Как видно из примеров, в позиции конца слога в чамалинском происходит утрата н с развитием назализации предшествующего гласного.

в) в конечной позиции:

ар. ملعون malʕûn > авар., бежт., цез. *малгIун*, чам. *малгIу*^{н}, дарг. *малгIун*, буд. *мелгIун*, лезг. *мелъуьн*, таб. *мял'ум* (ассимилятивный переход *н* > *м*) 'проклятый';

ар. ضامن ḍāmin > лак., лезг., таб., рут., буд. *замин* 'поручитель; ручательство, порука, залог'.

В некоторых лексемах регистрируются диссимилятивные процессы: цез., лак. *изму* < ар. إذن ʔiẕn при авар., чам., арч. *изну*, лезг. *изин* 'позволение'.

В ряде языков происходит (по-видимому, диссимилятивный) переход *н* > *л*, ср.:

рут. *илсан* 'человек' при авар., чам., бежт., цез., дарг., лак., лезг., таб., арч., буд., уд. *инсан* < ар. إنسان ʔinsān,

лак., дарг. *ламус,* рут. *ламыс* 'честь, совесть, достоинство' при авар., лезг., таб., агул., буд. *намус* < ар. ناموس nāmûs;

арч. *лагIмат* 'благоденствие, дар жизни' при чеч. *ниIмат*, авар. *нигIмат*, лак., таб. *ниъмат*; буд. *нагIмат* 'дар; милость'< ар. نعمة niʕma[t];

араб. w – вост-кавк. *в*[17]:

а) в начальной позиции:

ар. وكيل wakīl > лезг., агул., рут., буд. *векил*, арч. *викил*, авар., цез., бежт., чам., дарг., лак., таб. *вакил*, чеч. *векал* 'посол; представитель, доверенное лицо; делегат', 'защитник, адвокат';

---

[17] Для некоторых языков в данном случае можно говорить лишь о системном тождестве, поскольку, в отличие от арабского губно-губного сонанта w, например, "согласный *в* в рутульском губно-зубной, так что самостоятельного губно-губного, имеющего фонологическое значение, здесь нет. Позиционно после гласных нижнего подъема в открытом слоге он может производить впечатление двугубного (билабиального) *в*" [Талибов 1980: 133].

ар. وعظ waʕẓ > лезг., таб. *вяз*, дарг. *вягIза*, авар., чам., цез. *вагIза*, бежт. *ваъза*, лак. *вяъза* ‘проповедь’;

б) в середине слова:

ар. دولة dawla[t] > авар., лак., агул. *давлат*, дарг. *давла*, лезг., таб., рут. *девлет*, буд. *довлат*, хин. *доьвлаьт* ‘богатство, состояние’; бежт., цез., чам. *давла* ‘добыча, богатство’;

в) в конечной позиции:

Не обнаружено.

В сочетаниях возможны нерегулярные процессы, ср.: лезг. *хелвет,* авар., таб., буд. *халват* ‘уединение, уединенное место’, но чеч., арч. *халбат* < ар. خلوة x̱alwa[t] (возможно, диссимиляция по признаку сонорности).

араб. j – вост-кавк. *й*:

а) в начальной позиции:

ар. يتيم jatīm > лак. *ятин*, авар., дарг. *ятим*, лезг., агул. *етим,* таб. *йитим*, арч. *йатим*, рут., буд. *йетим* ‘сирота’.

Спорадическое выпадение начального й- имеем в бежт., цез. *асир* < ар. يسير jasīr при инг. *йесар*, авар. *ясир*, лак., дарг. *ясир*, лезг. *есир,* таб. *йисир,* рут., уд. *йесир,* буд. *йасыр* ‘плен, пленник’.

б) в интервокальной позиции:

ар. حرية ḥurrija[t] > авар. *хIурият // хIуригат*, лак. *хIурият*, дарг. *хIуррият*, лезг. *гьуьрият*, таб. *гьюрият*, рут. *гьIурийат*, арч., буд. *хIурийат* ‘свобода’;

ар. حيران ḥayrān > авар. *хIайран*, чам. *хIайран-аб*, бежт. *гьаьйран-аб*, арч. *хIейран*, лезг., буд. *гьейран* ‘изумленный, пораженный, ошеломленный, чарующий, восхитительный’; цез. *хIайран (бода)*, таб. *гьяйран (апIуб)* ‘удивлять’.

Аварская форма *хIуригат* демонстрирует интересное развитие *й* > *г*. Аналогичный процесс имеем в авар., чам. *нигат*, дарг. *нигет* < ар. نية niyya при бежт., цез. *нийат*, арч., лак., лезг., таб. *ният*, уд. *нийаьт*

'намерение, побуждение'. Можно предполагать, что в чамалинский язык слово попало через аварское посредство, в то время как цезские языки показывают иной путь. Аналогичное развитие *-й-* > *-г-* отмечается в ботлихском [Азаев 1975: 21].

в) в конечной позиции й, как правило, утрачивается:

ар. وليّ waliyy > цез. *вали* 'святой'; лезг. *вели* 'покровитель'.

Как видно, обычно сохраняется и тождество вокализма арабских и заимствованных лексем.

Наряду с этим в усвоенной из арабского языка нахско-дагестанской лексике фиксируются и многочисленные несоответствия, вызванные теми или иными фонетическими изменениями. Фонетические изменения, которым подвергаются арабские заимствования на дагестанской почве не раз привлекали к себе внимание исследователей. При этом можно говорить как об общих закономерностях, характерных для всех или для большинства дагестанских языков, так и об индивидуальных, свойственных отдельным языкам. В области фонетики среди процессов, касающихся усвоения арабизмов, следует выделить, во-первых, такие звуковые изменения, которые представляют собой замену арабских звуков, не характерных для нахских и дагестанских языков сходными по звучанию. При этом обычно происходит совпадение ряда исконных фонем:

1. Фонемы, обозначаемые в арабском графемами с̱а, син и с̣ад, равным образом передаются через "с", ср.:

1. s̱ > с:

а) в начальной позиции:

ар. ثبوت s̱ubūt > лезг., таб., рут., буд. *субут* 'доказательство';

ар. ثواب s̱awāb > лезг. *суваб*, рут. *сываб* 'вознаграждение'.

Нерегулярное развитие представлено в лак. *тталат*, арч. *далат*, чам., год., бежт., цез., таб. *талат*, дарг. *талат (бархIи)*, авар. *талат (къо)* 'вторник' < ар. ثلاثاء s̱ulās̱āʔ при лезг., рут. *саласа*.

б) в середине слова:

ар. حادثة ḥādis̱a[t] > лезг. *гьадиса,* таб. *гьядиса,* буд. *гьадисе*, хин. *хIаьдисаь* ‘происшествие, событие; случай; обстоятельство’;

ар. إثبات is̱bāt > авар. *усбат*, лак. *исват* (*бан*) 'подтвердить', таб. *успат*, буд. *испат* ‘доказательство, подтверждение, вынужденное признание’;

в) в конечной позиции

ар. بحث baḥs̱ > лак. *бяс*, лезг., таб. *бягьс,* агул. *бегьс*, рут. *багьIс*, арч. *бас* ‘соперничество, спор’.

2. s > с:

а) в начальной позиции:

ар. سلام salām > авар., чеч., чам., цез., бежт., дарг., лезг., таб., агул., рут., буд. *салам*, лак. *ссалам* ‘приветствие’;

ар. سفرة sufra[t] > лезг., таб., агул,, цах., буд. *суфра,* рут. *сухьра, суфра,* крыз. *суьфраь,* арч. *ссупра,* авар. *сурпа* ‘скатерть’;

ар. سحر sihr > лезг. *суьгьуьр*, рут. *сугьIуIр*, лак. *ссихIир*, авар., дарг. *сихIру* ‘колдовство’;

ар. ساعة sāˁa[t] > авар. *сагIат*, чеч. *сахьт*, дарг. *сягIят*, лак. *ссят*, лезг. *сят*, рут. *сагьIат* ‘час, часы’;

б) в середине слова:

ар. إسلام ˀislām > авар., чам., цез., бежт., лак., дарг., лезг., таб., рут., буд., чеч. *ислам* ‘ислам, мусульманская вера’;

в) в конечной позиции:

ар. إبليس ˀiblisu ‘черт’ > авар., дарг., бежт. *илбис*, цез. *иблис*, лак. *илвис*, лезг., рут. *иблис*, чеч. *йилбаз* (с нерегулярным озвончением);

ар. جنس ǯins > авар., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб. *жинс,* чам. *джи*^{н}*с̄,* рут. *джинс* ‘разновидность, род’;

ар. درس dars > цез. (и *дарси, дарци*), лезг. *тарс*, чеч., лак., дарг., таб., рут. *дарс* ‘урок’.

3. ṣ > с:

а) в начальной позиции:

ар. صدقة ṣadaqa[t] > авар. *садакъа*, багв. *саракъа*, дарг., лак., лезг., рут. *садакьа* 'милостыня';

ар. صابون ṣābūn > лезг. *запун,* таб. *саьбун,* агул. *саӀбун, сегӀбун,* рут. *сабын,* цах. *сапӀын,* крыз. *сагӀбун,* буд. *сабун,* удин. *сапӀун,* дарг., арч. *сапун, супун*, чеч. *саба*, лак. *ссахӀван*

ар. صبر ṣabr > чам. *c̄абур*, дарг. *сабур*, лак. *ссавур*, таб. *сабур*, рут. *сабыр*, чеч. *собар*, инг. *сабар* 'терпение';

б) в середине слова:

ар. تصديق taṣdīq > авар. *тасдикъ*, лак. *тасттикъ бан*, арч. *тасдикь (ас)*, таб. *тасдикь (апӀуб)* 'подтвердить', лезг. *тестикь (авун)*, буд. *тестикъ (йихьар/сиъи)*, рут. *тестикь* 'подтверждение';

ар. أصل ˀaṣl > лак. *аслу,* лезг. *эсил,* таб. *асул*, рут. *асыл* 'происхождение'; агул. *асул* 'коренной';

ар. قصد qaṣd > таб., рут. *къаст*, дарг., лак. *кьас* 'намерение'.

Как видно, в ряде языков (чам., лак., арч.) наблюдается спорадическая геминация, не имеющая системного характера.

Через "з" передаются з̱аль, зейн, д̣ад и з̣а.

1. ẓ > *з*

а) в начальной позиции:

ар.ظالم ẓālim > авар. *залим-аб* 'жестокий'; рут. *залым* 'тиран, мучитель';

ар. ظرافة ẓarāfa[t] > лезг., таб., буд. *зарафат,* рут. *зарахьват* 'шутка';

ар. ظلم ẓulm > лезг., таб., рут. *зулум*, чеч. *зулам,* авар. *зулмо*, чам., бежт., цез. *зулму,* лак., дарг. *зулму* 'насилие, гнет';

б) в середине слова:

ар. نظر naẓar > авар., лезг., рут., буд. *назар* 'сглаз, дурной глаз'; хин. *наьзаьр* 'взгляд';

ар. وظفة waẓifa[t] > лезг. *везифа*, таб. *вазифа*, буд. *везифе* ‘долг, обязанность’, рут. *везифе* ‘должность’;

в) в конечной позиции:

ар. وعظ waʕẓ > лезг., таб. *вяз*, дарг. *вягІза*, авар., чам., цез. *вагІза*, бежт. *ваъза*, лак. *вяъза* ‘проповедь’;

2. z̲ > з:

а) в начальной позиции:

ар. ذكر z̲ikr > лезг., таб., буд. *зикир*, рут. *зыкыр,* авар., дарг., чам., арч. *зикру*, бежт. *зикро*, цез., дарг. *зикру,* лак., агул. *зикри*, чеч. *зуькар* ‘религиозная песня; продолжительное чтение молитв богу’;

ар. ذهن z̲ihn > лезг. *зигьин*, таб., агул. *зигьим* ‘понятливость’

б) в середине слова:

ар. نذر naz̲r > лезг. *незуьр*, авар. *назру*, чам. *назур* ‘торжественное обещание; обет’;

ар. إذن ʔiz̲n > авар., чам., арч. *изну*, цез., лак. *изму*, лезг. *изин* ‘позволение’;

ар. جذب ǯaz̲b > авар. *жазму*, чам. *джазма,* лезг. *жезб* ‘экстаз’.

3. z > з:

а) в начальной позиции:

ар. زان zaka[t] > лезг., таб., буд., агул., чеч. *закат*, инг. *загат*, бежт. *закаъат*, арч. *ссакат* (с нерегулярной заменой) ‘доля урожая, выделяемая мулле’;

ар. زيارة ziyāra > авар., лак., дарг. *зиярат*, чеч. *зиярт,* лезг., таб., агул. *зиярат,* бежт., цез., чам., рут., буд. *зийарат* ‘священное место паломничества; паломничество’; хин. *зийарт* ‘могила’;

б) в середине слова:

ар. عزرائيل ʕazrāʔil > авар. *гІизраил,* лезг. *азраил,* таб. *аьзраил*, рут. *гьазриъил* ‘ангел смерти’;

ар. منزل manzil > лезг., буд. *мензил,* авар., дарг., лак., таб. *манзил* рут. *мамзил,* арч. *минзир* ‘расстояние, промежуток, перегон’;

в) в конечной позиции:

ар. عزيز ˁazīz > авар. *гIазиз-аб*, дарг. *гIязиз*, лезг., рут. *азиз*, буд. *азыз*, лак., таб. *аьзиз* ‘дорогой, милый; чтимый’;

ар. عاجيز ˁāǯīz > авар. *гIажиз*, буд. *гIаджыз*, лезг. *ажуз*, таб. *аьжуз,* рут. *аджиз-ды* ‘худой; слабый; беспомощный’;

ар. جاهز ǯāhiz > лезг., таб. *жигьиз,* рут. *джийиз*, уд. *джеиз (варт.)* ‘приданое’;

в) ḍ > з:

а) в начальной позиции:

ар. ضعيف ḍaˁīf > авар. *загIип-аб,* бежт. *заип-аб,* арч. *загIип,* дарг. *зягIипси*, лезг., буд. *зайиф*, таб. *зяиф*, рут. *загьIиф* ‘бессильный, хилый’;

ар. ضرر ḍarar > авар., лезг., рут. *зарар*, дарг., лак. *зарал* ‘вред; убыток’;

б) в середине слова:

ар. قاض qāḍi > чеч. *къеда*, авар., чам., бежт., цез. *къади*, лак. *кьадий*, дарг. *кьади*, лезг., таб., агул., рут., буд. *къази* ‘кадий (*шариатский судья*)’;

ар. عريضة ˁarīḍa[t] > авар. *гIарза,* дарг. *гIярза,* лак., таб. *аьрза*, лезг. *арза*, рут. *гьIарзе*, арч., чам. *гIарз, гIарза* ‘жалоба, заявление’;

в) в конечной позиции:

ар. قبض qabḍ > буд. *къабз*, уд. *къаьбиз* ‘квитанция, расписка’.

Как видим, в языках северного ареала возможно отражение ḍ через *д*. Нерегулярное развитие имеем в лезг. *мукIратI*, крыз., буд. *мыкIратI* и хин. *мукIрад* ‘ножницы’(< ар. miqrāḍ).

Арабская фонема *ф* в южном ареале распространения восточнокавказских языков сохраняется, а в северном закономерно переходит в *п*. Ср.:

а) в начальной позиции:

ар. فأل fa‘l > авар., чам., цез. *пал*, лезг., буд., уд. *фал* ‘гадание; предсказание, прорицание; жребий’;

ар. فائدة fā’ida[t] > авар., год., багв., чам., цез., бежт., лак., чеч., дарг. *пайда*, лезг., таб., буд. *файда* ‘польза, выгода’;

б) в середине слова:

ар. طائفة ṭā’ifa[t] > чеч., бежт., цез., лак., дарг. *тайпа*, чам. *тāйпа* 'вид', 'тип'; чам. *тагьпа*, лезг. *тайифа*, таб. *тайфа* ‘род, племя’;

ар. صفة ṣifa[t] > авар., дарг. *сипат*, но лезг. *сифет*, буд. *сфет*, таб. *суфат*, нерегулярное развитие в чеч. *сибат,* лак. *сиппат*.

в) в конечной позиции:

ар. حرف ḥarf > авар., чам., год., цез., лак., арч. *хIарп*, дарг. *хIярп*, бежт. *гьаьрп*, лезг. *гьарф*, таб. *гьярф*, рут. *гьIарф*, буд. *гьарыф*, хин. *гьаьрф* ‘буква; цифра’;

ар. إنصاف ’inṣaf > авар., чам., цез., бежт., лак., дарг. *инсап*, но лезг., таб., агул., буд., уд. *инсаф* ‘справедливость, милосердие’ и т.п.

В рутульском языке этот звук заменяется на лабиализованный заднеязычный спирант *хьв*:

كفن kafan > рут. *кахьван* ‘саван’

نفس nafas > рут. *нахьвас* ‘дыхание’

ظرافة ẓarāfa[t] > рут. *зарахьват* ‘шутка’

إنصاف ’inṣāf > рут. *инсахьв* ‘справедливость, милосердие’

عيف ˁajf > рут. *гьIайухьв* ‘сожаление, жалость’

تكليف taklīf > рут. *теклихьв* ‘предложение’ и т.д.

Араб. *къ* (увулярный глухой смычный) передается обычно через абруптивный (смычногортанный) *кь/къ* (в языках используются различные графемы для обозначения этого звука). При этом в языках южного ареала, включая лакский и даргинский, регистрируются слова, где этому звуку соответствуют *гъ* или *къ* (увулярный глухой смычный), а в аваро-андо-цезских – придыхательный *хъ*. ср.:

Ар. q > ав.-анд. *къ* / ю.-д. *кь*

قوّة quwa[t] > авар., чам., бежт., цез. *къуват*, таб. *кьувват*, лезг., агул., буд. *кьуват,* рут. *кьувет* ‘сила, мощь’;

قيمة qīma[t] > авар., чам., бежт., цез. *къимат,* лак., дарг., агул. *кьимат,* лезг., буд. *кьимет* ‘цена, плата; оценка’;

قبلة qibla > чеч. *къилбē* (*къилба* ‘компас’), авар. (уст.) *кьибла,* цез., бежт. *кьилма,* лезг., буд. *кьибле,* дарг., таб. *кьибла* ‘юг’;

قرآن qurʔān > лак., агул. *къуран,* цез. *къургIан,* дарг. *кьуран,* чеч., авар., бежт. *къуръан,* чам. *къора*[н]*,* таб., буд. *кьуръан,* рут. *кьуран*, *кьуръан* ‘коран’; но лезг. *къуръан* с преруптивом. Нерегулярное изменение в арч. *кIурум.*

ар. قيامة qijāma[t] ‘конец света’ > авар. *къиямасеб къо* (уст. *кьиямат*), цез. *къийамаса гъуди*, лак. *кьиямасса кьини*, агул., рут. *кьиямат*, чеч. *къēмат-де*, но лезг. *къиямат,* хин. *къийамаьт* ‘торжество’;

ар. قدر qadr > авар., цез., бежт. *къадру*, лак. *кьадру*, чам. *къадур*, таб. *кьадри* 'оценка, уважение; приличие, пристойность'; дарг. *кьадр* 'значение', но уд. *къаьдир* 'цена, достоинство';

ар. قدرة qudra[t] > авар., чам., бежт., цез. *къудрат*, лезг., рут. *кьудрат*, но таб., агул., буд. *къудрат* ‘сила, мощь; божественная сила’.

Как видим, даже при наличии в языках Южного Дагестана рефлекса *кь* в некоторых из них обнаруживается *къ*.

Ар. q > ав.-анд. *къ* / ю.-д. *къ*

ар. قانون qānûn > цез. *къанун*, лак. *кьанун*, лезг., таб., буд. *къанун* ‘канон, правило, закон’;

ар. قاعدة qāʕida[t] > авар. *къагIида*, чам. *къāйда* ‘манера, подход, способ, метод, прием; возможность, благоприятность’; арч. *къагIида* ‘спесивое поведение’, лак. *кьяида*, но лезг., таб., буд. *къайда,* рут. *къайде* ‘правило’; дарг. *къяйда* ‘способ’;

ар. قالمقال qālmaqāl > лезг. *къалмакъал*, таб. *гъалмагъал*, буд. *къалмагъал* ‘ссора; перепалка’;

ар. قصد qaṣd > чам. *къас̄* ‘аппетит’, дарг., лак. *кьас*, лезг., таб рут., буд. *къаст* ‘намерение’;

Аналогичные соотношения наблюдаются в других позициях сло ва:

ар. نقش naqš > авар., цез. *накъиш,* чам. *накъишв,* лак. *накьич,* , таб *накьиш*, рут. *накьыш*, арч. *никьIиш* ‘узор’. В лезг. *нехиш* налицо пер вичное развитие комплекса qš > *хш*, за которым уже последовал вставка гласного.

ар. مثقال mis̱qāl > чеч., авар., бежт. *мискъал*, багв. *мискал*, лак лезг., таб., рут. *мискьал* ‘золотник’;

- в конце слова:

ар. خلق xalq > авар., чам., бежт. *халкъ,* лезг., агул., рут., лак дарг., арч. *халкь*, чеч. *халкх*, инг. *халкъ* ‘народ’, цез. *халкъи* ‘народ’;

ар. عاشق ʕāšiq > авар. *гIашикъ,* лезг., таб. *ашукь,* рут. *гьIашик* буд. *гIашукь* ‘певец, ашуг’;

ар. لائق lā’iq > лак. *лайкь*, таб. *лайикь*, буд. *лайикъ-лы* ‘достойный авар. *лайикъ-аб* ‘подлый’при нерегулярном развитии в лезг. *лайих.*

Ар. q > *хъ/къ*

ар. قلعة qal‘a > авар., год., чам., бежт., цез. *хъала*, дарг., буд., у *къала*, лак. *къяла*, лезг. *къеле* ‘крепость; замок’ (нерегулярный перехо имеем в авар. *кIалгIа,* дарг. *кIялгIя* ‘дворец; храм’).

В последнем случае, по-видимому, следует предполагать тюркскс посредство. Нерегулярное развитие *къ* > *гъ* отмечает А.Н.Халуно [1998: 16] в авар. *гъавгъа* ‘шум; суматоха; переполох’ (< ар. *къавгъа*?).

При передаче ряда арабских фонем в языках-рецепторах наблк даются фонетические колебания. К такого рода процессам можно о нести передачу ар. ط "ṭa"

а) в начальной позиции:

ар. طعم ṭaˁm > авар., чам. *тIагIам*, лак. *тIаaьн*, таб. *тIяaьм*, агул *тIагIам*, буд. *тагIам*, рут. *тIегьем*, лезг. *тIям,* дарг. *тIягIям // тIел* ‘вкус’;

ар. طمع ṭamaˁ > лак. *тамахI* 'аппетит', лезг. *темягь,* таб. *тямягь* буд. *тIамагь*, *тIамагI*, рут. *тамагьI* ‘соблазн; корысть’;

б) в середине слова:

ар. شيطان šajṭān ‘черт, дьявол, сатана, шайтан’ > авар. *шайтIан* год. *щайтIан*, чам. *щайтIа*ⁿ, бежт. *шайтIан*, цез. *шайтIан*, дарг. *шай тIан*, лак. *щяйтIан*, таб., лезг., арч. *шейтIан*, рут. *шийтIан*, буд. *ший тIан*, чеч. *шайтIа,* но агул., уд. *шейтан*;

ар. خطاء xaṭāʔ > лак. *хIатIа*, чам., дарг. *хатIа*, таб. *хатIа,* но лезг *хата*, рут. *хатагь* ‘ошибка, промах; 'опрометчивый поступок, не счастный случай’;

ар. مطلب meṭleb > лак. *матIлаб* 'требование', но лезг., таб., рут *метлеб* ‘желание, цель’;

в) в конечной позиции:

ар. غلط ğalaṭ > лак., лезг., таб. *гъалатI,* но чеч. *гIалат*, рут., буд *къалат* ‘ошибка’;

ар. شرط šarṭ > авар., чам., лак., дарг., лезг., таб. *шартI*, но буд *шерт* ‘условие’.

Как видно из примеров, рассматриваемый арабский звук отра жается в нахско-дагестанских языках то через *тI*, то через *т*. Послед ний вариант более распространен в южном ареале, что предполагает подозревать азербайджанское посредство.

Замена арабских звуков, не характерных для нахско-дагестанских языков, сходными по звучанию, имеет место и в случае араб. *ḥ*, кото рый отражается в ряде языков как фарингальный спирант *хI* (в этом

случае можно говорить об определенной тождественности)[18], в других же языках как ларингальный *гь*:

а) в начальной позиции:

ар. حلال ḥalāl > лак. *хІалал(сса)*, авар., арч. *хІалал*, лезг., уд. *гьалал,* таб. *гьялал,* рут. *гьІалал-ды* ‘дозволенное’;

ар. حرام ḥarām > чеч. *хьарам*, лак. *хІаран(сса)*, авар., арч. *хІарам*, лезг., уд. *гьарам,* таб. *гьярам,* агул. *гьерам,* рут. *гьІарам-ды* ‘недозволенное’;

б) в середине слова:

ар. رحمة raḥma[t] > авар., чам., цез., дарг. *рахІмат,* лезг. *регьмет*, бежт. *раьгьмаьт,* рут. *рагьІмет* ‘уважение, благословение, прощение, помилование; милость, милосердие’; лак. *рахІмат* ‘атмосферные осадки’;

ар. نصيحة naṣīḥa[t] > авар., цез., лак., арч. *насихІат*, чам. *насихІат*, бежт. *насигьат*, дарг. *насихІят*, лезг. *несигьат*, таб. *насигьят,* буд. *насыхІат* ‘наставление, назидание’;

ар. سحر siḥr > авар., дарг. *сихІру,* таб. *сюгьюр*, лезг. *суьгьуьр*, рут. *сугьІуІр*, лак. *ссихІир*, авар., дарг. *сихІру* ‘магия; колдовство, волшебство’; арч. *ссихІир(кул)* ‘хитрость’;

в) в конечной позиции:

نكاح nikaḥ > лезг. *некягь*, рут. *некагь*, буд. *никаьхІ* ‘религиозное обручение, бракосочетание по шариату’;

ар. شرط šarṭ > авар., чам., лак., дарг., лезг., таб. *шартІ*, но буд. *шерт* ‘условие’.

В рутульском языке, как видно из примеров, соответствующий арабский звук отражается иногда в виде фарингализованного, иногда

---

[18] В плане усвоения этого звука нахско-дагестанскими языками интерес вызывает следующее замечание А.Дирра: “ħ произносилось моим помощником. как араб. ح в словах арабского происхождения, но вряд ли это общее явление” [Дирр 1913: 1].

– в виде нефарингализованного ларингального спиранта, совпадающего с отражением арабского ларингала (ср. حقّ ḥaqq > рут. *гьакь* ‘правда, истина’, نكاح nikaḥ > рут. *некагь* ‘религиозное обручение’ и т.п.).

Для языков, отражающих ар. ḥ через xI характерно соответствие ар. ʕ - вост.-кавк. *гI*. Остальные языки передают оба арабских звука одинаково, ср.:

а) в начальной позиции:

عقل ʕaql > авар., цез. *гIакълу*, чам. *акъул,* дарг. *гIякълу*, агул. *гIакьул*, буд. *гIакьал* при чеч. *хьекъал,* инг. *хьаькъал,* бежт. *акъло*, год. *ъакъулу,* лак. *аькьлу,* рут. *гьакьал,* лезг. *акьул,* уд. *гьакъыл* ‘ум’;

ар. عيف ʕajf > лак. *хIайп,* лезг. *гьайиф,* таб. *гьяйиф,* уд. *гьаьиф,* буд. *гьайеф,* рут. *гьIайухь* ‘сожаление’;

ар. علامة ʕalāma[t] > лезг. *аламат,* лак., таб. *аьламат*, рут. *гьIаламат*, чеч. *Iаламат* ‘чудо’; год. *ъаламат*, дарг. *гIяламат* ‘интерес; знак’;

ар. عزرائيل ʕazrāʔīl > чам. *азрагIил,* лак. *эзриязл*, лезг., агул. *азраил,* таб. *аьзраил,* дарг. *израил,* буд. *изреъил,* рут. *гьазриъил,* уд. *азрейил (нидж.), гьаьзреил (варт.)* ‘ангел смерти’. В данном слове во многих языках имеем неоегулярную утрату начального ʕ-, что, возможно вызвано влиянием других нахско-дагестанских языков.

б) в середине слова:

ар. معني maʕnaj > таб. *мяна*, рут. *магьIна*, буд. *маьгIана* ‘содержание, значение’;

ар. دعاء duʕāʔ > авар., цез. *дугIа*, арч. *дугIи*, чеч. *доIа* при бежт. *доьъаь*, лезг., агул. *дуьа*, рут. *дугьа*, буд. *дува*, таб. *дюаь* ‘молитва’;

В ряде языков возможно развитие ʕ > й, по-видимому, под влиянием соседних передних гласных, ср. قاعدة qāʕida[t] > чам. *къäйда* ‘манера, подход...’; лезг., таб., буд. *къайда,* рут. *къайде* ‘правило’;

дарг. *къяйда* ‘способ’; авар. *къагIида*, арч. *къагIида* ‘спесивое поведение’, лак. *кьяида* (с выпадением).

в) в конечной позиции:

طمع ṭamaʕ - лак. *тамахI* 'аппетит', лезг. *темягь,* таб. *тямягь*, буд. *тIамагь*, *тIамагI*, рут. *тамагьI* ‘соблазн; корысть’;

مطاوع muṭāwiʕ - авар. *мутIигI,* чам. *мутIигI-аб,* лак. *мютIий-,* арч. *мутIуIгь,* лезг. *муьтIуьгъ*, таб. *мютIюгъ* ‘покорный, послушный’; бежт. *мутIиъ (йовал)*, цез. *мутIигI (ода)* ‘уговаривать’.

Как видим, утрата рассматриваемого согласного сопровождается в большинстве языков изменением качества соседнего гласного – фарингализацией (лакский, табасаранский) или умляутизацией (бежтинский, лезгинский).

Соответствия в области вокализма

Арабская система вокализма не отличается особой сложностью: здесь представлена тройка гласных a, i, u, функционирующих и в нахско-дагестанских языках. В силу этого, если не считать комбинаторных изменений, те же гласные имеем и в языках-реципиентах. Ограничимся здесь примерами некоторых одно- и двусложных слов:

1. ар. a - вост.-кавк. *а*:

ар. وقت waqt > лезг. *вахт*, таб., агул., рут., цах., буд., удин., хин. *вахт*, крыз. *ваьхт*, *вахт* ‘время’;

ар. خلق xalq > авар., чам., бежт. *халкъ,* лезг., агул., рут., лак., дарг., арч. *халкь*, чеч. *халкх*, инг. *халкъ* ‘народ’, цез. *халкъи* ‘народ’;

ар. وطن waṭan > авар., лак., лезг., таб., агул., рут. *ватан*, чам. *ватаⁿ*, цез., бежт., дарг. *ватIан* ‘родина, отечество’;

ар. خبر x̱abar > лак. *хавар,* авар., бежт., цез., дарг., лезг., таб., рут., арч., буд., чеч. *хабар*, год. *ххабар*, чам. *х̄абар*, хин. *хабар* / *хаьбаьр* ‘весть, известие; новость; сказка’; инг. *хабар* ‘разговор’ и т.п.

2. ар. u - вост.-кавк. *у*:

ар. هجوم huǯūm > авар., чам., цез., лак., лезг., арч. *гьужум*, бежт. *гьуьжуьм,* таб. *гьюжум*, рут. *гьуджум*, буд. *гьуьджуьм* ‘атака, наступление; нападение’ (в ряде языков имеет место необусловленная умляутизация);

شكر šukr - авар. *шукру* , лак. *щукру,* чам. *щукур,* лезг., рут. *шукур*, уд. *шуькуьр*, таб. *шюкюр* ‘благодарение, слава’;

ар. حرمة ḥurma[t] > чеч. *хьурмат*, авар., чам., цез., лак., дарг. *хIурмат*, бежт. *гьурмат*, уд. *гьоьрмаьт*, лезг. *гьуьрмет*, таб. *гьюрмат*, рут. *гьIурмет*, буд. *хIуьрмет*, хин. *хIуьрмаьт* ‘уважение, авторитет, почет’;

3. ар. i - вост.-кавк. *и*:

ар. إرس ʔirs > авар., лезг., чеч. *ирс*, цез. *ирс* ‘наследство, наследие’; буд. *ирс* ‘род’;

ар. إذن ʔizn > авар., чам., арч. *изну*, цез., лак. *изму*, лезг. *изин* ‘позволение’;

ар. إنصاف ’inṣaf > авар., чам. (уст.), цез., бежт., лак., дарг. *инсап* 'совесть', лезг., таб., агул., буд., уд. *инсаф*, рут. *инсахьв* ‘справедливость, милосердие; правосудие’ и т.п.

Тем не менее, в нахско-дагестанских заимствованиях теряется противопоставление кратких и долгих гласных, характерное для арабского языка. Исходные долгие отражаются как краткие даже в тех языках, где регистрируется противопоставление по долготе краткости. Ср.:

1. ар. ā - вост.-кавк. *а*:

ар. إنسان ʔinsān > авар., чам., бежт., цез., дарг., лак., лезг., таб., арч., буд., уд. *инсан*, рут. *илсан* ‘человек’;

ар. عذاب ‘aẕāb > авар., цез., арч. *гIазаб*, год. *ъазаб*, лак. *аьзав*, дарг. *гIязаб*, бежт., лезг. *азаб,* таб. *аьзаб*, агул. *гIазаб*, чеч., инг. *Iазап* ‘страдание, мучение, мука; трудности’ и т.п.

Имеется несколько предположительных примеров сохранения долгого , но как будто здесь долгота гласного имеет возместительный характер в связи с утратой последующего гласного, ср. قاعدة qāˤida[t] > чам. *къāйда* ‘манера, подход, способ, метод, прием; возможность, благоприятность’.

2. ар. û - вост.-кавк. *у*:

ар. جاسوس ǯāsûs > лак. *ясус*, авар., дарг., лезг. *жасус*, буд. *джасус* ‘шпион, лазутчик’;

ар. ملعون mal‘ûn > авар., бежт., цез. *малгIун*, чам. *малгIу*[н], дарг. *малгIун*, буд. *мелгIун*, лезг. *мелъуьн*, таб. *мял’ум* ‘проклятый’ и т.п.

3. ар. ī - вост.-кавк. *и*:

ар. وحشىّ waḥšī > авар. *вахIши-яб*, багв., чам. *вахIши-йаб*, бежт. *вагьши-йаб*, цез. *вахIши-йав*, лак., арч., буд. *вахIши*, лезг., рут. *вагьши*, агул. *вегьши*, таб. *вягьши* ‘дикарь, дикий’; хин. *ваьхIши* ‘зверь’;

ар. وكيل wakīl > лезг., агул., рут., буд. *векил*, арч. *викил*, авар., цез., бежт., чам., дарг., лак., таб. *вакил*, чеч. *векал* (с метатезой) ‘посол; представитель, доверенное лицо; делегат’, ‘защитник, адвокат’ и т.п.

В связи с рассматриваемым явлением интерес вызывает следующее замечание: “Звуки а, аь в словах арабского происхождения произносятся удлиненно: *аьлим* «ученый»; *аьфа* «помилование»; *залум* «злодей»; *ишара* «знак»; *лазим* «нужный»; *тяриф (таьриф)* «хвала, одобрение» и др.” [Загиров 1981: 48]. Судя по примерам, в данных словах мы имеем либо арабский долгий гласный, либо утраченный “гIайн”. Таким образом, на фонетическом уровне долгота арабских гласных может сохраняться в языках-реципиентах.

В некоторых случаях дифференциация долгих и кратких фонем сохраняется, однако их фонетическое качество изменяется. К явлениям такого типа относится, например, передача в ряде языков краткого арабского гласного *а* через *е*:

ар. مطلب meṭleb > лезг., таб., рут. *метлеб* ‘желание, цель’, но лак. *матIлаб* 'требование';

ар. ولد walad > таб., рут. *велед*, но агул. *валад* ‘дитя’;

ар. بدن badan > лезг., рут. *беден* ‘тело’ и др.

В этом звукопереходе, характерном для лезгинских языков, по-видимому, проявляется азербайджанское посредство, в котором ар. *а* регулярно отражается через гласный переднего ряда *ə* (о чем подробнее см. ниже в специальном разделе).

В литературе иногда регистрируются переходы типа следующего: “в начальном слоге *а* > *у*, ср.: багв. *мунагIат* < араб. منفعة [манфаˁатун] “толк, польза”. Однако эти звукопереходы нерегулярны...” [Халиков 2000: 11]. В подобной характеристике, на наш взгляд, смешиваются два явления: с одной стороны, те звуковые изменения, которые происходят в слове при переходе из языка в язык, и, с другой стороны, последующие комбинаторные изменения звука. Нетрудно заметить, что в приведенном выше примере мы имеем дело именно со вторым случаем: переходом *а* > *у* под влиянием соседних губных согласных.

Комбинаторные изменения согласных

1. Ассимиляция

Данный процесс нередко имеет место в комплексах согласных, однако не имеет регулярного характера. Встречаются практически все виды ассимиляции, ср.:

- оглушение последующего звонкого:

ар. قحبة qaḥba > чеч. *кхахьпа*, агул. *къяхьпа* при лезг. *къагьбе*, таб. *къяхьба* ‘блудница, проститутка’;

ар. تصديق taṣdīq > лак. *тасттикъ бан*, лезг. *тестикь (авун)*, буд. *тестикъ (йихьар/сиъи)*, рут. *тестикь* 'подтверждение' при авар. *тасдикъ*, арч. *тасдикь (ас)*, таб. *тасдикь (апІуб)*;

ар. تشبيه tašbîh > лезг. *тешпигь* 'уподобление; сравнение'

- оглушение предшствующего звонкого:

ар. دكّان dukkān > авар. *тукен*, чам. *тука*ⁿ, лак. *ттучан*, лезг. *туькуен*, таб., арч., хин., буд. *тукан* при агул. *дукан* 'магазин, лавка';

- уподобление последующему дентальному:

ар. إمكان imkān > дарг. *инкан* 'возможность';

- уподобление последующему губному:

ар. زنبيل zanbīl > таб. *зимбил* 'корзина' при лезг., рут. *зинбил*;

ар. أنبار ʔanbār > лезг., рут. *гьамбар* 'большая куча'; авар. *амбар* 'амбар';

- уподобление предшествующему губному:

منزل manzil > рут. *мамзил* при лезг., буд. *мензил*, авар., дарг., лак., таб. *манзил*, арч. *минзир* 'расстояние, промежуток, перегон';

- уподобление последующему носовому:

لعنة laʕna[t] > инг. *нагІалт* (метатеза?), год. *наъана*, лак. *нааьна*, таб. *нянат*, рут. *нагьІнет*, арч. *нагІна* при дарг. *лягІнат*, лезг. *лянет*, буд. *лагІнат* 'проклятие' и т.п.

В области вокализма в языках южного ареала часто встречается уподобление последующего гласного переднего ряда предшествующему, ср.:

буд. *ахыр* < ар. آخر āx̱ir при авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *ахир*;

Последующий краткий гласный заднего ряда в тех же языках уподобляется предшествующему переднему:

лезг. *кьисмет* < ар. قسمة qisma[t] при авар., бежт., цез. *къисмат*, лак., дарг., таб., арч. *кьисмат* 'судьба, доля';

Противоположное направление ассимиляции также широко распространено:

лезг. *эхир* < ар. آخر āxir при авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *ахир*;

منزل manzil > при лезг., буд. *мензил,* арч. *минзир* при рут. *мамзил* авар., дарг., лак., таб. *манзил* ‘расстояние, промежуток, перегон’.

Подобные процессы имеют место, по-видимому, не без тюркского влияния, поскольку именно в тюркских языках действуют законы сингармонизма.

2. Диссимиляция

- по признаку “шумный/сонорный”:

صحبة ṣuḥba[t] > лезг. *суьгьбет*, хин. *соьгьбаьт*, таб. *сюгьбат* ‘разговор, беседа’; дарг. *сяхIбат* ‘свадьба’; лак. *сувхIат* ‘пир, веселье’, но авар. *сухIмат*;

جذب ǯazb > лезг. *жезб* ‘экстаз’, но авар. *жазму*, чам. *джазма*;

كسب kasb > авар. (уст.) *касбу*, лезг. *кеспи* ‘ремесло, профессия; занятие, работа’, но лак. *касму*;

- по признаку “назальный/оральный”:

إنسان ʔinsān > авар., чам., бежт., цез., дарг., лак., лезг., таб., арч., буд., уд. *инсан*, но рут. *илсан* ‘человек’;

نشان nišān > авар., год. *ишан* (с необусловленным выпадением, возможно под влиянием рефлексов ар. اشارة ’iš āra), но лак., дарг., лезг., таб., буд. *лишан*, рут. *лышан* ‘знак, метка; мишень’;

- по признаку “лабиальный/дентальный”:

مبارك mubārak > дарг., лезг. *мубарак*, таб. *мубарак* ‘поздравительный, приветственный’, но рут. *нубараг*, буд. *нубарек* ‘поздравление’; хин. *нубараьк* ‘радость’.

- по признаку “смычный/смычный”:

ар. وقت waqt > лезг. *вахт*, таб., агул., рут., цах., буд., удин., хин. *вахт*, крыз. *ваьхт*, *вахт* ‘время’.

Развитие сочетаний “гласный + согласный”

Нередко комплекс aw дает в заимствованиях *у*:

نوبة nawba[t] > лезг., таб., рут. *нубат*, буд. *нуба*, уд. *нувад* ‘очередь’;

توبة tawba > лезг., рут., буд. *туба* ‘обет, запрет; покаяние’ при авар. *тавбу*, чам., бежт. *тавба*, цез. *тавбу, табу*, лак. *тавва*.

Отсутствие этого процесса имеем в следующих лексемах:

توراة tawrā > лак. *ттаврат*, цез., лезг. *таврат*, чеч. *товрат* ‘библия, тора’;

دولة dawla[t] > авар., лак., агул. *давлат*, дарг. *давла*, лезг., таб., рут. *девлет*, буд. *довлат*, хин. *доьвлаьт* ‘богатство, состояние’; бежт., цез., чам. *давла* ‘добыча, богатство’.

Преобразования структуры слова

Появление вставочных согласных

Перед одиночным согласным в интервокальной позиции нередко развивается сонорный *-р-*. Ср.:

طوفان ṭūfān - лезг. *тІурфан*, рут. *тІурхьван*, но лак. *тІюпан*, буд. *туфан*, хин. *ттуфан* ‘буря; ураган, метель’; авар. *тІупан* ‘потоп’.

Как видим развитие интервокального *-ф-* в интервокальной позиции в консонантный комплекс ничем не обусловлено.

В чам. *джа*^{н}*сус* при лак. *ясус*, авар., дарг., лезг. *жасус*, буд. *джасус* ‘шпион, лазутчик’ < ар. جاسوس ǯāsûs в аналогичной позиции произошло наращение *-н-*, который затем утратился, вызвав назализацию гласного.

Устранение нетипичных для исхода слова звукосочетаний с помощью "вставочных" гласных (эпентеза)

صنف ṣinf > лезг. *синиф* ‘класс’

علم ˤilm > лезг., таб. *илим* ‘наука’

إذن ˀiẕn > лезг. *изин* ‘позволение’

ذهن ẕihn > лезг. *зигьин*, таб. *зигьим* ‘понятливость’

فهم fahm > лезг. *фагьум*, таб. *фагьум(лу)* ‘рассудок, ум’

جبر ǯabr > буд. *джебир* ‘алгебра’

أصل ˀaṣl > лезг. *эсил,* таб. *асул*, рут. *асыл* ‘происхождение’; агул. *асул* ‘коренной’;

خير x̱ajr > лезг. *хийир*, авар., цез., таб. *хайир* ‘выгода, польза’, но чам., *ха̄йр*, лак. *хайр*, дарг. *хайри*;

طعم ṭaˤm > авар., чам. *тIагIам*, лак. *тIаавн*, рут. *тIегьем* ‘вкус’, но лезг. *тям,* дарг. *тIягIям // тIем*

شكر šukr > чам. *щукур,* рут. *шукур* ‘благодарение, слава’

نقش naqš > лак. *накьич,* лезг. *нехиш,* рут. *накь-ы-ш* ‘узор’

نفط nafṭ > рут. *нахь-у-д* ‘керосин’

زبل zibl > лезг., рут. *зиб-и-л* ‘сор’

صبر ṣabr > чам. *с̄абур*, дарг. *сабур*, таб. *сабур*, рут. *саб-ы-р*, чеч. *собар*, инг. *сабар* ‘терпение’

ظلم ẓulm > лезг., таб., рут. *зулум* ‘гнет’

سحر siḥr > лезг. *суьгьуьр*, рут. *сугьI-уI-р* ‘колдовство’

عيف ˤajf > лезг. *гьайиф,* рут. *гьIай-и-хьв* ‘сожаление, огорчение’, но лак. *хIайп*

أمر ˀamr > чам. *амур*, лезг., рут. *эмир* ‘приказ, приказание, повеление’

حكم ḥukm > лезг. *гьуькуьм* ‘приказ’

سجف siǯf > лезг. *сижиф*, рут. *судж-у-хьв* ‘плинтус'

ذكر ẕikr > лезг. *зикир*, рут. *зык-ы-р* ‘молитва’

فكر fikr > чам. *пикур*, лезг., таб., рут. *фикир* ‘дума’

عطر ˤaṭir > лезг. *атир*, рут. *гьIат-и-р* 'духи'

ميل majl > лезг. *майил* 'склонность, призвание...'

عيب ˤajb > авар. *гIайиб,* лезг. *айиб,* таб. *аьйиб*, рут. *гьIайиб* 'позор, стыд'

شعر šiˤr > лезг., таб. *шиир,*рут. *шеир* 'стих, стихотворение'

دور dawr > лезг., таб., рут. *девир* 'эпоха'

عمر ˤumr > лезг. *уьмуьр*, рут. *гьIумир* 'жизнь'

شكل šikl > рут. *шикил* 'фото; лицо'

Как видно, вставка в подобных словах в подавляющем большинстве примеров подчиняется правилам сингармонизма, хотя это происходит не всегда. Ср., например:

مكر makr рут. *макар* 'коварство, плутовство, хитрость'

عقل ˤaql рут. *гьакьал,* чеч. *хьекъал,* инг. *хьаькъал* 'ум', но чам. *акъул*

Как видно, здесь вместо ожидавшегося *-ы-* имеем вставочный *-а-*. Другие исключения частично могут объясняться влиянием соседних согласных (например, лабиализованного *-хьв-* и фарингализацией *-гьI-* в рутульском и т.п.).

Другим способом адаптации конечных комплексов согласных является наращение конечных гласных. Этот способ распространен в языках северного ареала. Ср.:

авар., цез. *гIумру*, чам. *гIурми*, лак. *оьрму* 'жизнь' (с метатезой)

авар. *зулмо*, чам., бежт., цез. *зулму,* лак., дарг. *зулму* 'насилие'

бежт. *зикро*, цез., дарг. *зикру,* лак. *зикри* 'моление'

авар., дарг. *сихIру* 'колдовство'

авар., цез. *шигIру,* лак. *шеъри* 'стихотворение'

авар., лак. *макру* 'коварство, плутовство, хитрость'

авар., чам., цез. *гIелму*, лак. *элму*, дарг. *Iилму*, чеч. *Iилма* 'наука'

авар., цез., лак., дарг. *амру*, чеч. *омра* 'приказ'

авар., чам., лак., дарг. *аслу* 'основа, сущность; происхождение'

авар. *гIакълу*, дарг. *гIякълу*, лак. *аькьлу* ‘ум’

лак. *аьтри* ‘духи’

авар. *шукру* , лак. *щукру* ‘благодарность’

авар. *пикри*, цез. *пикру*, лак., дарг. *пикри* ‘мысль’

авар., чам., цез., лак., дарг. *пагьму* ‘понятливость’

авар., чам. *изну*, цез., лак. *изму* ‘позволение’

авар., цез., лак., дарг. *хIукму* ‘решение’

В отдельных случаях наращение гласных в исходе слово отмечается и в языках южного ареала. Ср.:

عشق ʕišq - лезг. *ашкьи* ‘вдохновение, влечение’.

Возможно, подобное явление не относится к сугубо фонетическим, а вызвано тем, что непосредственным источником заимствования является азербайджанское слово в притяжательной форме с суффиксом *-и*.

В случае двойных согласных, несвойственных восточнокавказским языкам, происходит их упрощение:

حقّ ḥaqq - авар., цез. *хIакъ,* лак. *хIакь,* дарг. *хIекь*, лезг. *гьахъ,* рут. *гьакь* ‘правда, истина; вознаграждение, плата; правый’;

حجّ ḥaǯǯ - авар. *хIеж*, цез. *хIаж*, таб. *гьяж*, рут. *гьIадж* ‘паломничество’;

جنّ ǯinn - бежт., лак., лезг., таб., чеч. *жин,* рут. *джин* ‘дух’;

شكّ šakk - цез., бежт., *шак*, авар., лак. *щак*, рут. *шак*, инг. *шек* ‘подозрение’;

خطّ x̱aṭṭ - авар., лак., дарг., лезг., таб., рут. *хатI* ‘почерк’;

سرّ sirr - лезг. *сир* ‘секрет, тайна’;

Сохранение двойных согласных менее характерно:

حسّ ḥiss - лезг., таб. *гьисс* ‘чувство’.

Адаптация нетипичных консонантных комплексов к фонетическим закономерностям восточнокавказских языков может происходить и путем утраты одного из согласных – компонентов комплекса,

обычно это имеет место, когда одним из согласных является поступулярный:

قطع qaṭ^{ʕ} > рут. *кьатI* ‘отрезок’;

جمع ǯam^{ʕ} > лезг. *жем* ‘сумма’;

شمع šam^{ʕ} > лезг. *шем*, рут. *шам* ‘свеча’ с утратой конечного *-гI*;

وعظ wa^{ʕ}ẓ лезг., таб. *вяз*, с утратой начального *-гI*;

شيء šaj^{ʔ} > лезг., рут. *шей* ‘предмет’ с утратой конечного -ъ, но таб. *шейъ*.

Ср., однако, сохранение сочетаний в следующих арабизмах, в качестве компонента которых обычно выступает сонорный:

حرف ḥarf > авар., цез. *хIарп*, таб. *гьярф*, рут. *гьIарф* ‘буква; цифра’;

خلق xalq > авар. *халкъ,* лезг., рут., лак., дарг. *халкь*, чеч. *халкх*, инг. *халкъ* ‘народ’, но цез. *халкъи*;

فرق farq > лезг., таб. *фаркь* ‘разница, различие’;

شرق šarq > лезг. *шаркь,* рут. *шеркъ* ‘восток’;

درس dars > цез. (и *дарси, дарци*), лезг. *тарс*, таб., рут. *дарс* ‘урок’;

شرط šarṭ > авар., чам., лак., лезг., таб. *шартI* ‘условие’;

إرث ^{ʔ}irs̱ > авар., лезг., чеч. *ирс* ‘наследство, наследие’, но цез. *ирси*;

عرش ^{ʕ}arš > авар. *гIарш,* лезг. *арш,* таб. *аьрш* ‘зенит’;

جلب ǯalb > лезг. *желб* ‘привлечение’;

ملك mulk > авар. *милк//мулк*, дарг., лак., лезг., таб. *мулк* ‘угодье’;

بيت bajt > лезг., таб., буд. *бейт*, чеч. *байт* ‘стихотворение’;

جنس ǯins > авар., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб. *жинс,* чам. *джи^{н}с̄,* рут. *джинс* ‘разновидность, род’.

Реже первым компонентом подобных комплексов выступает спирант:

جذب ǯazb > лезг. *жезб* ‘экстаз’, но авар., *жазму*, чам. *джазма*;

عشق ^{ʕ}išq > таб. *аьшкь,* рут. *гьIашкь* ‘желание, любовь’;

بحث baḥs̱ > лезг. *бягьс,* рут. *багьIс* ‘соперничество, спор’, но лак. *бяс* с утратой ларингала;

نفط nafṭ > авар. *нарт* (с переходом спиранта в сонорный), лезг., таб., агул., рут., буд., цах., крыз. *нафт*, арч. *набт.*

Ср. также спирантизацию первого компонента:

وقت waqt > лезг. *вахт*, таб., агул., рут., цах., буд., удин. *вахт*, крыз. *ваьхт*, *вахт* ‘время’.

В подобных фонетических условиях нередко наблюдается оглушение звонких согласных:

قصد qaṣd > таб., рут. *къаст* ‘намерение’, но дарг. *кьас* с утратой второго компонента;

جلد ǯild > лезг. *джилд,* таб. *жилд-ар* (мн.), но рут. *джилт* ‘переплет’ (оглушение в конце слова).

Развитие комплексов согласных в середине слова

Сочетания с фарингальными и ларингальными смычными в инлауте обычно упрощаются. Как правило, ларингал при этом выпадает. Ср.:

مسألة masˀala[t] > лезг., таб. *месэла* ‘вопрос, проблема’, рут. *месела* ‘пример’;

قرآن qurˀān > лак., агул. *къуран,* дарг. *кьуран,* арч. *кIурум,* но с сохранением -ъ- чеч., авар., бежт., лезг. *къуръан,* чам. *къора*ⁿ*,* таб., буд. *кьуръан,* рут. *кьуран, кьуръан* ‘коран’;

جرأة ǯurˀa[t] > лак., арч. *журат*, лезг. *жуьрэт*, но с сохранением -ъ- таб. *жюр'эт* ‘смелость, храбрость’.

В случае фарингальных возможно выпадение и иного компонента комплекса. Ср.:

تعيين taˁyīn > лезг. *тайин*, таб. *тяйин* (с выпадением *гI*), но буд. *тегIин* (с выпадением *й*) ‘определенный, конкретный’.

Появление вставочных гласных для устранения инлаутных консонантных комплексов встречается реже:

مسلم muslim > чеч. *бусалба*, авар., цез., дарг. *бусурман*, ботл. *пурссуман*, бежт. *бусурбан*, чам. *бӯсурман-али*, лезг., таб., агул., рут. *мусурман*, буд. *мысырман*, арч. *пуссурман* 'мусульманин'. В данном случае, видимо, следует усматривать метатезу, т.е. перестройки слоговой структуры из CVCCVC в CVCVCC-.

Как видно из примера, в подобных случаях может подвергаться перестройке слоговая структура слова в целом.

Нередко упрощаются сочетания идентичных согласных:

جرّاح ǯarraḥ > лезг. *жерягь*, таб. *жярягь*, рут. *джарагьI* 'врач, доктор, костоправ';

كتّان kattān > авар., арч. *катан*, лак. *чатан*, лезг. *кетен* 'полотно, холст; марля'.

В единичных примерах в подобных сочетаниях происходит диссимиляция, ср.

حمّال ḥammal > чам., арч. *хIамбал,* бежт. *гьамбали* (< груз.), лезг., буд. *гьамбал,* рут. *гьIамбал* 'носильщик, слуга', где mm > *мб* при авар. *хIамал.*

Наличие/отсутствие конечного *-т* в отвлеченных существительных женского рода, как правило, не выявляет расхождений между различными нахско-дагестанскими языками:

(а) наличие [t]:

زحمة zaḥma[t] > авар., лак., арч. *захIмат* 'трудность'; лезг., таб., буд. *зегьмет,* рут. *зегьIмет* 'труд';

لعنة laˁna[t]) > инг. *нагIалт*, год. *наъана*, лак. *нааьна*, дарг. *лягIнат*, лезг. *лянет*, таб. *нянат*, рут. *нагьIнет*, буд. *лагIнат*, арч. *нагIна* 'проклятие';

ظرافة ẓarāfa[t] > лезг., таб., буд. *зарафат,* рут. *зарахьват* 'шутка';

جامعة ǯāmiʕa[t] > авар., цез. *жамагIат,* чам. *джамагIат*, бежт. *жамаъат*, лак. *жямат*, арч. *жамат*, лезг. *жемят,* таб. *жямяаьт*, агул. *джамият*, рут. *джамагьIат*, буд. *джамгIат*, уд. *джамагьат*, чеч. *джамIат* ‘народ; сельская община’;

انسانيّة ’insāniyya[t] - авар., дарг., лезг., таб. *инсаният*, цез., бежт., чам. *инсанийат*, буд. *инсанийет* ‘человечество, человеческий род’;

ملّة milla[t] - авар., чам., бежт., цез., лак., дарг. *миллат,* лезг., таб., агул., рут., буд. *миллет* ‘нация, народ, народность, национальность’;

(б) отсутствие [t]:

طائفة ṭā’ifa[t] - чеч., бежт., цез., лак., дарг. *тайпа*, чам. *та̄йпа* 'вид', 'тип'; чам. *тагьпа*, лезг. *тайифа*, таб. *тайфа* ‘род, племя’;

وظيفة waẓifa[t] - лезг. *везифа*, таб. *вазифа*, буд. *везифе* ‘долг, обязанность’, рут. *везифе* ‘должность’;

دعوة daʕwa[t] - авар. *дагIба,* лак. *дъяви*, лезг. *дяве,* таб. *дяви,* рут. *дагьIви,* уд. *дава,* хин. *дагIва,* буд. *давгIа* ‘война; спор, ругань’ и т.п.[19]

[19] Это явление характерно практически для всех нахско-дагестанских языков, причем какие-либо закономерности в наличии или отсутствии исхода на *-т* не наблюдается. Ср., например, в багвалинском: “В большинстве случаев элемент женского рода арабских слов *-т* (та марбута) в багвалинском языке сохраняется, например, ср.: *рахматун – рахIмат* "милость", *лаззатун – лаззат* "довольствие", *табиатун – тIабигIат* "природа", *тарикатун – тIарикъат* "путь", *хукуматун – хIукумат* "правительство", *хадиджатун – Хадижат* (имя собст.), *хабсатун – ХIабсат* (имя собст.), *аишатун – ГIайшат* (имя собст.), *сакинатун – Сакинат* (имя собст.) и т.д. Вместе с тем имеются слова, где *-т* (та марбута) не произносится, например, ср.: *фаидатун – пайда* "польза", *макалатун – макъала* "статья", *киссатун – къиса* "рассказ", *садакатун – саракъа* "милостыня", *масхаратун – масхъара* "шутка", *нафакатун – напакъа* "еда", *шурбатун – чурпа* "суп", *киннисатун – килис* "церковь" и т.д. Из этого следует, что эти слова заимствованы устным путем” [Халиков 1996: 74].

Различное оформление одного и того же слова в разных языках встречается довольно редко. Ср.:

نوبة nawba[t] > лезг., таб., рут. *нубат*, уд. *нувад* (с нерегулярным развитием -*т* > -*д*) ‘очередь’, но буд. *нуба*,;

دولة dawla[t] > авар., лак., агул. *давлат*, лезг., таб., рут. *девлет*, буд. *довлат*, хин. *доьвлаьт* ‘богатство, состояние’, но дарг. *давла*, бежт., цез., чам. *давла* ‘добыча, богатство’;

رخصة ruxṣa > лак. *рухсат* 'разрешение, дозволение', лезг., таб. *рухсат*, буд. *рысхат* ‘отсрочка, отпуск, каникулы; увольнение’. но авар., бежт., арч. *рухса*.

Предполагается, что различие в интерпретации ар. ة вызвано различными путями проникновения соответствующих арабизмов в нахско-дагестанские языки: устным путем (без -*т*) или книжным путем (с сохранением -*т*).

Утрата гласных

Перестройка слоговой структуры заимствований во многом связана с утратой гласных обычно в середине трехсложного слова (в безударной позиции?). Приведем примеры:

بركة baraka[t] > чеч. *беркат*, чам., бежт. *баркат*, дарг. *баракт* при лезг. *берекат*, авар., цез., агул., буд. *баракат*, лак. *барачат*, таб., рут. *берекет* ‘благодать, благополучие, изобилие, достаток; добро, обилие’

زيارة ziyāra > хин. *зийарт* ‘могила’; чеч. *зиярт* при авар., лак., дарг. *зиярат*, лезг., таб., агул. *зиярат,* бежт., цез., чам., рут., буд. *зийарат* ‘священное место паломничества’;

اشارة ’iš āra > чам., арч. *ишар* при авар., ботл., бежт., цез., лак., дарг., лезг., таб., агул., рут. *ишара*, буд. *ишаре* ‘знак; намек, сигнал; указатель’и др.

Отметим, что наиболее последовательно утрачивается вокализм непервых слогов в нахских языках. В них же (в чеченском) отмечается утрата второго гласного в двухсложных словах, чего в дагстанских языках практически не наблюдается. Ср.:

صورة ṣûra[t] > чеч. *сурт* при авар., бежт., цез., дарг., лак., таб., арч. *сурат*, чам. *с̄урат*, лезг. *суьрет* ‘картина; портрет; рисунок’;

ساعة sa̅ʕa[t] - чеч. *сахьт* при инг. *сахьат*, авар., цез. *сагӏат*, год. *саъати*, бежт. *саъат // шаьъаьт*, чам. *с̄агӏат*, дарг. *сягӏят*, лак. *ссят*, лезг. *сят*, агул. *саӏат*, рут. *сагьӏат*, хин., буд. *сагӏат*, уд. *сагьад* ‘час’; ‘часы’;

سنّة sunna[t] > чеч. *сунт* при авар. *суннат,* лак., арч., чам. *ссуннат,* цез. *сунйат,* хин. *суьннаьт*, лезг. *суьннет*, агул. *суьннат*, бежт., рут., таб. *суннат* ‘обрезание’ и т.п.

В этих же языках происходит метатеза дифференциальных признаков гласных в двусложных словах. При арабской последовательности гласных “задний - передний/ широкий - узкий” в нахских имеем последовательность“передний - задний/ узкий - широкий”. Ср.:

ياسين jāsin > чеч. *ёса* при чам. *ясим*, агул. *ясин*, арч. *ясан* ‘(36-я) сура корана, молитва (отходная)’;

اتأريخ tārīx̱ > чеч. *терахь* при авар., чам., бежт., цез., лак., лезг., таб., агул., арч. *тарих* ‘история, дата, цифра’;

عيب ʕadl > чеч. *Iедал*, лак. *аьдлу* 'правосудие; власть, закон', авар., цез., арч. *гӏадлу*, бежт. *адло* 'порядок, дисциплина'; ср. также сложение: бежт. *адло-низам* 'порядок, дисциплина';

صبر ṣabr > чеч. *собар* при чам. *с̄абур*, цез., бежт., дарг. *сабур*, лак. *ссавур*, арч. *ссабур*, лезг., таб. *сабур*, рут., буд. *сабыр*, инг. *сабар* ‘сдержанность, терпение, выдержка’ и т.п.

Для дагестанских языков такое явление нехарактерно, хотя отмечаются отдельные случаи:

ар. تفاوت tafāwut > лезг. *тафават*, таб. *тафавут*, буд. *тофовут*, *тофут*, но рут. *тахьуват* ‘различие, разница’. В данном случае перестройка могла быть вызвана положением второго гласного между губными согласными.

В ряде слов отмечается нерегулярное явление метатезы в комплексах согласных:

حلواء ḥalwāʔ > лак. *хIалва*, дарг. *хIяллива*, лезг., арч. *гьалва,* но чеч., инг. *хьовла,* рут. *гьIавла* ‘халва’;

كرسيّ kursijj - агул., рут., буд., таб. (дюб.) *курси*, цах. *курсу*, хин. *курсы* ‘стул’, но лезг. *куьсри,* таб. *кусри*;

سفرة sufra[t] > бежт., цез. *супра,* лезг., таб., агул., цах., буд. *суфра,* рут. *сухьра, суфра,* крыз., хин. *суьфраь,* арч. *ссупра*, но авар. *сурпа* ‘скатерть’ и др.

Дистантная метатеза также отмечена в исследуемом материале:

نعل naˁl > лезг., таб. *леэн*, агул. рич. *легIан* при агул. бурщ. *нагIур*, буд. *нагIал*, хин. *нагъыл*, крыз., уд. *нал* ‘подкова’.

Полная перестройка структуры слова, как полагаем, призошла в лексеме “осел”, которую вследствие этого мы относим к наиболее древнему слою арабизмов. Ср.:

ар. حمار ḥimār > авар. *хIама*, анд. *гьаморохи*, ахв. *имихи*, чам. *амах*, тинд. *амаха*, хварш. *омокъеI*, рут. *йимәл*, цах. *амаIле*, хин. *гьилам*, уд. *элем*, лезг. *лам*, буд. *лаьм*, крыз. *лем* ‘осел’. Как видим, наиболее значительны изменения в южно-дагестанских языках, причем разные языки отражают их последовательные этапы: в рутульском изменение начального и конечного согласных (в цахурском также утрата начального согласного с наращением конечного гласного); хиналугский добавляет к этому метатезу последних согласных; лезгинский, крызский и будухский языки демонстрируют и утрату начального слога.

Фонетическая адаптация арабизмов затрагивает также процессы, связанные с ударением. Соответствующие вопросы подробно обсуждались на материале рутульского языка З. Г. Курбанова [1999: 16]. По ее наблюдениям, "в соответствии с правилами рутульского ударения двусложные слова имеют ударение на первом или же на втором слоге, трехсложные – на втором".

Роль азербайджанского и иных языков-посредников в фонетическом освоении арабизмов

При изучении закономерностей фонетического освоения арабизмов в нахско-дагестанских языках немаловажное значение имеет выяснение вопроса о непосредственном источнике заимствования восточной лексики арабского и персидского происхождения. В прошлом с арабским языком контактировали не только все нахско-дагестанские языки, но и соседние с ними тюркские - азербайджанский и кумыкский. Эти языки, как известно, в свою очередь, воздействовали на лексику соседних нахско-дагестанских языков, так что в лексический фонд последних из тюркских языков могли проникнуть не только собственно тюркские слова, но и освоенные на тюркской почве арабизмы.

Это легко продемонстрировать, указав, в частности, на значительное количество функционирующих в рассматриваемых языках заимствованных арабских основ с тюркскими по поисхождению аффиксами. Однако, как представляется, тюркское посредство не ограничивалось только аффиксальным материалом.

С другой стороны, важно и не преувеличивать фактор тюркского посредства. Так, в связи с этим Р. И. Гайдаров сделал, на наш взгляд, вполне справедливое замечание: "В некоторых работах наблюдается тенденция все восточное в дагестанских языках рассматривать как появившееся через азербайджанский язык. Игнорировать непосред-

ственное заимствование можно только при отрицании самостоятельных контактов. Тюркские языки безусловно могли способствовать процессу заимствования арабизмов – параллельно как фактор, способствующий и поддерживающий рассматриваемый процесс, но никак не определяющий и первостепенный" [Гайдаров 1977: 126-127].

Таким образом, одной из важнейших задач исследователей заимствованной лексики является отделение заимствований непосредственно из арабского и через тюркское посредство. В числе фонетических критериев, позволяющих провести подобное подразделение, Н. С. Джидалаев предлагает, в частности, следующий: арабизмы, передающие исконный (арабский) анлаутный смычный *къ-* через *къ-*, свидетельствуют об азербайджанском посредстве, поскольку восходят непосредственно к азербайджанскому звонкому заднеязычному (увулярному) *г-*, а передающие его через смычногортанный *кь-* восходят непосредственно к арабскому источнику (книжным путем). Различие, о котором пишет Н. С. Джидалаев, мы отметили выше, при характеристике отражения ар. q в нахско-дагестанских языках. В дальнейшем автор видоизменяет свою позицию: "Однако предложенный критерий, как показали дальнейшие наблюдения, не мог быть абсолютно последовательным, он охватывал лишь небольшую группу заимствований. Поэтому применительно к этимологически арабским и иранским элементам основным способом установления источника их заимствования остается традиционный историко-этимологический метод" [Джидалаев 1985: 13].

Другой фонетический признак, позволяющий отличить непосредственные арабизмы от проникших через азербайджанское посредство заключается в огласовке лексем с исконным кратким *а*. На материале рутульского языка это явление было исследовано в специальной статье З. Г. Курбановой [2000]. Основные признаки, сформулированные в этой статье, приложимы и к другим языкам лезгинской группы:

в азербайджанском краткие арабские гласные передаются с помощью *ә* (гласный переднего ряда нижнего подъема), а в лезгинских (лезгинском, табасаранском, рутульском) – в случае непосредственного усвоения через *а*, в то время как аз. *ә* трансформируется в *е*. Ср., с одной стороны, лексемы, усвоенные через азербайджанский язык:

مركز markaz > лезг., таб., рут., буд. *меркез* при азерб. *мәркәз* 'центр';

أوّل ʔawwal 'начало' > арч. *авал*, но лезг., таб., рут. *эвел* 'вначале, давно' при азерб. *әввәл* 'начало'[20];

بدن badan > лезг., рут. *беден* при азерб. *бәдән* 'тело';

ولد walad > агул. *валад*, но таб., рут. *велед* при азерб. *вәләд* 'дитя';

قلم qalam > авар., год., чам., багв., бежт., цез. *къалам*, лак. *кьалан,* таб. *къалам*, хин. *къаьлаьм*, рут. *кьалам*, арч. *кIалум*, чеч. *къолам*, но лезг. *къелем* при азерб. *гәләм* 'ручка, перо';

اثر 'asar - чам., бежт., цез., лак., дарг. *асар*, ботл. *асар (игьи)* 'влиять', но лезг., таб., буд. *эсер* 'влияние, воздействие, впечатление, след; произведение, творение' при азерб. *әсәр*;

مكتب maktab > авар., лак., дарг., бежт., цез. *мактаб*, но лезг., таб., буд. *мектеб,* рут. *мехьтеб*, хин. *маьктаьб* 'школа' при азерб. *мәктәб.*

С другой стороны, лексемы с вокализмом *-а-* могли проникнуть в словарный состав исследуемых языков непосредственно из арабского:

---

[20] Данный пример в определенной степени противоречит нашему более раннему утверждению о том, что "сохранение геминированного согласного в некоторых арабизмах можно объяснить влиянием азербайджанской письменной традиции, оказавшей определенное влияние на лезгинскую орфографию" [Забитов 1983: 17].

قدر qadar > авар., бежт., цез., чам. *къадар*, лак., лезг., дарг., таб., рут., арч. *кьадар* ‘мера, количество; рок, судьба; достаток, конец’ при азерб. *гәдәр*;

غلط ğalaṭ > чеч. *гIалат*, лак., лезг., таб. *гъаламI,* рут. *къалат* ‘ошибка’.

Последний пример, как отмечает З. Г. Курбанова [2000: 41], “показывает еще на один критерий разграничения арабизмов, проникавших в лезгинский язык различными путями: непосредственные арабизмы, в отличие от азербайджанизмов, нередко используют для передачи специфических арабских звуков абруптивные согласные”.

Там же отмечается, что применение охарактеризованных выше фонетических критериев может привести к определенным противоречиям, ср.:

قفس qafas > лезг., таб. *кьефес*, рут. *къафас* ‘клетка (для птиц и животных)’ при азерб. *кәфәс* ‘клетка’;

غام ğam > рут. *къам* ‘горе, скорбь, печаль’ (ср. лезг., таб. *гъам*, агул. *гъам* ‘дума’) при азерб. *гәм* ‘горе, скорбь, печаль’;

قدم qadam > лезг., рут. *къадам,* таб. *кьадам* ‘шаг’ при азерб. *гәдәм* ‘шаг’ и т.п.

Как видно из примеров, рассмотренные выше критерии в данных примерах противоречат друг другу: в первом прмере, с одной стороны, начальный *къ-* в ртульском указывает на азербайджанское посредство, а огласовка – на непосредственное усвоение арабизма, в то время как в лезгинском и табасаранском эти признаки представлены с точностью до наоборот; в двух других примерах свидетельствующий в пользу азербайджанского посредства *къ-* соседствует с огласовкой -а-, говорящей о непосредственном заимствовании из арабского.

Наконец, несомненный интерес в связи с рассматриваемой проблемой вызывает редкий случай перехода гласных из заднего ряда в передний:

بخيل baxīl ‘скупой’ – аз. *пахыл* – лезг., рут. *пехил* ‘завистливый’

Несмотря на очевидное арабское происхождение данных лексем, трудно определить конкретные формы их проникновения в рассматриваемые языки, поскольку общности процесса оглушения в азербайджанском и лезгинских языках противоречит различие в огласовке. В одной из наших работ [Забитов 1983: 18] мы указывали на возможность перехода арабских звонких в лезгинские глухие непридыхательные (ср. *ттарс* ‘урок’). Что касается *-е-* в лезгинском, то этот гласный – результат ассимиляции под влиянием последующего *-й* (ср. аналогичный процесс в ар. تشبيه taš bîh > лезг. *тешпигь* ‘уподобление; сравнение’). В азербайджанском ассимиляция действовала в ином направлении (впрочем, зафиксированы примеры передвижения гласных в передний ряд и в собственно азербайджанизмах – см. выше). Таким образом, остается неясным лишь вопрос, связано ли оглушение в лезгинских языках с аналогичным процессом в азербайджанском языке.

В литературе предполагают, что роль посредника в усвоении арабсих и иных заимствований в языках лезгинской группы мог играть и собственно лезгинский язык. Так, отмечается, что "анализ с этой точки зрения взаимоотношения лезгинских языков позволяет выявить прежде всего языки, входящие в зону влияния собственно лезгинского языка: агульский, рутульский, крызский, будухский, хиналугский и, отчасти, табасаранский. В настоящее время влияние лезгинского языка на эти языки не столь значительно, поскольку функцию языков межнационального общения в регионе ныне выполняют русский и азербайджанский языки. Однако в прошлом оно было более существенным, свидетельством чему могут служить изоглоссы инновационного характера, объединяющие именно данную часть языков лезгинской подгруппы" [Алексеев 1991: 31].

Об этом же пишет А.-К. С. Баламамедов: "И рутульцы, и цахурцы пограничных сел знали языки друг друга, а носители этих языков, не находящиеся в непосредственном контакте, обычно выбирали в качестве языка посредника лезгинский язык (разрядка наша. – *С.З.*). Казалось бы, родные языки должны выполнять эту роль и при общении рутульцев и агульцев. Но здесь ситуация другая. Дело в том, что их разобщают естественные препятствия – горы, что исключает активное общение между этими народами. Поэтому для них языком-посредником служили не их родные языки, а третий, родственный лезгинский, понятный и рутульцам и агульцам. Вторым языком-посредником между народами лезгинской группы языков был азербайджанский" [Баламамедов 1992: 38].

Примеры подобного лексического влияния на материале лексики дагестанского происхождения приведены в диссертации Н. К. Шириновой, посвященной лексике будухского языка: *дзак* ‘пух’; *быцI* ‘пупок’, *кIап* ‘косточка’, *кIапал* ‘скопище, кучка; толпа, группа’; *кьан* ‘уздечка’, *хьер* ‘ревматизм’, *кьылыд* ‘свояченица’ и др. [Ширинова 1997: 18]. Что же касается лексики арабского происхождения, то при отсутствии каких-либо критериев говорить о лезгинском посредстве здесь пока представляется преждевременным.

В подобных случаях возможно и применение семантического критерия. Так, например, арабское слово جاهل ǯāhil ‘невежественный’, ‘глупец’ на турецкой почве, сохраняя значения арабского прототипа, употребляется также в значении ‘неосведомленный’, ‘неопытный’. В лезгинском языке приобретенное на турецкой почве вторичное название в результате метонимического переноса получает дальнейшее развитие – *жегьил* 1) молодой, юный, неопытный, 2) молодый человек, юноша; и становится основным, а значение арабского прототипа утрачивается.

Достаточно широко известным является факт аварского влияния на андийские и цезские языки. В связи с посредничеством аварского

языка в усвоении восточной лексики андийскими и цезскими З. М. Магомедбекова прямо пишет следующее: "По-видимому, подавляющее большинство таких слов заимствованы через аварское посредство. К таким словам относятся многочисленные заимствования из арабского, персидского, тюркских и русского языков: дуниял «мир», давла «добыча», дарман «лекарство», талих «счастье», дибир «судья», дубгIа «молитва», заман «труд, работа», зигар «соболезнование», туснахъ «тюрьма», тушман «враг», тухум «род», тел «телеграмма», итни «понедельник», талат «вторник», арбагI «среда», явлухъ «платок», ярагъ «оружие», йоргъа «иноходь», гъалай «олово, полуда». улка «государство», пайда «польза», лампа «вата», пакъир «бедняк, нищий», питна «ссора, спор», пикру «мысль, соображение», капур «нехристь», кагъат «бумага», чухъа «черкесска», чирахъ «лампа», чакма «сапог», чаран «сталь», чванта «сумка, карман», къимат «цена, достоинство», дару «лекарство», шал «платок», щайтIан «черт, бес, нечистая сила», ханжар «кинжал», хазина «казна», хъалиян «папироса», хъизан «семья», жамагIат «общество, община», жужахI «ад», алжан «рай», халкъ «народ», хIайван «животное», хIукму «постановление», гIакълу «разум», гIумру «жизнь», гIадан «человек», учител «учитель», остол «стол», истакан «стакан», гIилипулан «аэроплан», казият «газета», полощад «площадь», пойиз «поезд», пирсидатил «председатель», учаскIа «участок», зинавод «звеньевой», кено «кино», ошкол « школа»...

Количество таких слов велико" [Магомедбекова 1977: 59].

Действительно, аварское посредство легко просматривается во многих суффиксальных образованиях, отмеченных в этих языках, о чем пишут многие исследователи. Ср.: "... морфологические критерия заимствования предполагают учет словообразовательных моделей багвалинского языка. Так *щаклъи* < от араб. شك [шаккун] "сомнение" в исследуемом языке заимствовано через аварский язык, что аргументируется следующими обстоятельствами:

1) в багвалинском языке аффикс ***-лъи*** является одним из показателей местного падежа, ср.: *мечIи-**лъи*** “на сенокосе”, *анзи-**лъи*** “в снегу” и т.д., - следовательно, не может быть словообразовательным элементом субстантива отвлеченного значения;

2) в аварском языке суффикс ***-лъи*** является словообразовательным элементом, ср. наряду с *щак-**лъи*** также и *рече-**лъи*** “богатство”, *гьудул-**лъи*** “дружба” и т.д.” [Халиков 2000: 9].

Что же касается непроизводных слов, то гипотезу об аварском посредстве приходится принимать apriori. В то же время некоторые наблюдения позволяют сделать вывод о том, что некоторые арабизмы проникали в эти языки и непосредственно. Отметим в связи с этим один факт: при заимствовании ар. عقل ʕaql конечный консонантный комплекс развивается в языках рецепторах двояко: а) с помощью наращения конечного гласного: инг. *хьаькъал,* авар., цез. *гIакълу*, бежт. *акъло*, год. *ъакъулу,* дарг. *гIякълу*, лак. *аькьлу,* а) с помощью появления интерконсонантного гласного: чеч. *хьекъал,* рут. *гьакьал,* лезг. *акьул,* агул. *гIакьул*, буд. *гIакьал,* уд. *гьакъыл* ‘ум’. Во второй группе оказывается и чам. *акъул*, что означает наличие в этом языке собственных тенденций в адаптации арабских заимствований.

Примеры такого рода немногочисленны и не могут, конечно, опровергнуть общего положения. Однако, они показывают, что процесс заимствования арабизмов в андийских и цезских языках не был однородным.

Некоторые арабизмы цезских языков, возможно, сохраняют отпечаток грузинского посредства. О подобной возможности пишет, в частности, М. Ш. Халилов: “Иноязычные заимствования, проникшие через грузинское языковое посредство, также можно подразделить на ранние и поздние. Например, некоторые арменизмы, иранизмы и тюркизмы из грузинского языка проникли на раннем этапе, арабизмы – начиная с XI века (разрядка наша. - *С. З.*), русизмы

– начиная с XVIII века...” [Халилов 1993: 31-32]. Из имеющегося в нашем распоряжении материала в связи с этим можно указать, например, на слова с конечным *-и*: цез. *халкъи* ‘народ’ при груз. xalxi (в цезских словах *дарси, дарци* ‘урок’, *ирси* ‘наследство, наследие’ такое влияние усмотреть трудно, поскольку их грузинские корреляты отсутствуют).

Глава V. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АРАБИЗМОВ

Морфологическое освоение заимствований заключается в том, что иноязычные слова включается в грамматическую систему языка-реципиента, приобретая словообразовательные и словоизменительные характеристики, свойственные словам исконного фонда. В первую очередь это касается того, что заимствования входят в тот или иной лексико-грамматический класс (часть речи), распределяясь на существительные, прилагательные, наречия, реже - другие разряды, что, естественно, отражается не только на морфологических, но и на синтаксических признаках слова. В частеречной характеристике арабизмов нахско-дагестанские языки демонстрируют существенные общие закономерности. Так, следующая характеристика табасаранских арабизмов верна и для большинства других рассматриваемых языков. Ср.: "Арабские масдары при переходе в табасаранский языке стали восприниматься как существительные: *ихтилат* «беседа»; *тахсир* «вина, обвинение»; *инсаф* «милосердие, пощада» *имтигьян* «экзамен»; *зулум* «гнет, произвол, насилие»; *амур* «приказ»; *хатир* «уважение» и др.

Многие арабские причастия и прилагательные в табасаранском языке также передаются формой имен существительных: *аьжуз* «слабый»; *мялъум* «проклятый»; *абдал* «глупец»; *зиндикь* «проныра»; *саил* «нуждающийся, тот, кто просит»; *авам* «темный, отсталый»; *агьали* «пожилой, взрослый» ; *етим* «сирота» и другие" [Загиров 1981: 46].

С точки зрения словоизменения существительные, заимствуемые из арабского языка подчиняются закономерностям, действующим в нахско-дагестанских языках. Из явлений морфологического усвоения заимствований можно выделить прежде всего вхождение лексических

единиц в систему грамматических классов (исключая лезгинский, агульский и удинский языки, утратившие категорию класса).

Названия лиц в рассматриваемых языках включаются соответственно в I (мужской) и II (женский) классы. Поскольку большинство заимствуемых имен не дифференцирует соответствующие референты по признаку пола, в нахско-дагестанских языках соответствующие существительные можно определить как слова "общего рода", получающие тот или иной классный признак в зависимости от половой характеристики референта. Ср. авар. (классная дифференциация отражается здесь и в склонении): *варис* [род. п. *варисасул*] 'наследник'; [род. п. *варисалъул*] 'наследница'; *гlашйкъ* [род. п. *гlашикъасул*] 'поклонник, любитель', [род. п. *гlашикъалъул*] 'поклонница, любительница'; *мухбйр* [род. п. *мухбирасул*, *мухбиралъул*] 'корреспондент, -ка'; *пагьла* [род. п. *пагьласул*] 'подсобный рабочий, подсобник, разнорабочий, чернорабочий'; [род. п. *пагьлалъул*] 'подсобница, разнорабочая, чернорабочая'; *ятим* [род. п. *ятимасул*, *ятималъул*] 'сирота, сиротка' и т.п.

Тем не менее, мужской класс является в этой оппозиции немаркированным, что и отражается соответствующими словарями, ср., например, лексемы из будухско-русского словаря [Мейланова 1984], отмечаемые как слова I класса: *варис* I 'наследник, родственник по отцовской линии'; *векил* I 'представитель, доверенное лицо; защитник, адвокат', *гlайел* I 'ребенок, дитя', *даллаг* I 'парикмахер', *даллал* I 'посредник; маклер' и т.д., ср., однако, *варис-мирас* I, II 'родня'; *гlабдал* I, II 'обжора; слабоумный человек' и др.

Такая же картина наблюдается в лакско-русском словаре [Хайдаков 1952], ср.: *ахlмакь* I 'дурак, *бусурман* I 'мусульманин, магометанин', *вакил* I 'уполномоченный, представитель; доверенный', *вахlши* I 'дикарь, дикий', *гъарив* I 'бедняга, беспомощный человек', *аьрав* I 'негр', *даллак* I 'банщик; парикмахер', *жагьил* I 'юноша, молодой человек; парень', *касив* I 'бедняга', *ламмам* I 'доносчик, ябедник', *люти* I 'распущенный человек, разврат-

ник; бабник', *раэят* I 'крепостной', *хаин* I 'изменник, предатель', *хIакин* I 'врач' и т.п.

Как существительные I класса здесь функционируют и такие лексемы, как

авар. *аллагь*, ботл. *алагь*, год. *аллагьи*, чам. *аллагь*, бежт. *аллагь*, цез. *аллагь*, лак., дарг. *аллагь*, рут., арч. *аллагь*, буд. *аллагь*, чеч. *аллахI* 'бог';

авар. *малаик*, год. *малаики*, чам. *малёк*, бежт. *малаик*, цез. *малаик*, лак. *малаик*, дарг. *малаик*, рут. *маллаъик*, буд. *малайик*, чеч. *малик*, арч. *мелейкду* 'ангел'.

В табасаранском языке названия лиц образуют единый класс одушевленных существительных.

В языках с двух- (таб.) и трехклассной (авар. и др.) системами все остальные имена, включая названия «темных сил» (*жин, шайтIан, иблис* и т.п.), включаются в единый неодушевленный класс. Специфическая классная интерпретация лексики этого типа была подмечена еще А.Дирром, писавшим в очерке по андийскому языку следующее: "Прибавлю, что малейқи "ангел" принадлежит к 1-му кл. (чеченский язык видит в ангеле бесполое существо и причисляет его к 3-му классу); шеjтąн "черт", джин "дев, джинн" принадлежит к 3-му классу" [Дирр 1905: 4].

Языки, обладающие более разветвленными классными системами, распределяют неличные имена по неодушевленным классам без строгих закономерностей, хотя можно отметить, что названия животных здесь, естественно, входят в III класс (*маймалак*, *майманак*, *маймун*, *меймун* 'обезьяна'; *пил*, *фил* 'слон'; *хьайва*, *хьайба*, *хIайван*, *гьайван*, *гьIайван* 'животное, зверь' и т.п.).

Имена неодушевленной семантики распределяются по III и IV классам без очевидных семантических критериев. Так, отвлеченные имена существительные могут относиться не только к обычному в та-

ких случаях IV классу , как в нижеследующих примерах, но и к III-му При этом не наблюдается особой:

أدب ʔadab ~ чам., буд. *адаб* IV,, лак. *адав* 'вежливость, воспитанность' IV, рут. *эдеб* ‘этикет’ IV, но бежт., цез. *адаб* ‘мораль, этика приличие’ III;

лак. *бяс* III, арч. *бас* III, но рут. *багьIс* ‘завистливость’ IV;

чам. III, цез., бежт. III, лак. III *ламус,* но буд. *намус* IV, рут. *ламы* ‘честь, рут. достоинство’ IV,

лак. *тамахI* III 'аппетит', но буд. *тIамагь*, рут. *тамагьI* ‘соблазн IV;

цез. III, бежт. III, чам. III *такъсир*, лак. *тахсир* III, но рут *тахсир*, буд. *тахсыр* ‘вина’ IV,

чам. *c̄абур* III, цез. III, бежт. III, арч. *ссабур* III, но чеч. *собар д-д* лак. *ссавур* IV, буд. IV, рут. *сабыр* ‘сдержанность, терпение’ IV;

лак., лезг. *шикаят* III,но буд. *шикайет* IV, рут. *шагыйет* ‘жалоба IV;

буд. *нуба* IV, рут. *нубат* IV ‘очередь’;

чеч. *сахьт д-д*, цез. *сагIат* III, бежт. *саъат* III, чам. *c̄агIат* III, но лак. *ссят* IV, хин. IV, буд. *сагIат* IV, рут. *сагьIат* IV ‘час, рут. часы’,

чам. III, арч. III *хIужа*, бежт. *гьужжа* III, цез. *хIужжа* III, лак. *хIучча* III 'довод, аргумент', но буд. *гьуьджет* IV, рут. *гьIаджет* ‘спор’ IV;

чам. III, цез. III, буд. IV *гIадат*, бежт. *аьдаьт* III, но лак. *аьдат* IV, хин. *хIаьдаьт* IV, рут. *гьIадат* ‘обычай’ IV;

лак. *хажалат* IV, рут. *хаджалат* IV ‘горе’;

лак. *макру* III, но рут. *макар* IV ‘коварство, плутовство, хитрость’,

буд. *сир* III, но рут. *сир* IV ‘тайна, секрет’,

бежт. III, цез. *хайир* III, арч. *хер* III, чам. *хāйр* III, лак. *хайр* III, но хин. *хейир / хери* IV, буд. *хейир* IV, рут. *хайир* IV ‘польза, рут. выгода’,

рут. *кьатI* IV ‘отрезок’, но буд. *кьат* III,

буд., рут. *къалат* IV, чеч. *гIалат д-д* ‘ошибка’, но лак. *гъалатI* III;

цез. *гIайиб* III, лак. *аьй* IV, арч. *гIейб* IV, рут. *гьIайиб* IV, буд. *гIай-еб* IV ‘позор, стыд’,

чам. *къӑйда* III, но лак. *кьяида* IV, рут. *къайде* IV, буд. *къайда* IV ‘правило’,

чеч. *хьал д-д*, рут. *гьIал* IV ‘состояние’, но бежт. *гьаьл* III, цез. III, арч. *хIал* III, буд. *гьал* III, лак. *хIал* III,

буд. *гьайеф* III, но рут. *гьIайухь* IV ‘сожаление’,

бежт. *азаб* III, арч. III, буд. *гIазаб* ‘мученье, мука; страдание’ III,

чеч. *Iедал д-д*, лак. *аьдлу* III, чам. *гIадул* III, цез. III, арч. *гIадлу* III, бежт. *адло* ‘порядок; дисциплина’ III;

лак. *пикри* III, цез. III, арч. III *пикру*, бежт. *пикро* III, чам. *пикур* III, буд. III, рут. *фикир* ‘мысль’ III, но хин. *фикир* IV,

лак. *питна* III, арч. *питну* III, рут. *фитне* ‘сплетня’ III, но буд. *фитва* IV, чеч. *питана д-д*;

чам. III, бежт. III, цез. III, лак. *мурад* III, рут. *мырад* III ‘цель; желание’;

цез. *гIумру* III, бежт. *оьмроь* III, чам. *гIурми* III, лак. *оьрму* III, арч. *гIуммар* III, буд. *гIуьмуьр* III, рут. *гьIумир* III ‘жизнь’, но хин. *хIуьмуьр* IV;

чам. III, цез. III *рахIмат,* бежт. *раьгьмаьт* III, рут. *рагьIмет* III ‘уважение, благословение’, но буд. *рахIмат* IV;

чеч. *хьурмат д-д,* чам. III, цез. III, лак. *хIурмат* III, буд. *хIуьрмет*, хин. *хIуьрмаьт*, рут. *гьIурмет* III ‘уважение’,

лак. III, арч. *рахIму* III, чам. III, цез. III *рахIму,* бежт. *раьгьмоь* III, рут. *рагьIим* III ‘милосердие’, но буд. *рахIам* IV;

бежт. *баркат* III, лак. *барачат* III, рут. *берекет* III ‘добро, обилие’, но чеч. *беркат д-д,* буд. *баракат* IV

цез. *хIаракат* III, бежт. *гьаьраькаьт* III, лак. *хIарачат* III, рут. *гьIаракат* III‘спешка’, но буд. *гьаракат* IV;

чам. III, бежт. III, цез. III, лак., рут. *лезет* III ‘наслаждение’, но буд. *лазат* IV;

хин. *вахт* III, буд. III, рут. *вахт* III ‘время’;

чам. *гIажал* III, цез. *гIажал* III, буд. III, рут. *эджел* III ‘смерть’, но хин. *хIаьджаьл* IV;

лак. III, буд. III, рут. *гьавас* III ‘желание’,

буд. *эхIтибар* III, рут. *ихтибар* III ‘доверие’,

чам. III, бежт. III, цез. *къудрат* III, буд. *къудрат* III, рут. *кьудрат* III ‘сила’,

цез. III, чам. III *хIакъ,* бежт. *гьаькъ* III, лак. *хIакь* III, буд. III, рут. *гьакь* III ‘правда’ и др.

Как видно из представленного выше обзора андийские и цезские языки демонстрируют явную тенденцию к включению заимствованной абстрактной лексики в III класс. Данная тенденция может быть вызвана, на наш взгляд, влиянием аварского языка, утратившего IV класс. Языки лезгинской группы и в меньшей степени лакский более или менее равномерно распределяют эти имена по двум классам. Это же, по-видимому, относится и к чеченскому языку.

Анализ именного словоизменения арабских заимствований позволяет заметить, что, как правило, они включаются в продуктивные типы склонения. Так, в аварском языке из неодушевленных имен “все заимствованные нарицательные имена” относятся ко второму склонению. Г. И. Мадиева [1981: 40], отмечающая этот факт, приводит в качестве примеров лишь русизмы: *стол, бомба, тетрадь, перо, ручка, поезд, восстание* и т. д.

Приобретая морфологические характеристики языка-реципиента, арабизмы, естественно, утрачивают те словоизменительные свойства, которыми они обладали в арабском языке. Один аспект этого явления на материале табасаранского языка освещается В. М. Загировым [1981: 46]: “Иногда формы единственного и множественного числа арабских слов

проникают в табасаранский язык в качестве самостоятельных лексических единиц. При этом слова, употребляемые в арабском языке в форме множественного числа, в табасаранском языке, как и в лезгинском, переосмысляются в форму единственного числа[21]. Примеры: *велед* «дитя, наследник», но *эвлед* «потомство, поколение»; *гьял* «состояние, положение», но *аьгьвал* «экономическое состояние хозяйства» *фагъир* «бедный, вызывающий сострадание»; но *фугъара* «беднейшее крестьянство, трудовой народ»; *агьли* «пожилой», но *агъалйир* «население, жители»". Как видно из примеров, числовое противопоставление в приведенных парах арабизмов практически отсутствует.

Хотя нахско-дагестанские языки не заимствовали арабских глаголов как таковых, сочетания арабских по происхождению имен с исконными вспомогательными глаголами (обычно со значением "делать" и "быть", "становиться") создали здесь большой разряд так называемых сложных глаголов. Глаголы этого типа отличаются от соответствующих сочетаний имени и глагола тем, что между именем и глаголом утрачиваются грамматические отношения, характерные для словосочетаний, состоящих из сказуемого и объекта. В лезгинском языке в качестве вспомогательных глаголов выступают *авун (ун)* 'делать' и *хъун* 'быть, становиться':

лезг. *хабарун (авун)* 'сообщать' < خبر x̱abar

лезг. *иштирак авун* 'участвовать' < араб. إشتراك 'iš tirāk

Глаголов подобного типа в лезгинском языке насчитывается весьма значительное количество. При помощи вспомогательного глагола *авун* образуются глаголы от заимствованных из арабского языка имен прилагательных, осложненных суффиксальным элементом *-ар*: лезг. *секинарун* 'успокаивать' < араб. ساكن sākin. Эти глаголы выступают, по крайней мере, в той части лексики лезгинского языка, которая была нами исследова-

---

[21] Гайдаров Р. И. Указ. соч., с. 242.

на, как варианты глаголов с не усеченным вспомогательным компонентом (ср. *секин авун* и т.п.)

В некоторых составных глаголах именные основы сливаются со служебными глаголами и не употребляются в качестве самостоятельных имен. Например:

лезг. *гъасилун* (*авун*) - производить < араб حاصل ḥāṣil

лезг. *зарбун* (*авун*) - умножать < араб. ضرب ḍarb

лезг. *желбун* (*авун*) - привлекать < араб. جلب ǯalb

Сложные глаголы, образованные при помощи *авун*, по своей семантике являются переходными.

Непереходные глаголы-композиты образуются соединением арабских имен со вспомогательным глаголом *хьун* 'быть', 'становиться'. Например:

лезг. *мажбур хьун* - становиться вынужденным < араб. مجبور maǯbūr

лезг. *лезет хьун* 'наслаждаться' < араб. لذّة lazza[t]

лезг. *машгъул хьун* 'заниматься' < араб. مشغول maš ğûl

Ср. аналогичные примеры из других дагестанских языков: рут. (непереходн. - вспомогательный глагол *йикис* 'быть, стать')/ переходн. - вспомогательный глагол *гьаъас* 'делать'): *эслагьI йикис* 'смягчиться; успокоиться (о нраве)' – *эслагьI гьаъас* 'смягчить; успокоить (нрав)'; *халкь йикис* 'родиться на свет'; *харджж йикис* 'истратиться' – *харджж гьаъас* 'истратить'; *фикир викис* 'думать о ком-, чем-л., переживая' – *фикир ваъас* 'переживать активно'; *хабар викис* 'узнать, почувствовать'; *хаджалат йикис* 'опечалиться, горевать' – *хаджалат гьаъас* 'опечалить'; *тямягьI йикис* 'соблазниться' – *тямягьI гьаъас* 'соблазнить'; *тестикь йикис* 'подтвердиться' – *тестикь гьаъас* 'утвердить, назначить'; *секин йикис* 'успокоиться, утихомириться' – *секин гьаъас* 'успокоить, утихомирить'; *садакьа йикис* 'оказаться розданным в качестве милостыни' – *садакьа гьаъас* 'раздать милостыню'; *асар викис* 'стать уроком' – *асар ваъас* 'понять данный урок'; *кеф йикис* 'обрадоваться' – *кеф гьаъас* 'обрадовать'; *хIурмет ваъас*

'уважать'; *хIурмет викис* 'уважать друг друга'; *хатир йикис* 'одолжиться, стать обязанным'; *рагьIат йикис* 'облегчиться' – *рагьIат гьаъас* 'облегчить'; *назар викис* 'сглазить'; *митIугI йикис* 'подчиниться' – *митIугI гьаъас* 'подчинить'; *миннет ваъас* 'умолять'; *мачхул йикис* 'развлечься, увлечься чем-л.'; *магьIатIал йикис* 'остаться без средств, сил, помощи, чтобы работать дальше' – *магьIатIал гьаъас* 'оставить без средств'; *кьабыл йикис* 'понравиться [о поступках]' – *кьабыл йикис* 'принять, одобрить'; *кьадар викис* 'оказаться в пору; быть, стать судьбой' – *кьадар ваъас* 'сделаться что-л. подходящим по размеру'; *ихтибар викис* 'доверять'; *зарахьват ваъас* 'шутить' и т.д.

Та же схема действует и в андо-цезских языках, например, в цезском, ср.: *амру бода* 'приказать = приказ делать', *асир ода* 'взять в плен = пленным делать', *байан бода* 'объяснить = понятно делать', *загьир ода* 'обнаружить = явный делать' (*загьир охъа* 'обнаружиться = явный стать'), *ишан бода* 'указать = цель делать', *ишара бода* 'указать = указание делать', *машгъул ода* 'увлечь = увлечение делать' (*машгъул охъа* 'увлечься = увлечение стать'), *масхъар бода* 'шутить = шутку делать', *махIрун ода* 'лишить = лишение делать' (*махIрун охъа* 'лишиться = лишение стать'), *къимат бода* 'уважать = уважение делать', *паракъат ода* 'устроить = удобно делать', *хабар бода* 'поговорить = разговор делать', *таба бода* 'отказаться = отказ делать', *такрар рода* 'повторять = повторение делать', *хIадур ода* 'готовить = готовый делать' (*хIадур охъа* 'готовиться = готовый стать'), *хIайран ода* 'удивить = удивленный делать' (*хIайран охъа* 'удивиться = удивленный стать'), *тастикъ рода* 'утвердить = утверждение делать', *чак бода* 'заставить сомневаться = сомнительный делать' (*чак охъа* 'сомневаться = сомнительный стать'), *хIажат охъа* 'нуждаться = нужный стать', *балугъ охъа* 'созреть = зрелый стать', *бахил охъа* 'жадничать = жадный стать' и т. п.

В аварском языке весьма многочисленны отыменные глаголы на -лъизе, ср.: *вахIший-лъизе* 'стать диким, одичать; озвереть; стать хищным';

О высокой степени освоенности арабизмов свидетельствует приобретение ими признаков словоизменения, свойственных преимущественно исконным словам. В аварском языке подразделяют (по Л. И. Жиркову) живое и архаическое склонение. При общей тенденции словоизменения арабизмов по живому склонению, ряд из них склоняется по архаическому, ср. *жинс* род. п. *жонсол* ‘род, сорт; лицо, физиономия; лик’.

Морфологическая освоенность арабизмов проявляется и на уровне словообразования. Практически во всех исследуемых языках может отметить способность заимствованных лексем образовывать новые производные слова с использованием собственных словообразовательных средств.

Во-первых, в связи с этим можно указать на оформление соответствующими аффиксами прилагательных:

авар. *-а-б*, *асли-й-а-б* ‘основной, главный’, *камил-а-б* ‘зрелый, совершенный’, *таман-аб* ‘длительный, изрядный; большой’, *милли-я-б* ‘национальный’ и т.д.

Безаффиксные формы (или же с аффиксацией *-го*) в аварском языке обычно функционируют в качестве наречий. В аффиксальной форме подобные прилагательные были заимствованы из аварского языка цезскими и андийскими языками.

лак. *-сса*: *нукцан-сса* 'недостаточный', *паракъат-сса* ‘спокойный, неподвижный’, *мюхтаж-сса* 'нуждающийся', *надир-сса* ‘редкий, редкостный, уникальный’, *гъарив-сса* ‘странный, удивительный’, *аьжаив-сса* ‘удивительный, изумительный’, *камил-сса* ‘зрелый, совершенный’ и т.п.;

дарг. *-си*: *мягIлум-си* ‘известный, ясный’. Ср.: “Отдельные арабские слова в даргинском языке употребляются только вместе с элементами даргинского языка, при этом основную лексическую нагрузку, обычно, несут арабские слова. Часть из них образуют прилагательные или наречия с по-

мощью даргинских суффиксов -си, -ли, -лис: пасихIси "мудрый", рахIятси "спокойный", рахIятли "спокойно", машгъурси "известный", саламатли "как следует", магIлумси "известный", ашкарси "открытый, известный", ашкарли "открыто", хIядурси "готовый", хIядурли "готово", гьайбатси "пышный", хIярамси "запрещенный", лайкьси "подходящий", хIяйранси "изумленный", мутIигIси "покорный", мутIигIли "покорно", хасси "особый, специальный", хумарли "печальный", хумарли "печально", хасли "особенно", разиси "веселый", разили "весело", хIясадси "завистливый", сагъси "здоровый', загIипси "больной", абадлис "навсегда"" [Мусаев 1978: 9].

арч. *-тту (-ну-, -лу-)*: *машгьур-тту* 'известный, знаменитый', *нукьсан-ну-т* 'совсем небольшой'; *хIалал-лу-т* 'честно приобретенный'; *хIарам-ну-т* 'запретный, незаконный' и т.д.;

рут. *-ды*, ср. *батIил-ды* 'несправедливый', *маджбур-ды* 'обязанный, необходимый', *такабыр-ды* 'гордый', *рагьIат-ды* 'легкий', *магьIкам-ды* 'крепкий, прочный; стойкий, надежный, *гьазыр-ды* 'готовый', *аджиз-ды* 'худой; слабый; беспомощный' и т.п.

Имена арабского происхождения, обозначающие качества, профессии и т. п. регулярно образуются при помощи суффиксов отвлеченных существительных от арабизмов – названий лиц:

авар. *-лъи*, ср.:

ахIмакъ-лъи 'глупость, дурость; безумие' < *ахIмакъ* 'глупец, дурак; безумец', *балугъ-лъи* 'достижение совершеннолетия' < *балугъ-аб* 'совершеннолетний', *баян-лъи* 'выяснение; объяснение; разъяснение' < *баян* 'ясность, понятность', *бусурман-лъи* 'мусульманство, ислам' < *бусурман* 'мусульманин', *вакӣл-лъи* 'полномочие; представительство' < *вакӣл* 'уполномоченный, доверенный; представитель, делегат', *вахIши-лъи* 'дикость; зверство; хищничество' < *вахIши-го* 'дико; зверски; хищнически', *вали-лъи* 'святость' < *вали* 'святой', *варис-лъи* 'наследство' < *варис* 'наследник' и т. д.

Ср. также имена с основами абстрактного содержания: *гъалатI-лъи* ‘ошибочность’ < *гъалатI* ‘ошибка; упущение’, *гьайба-лъи* ‘прелесть, изящество, красота; грация, грациозность; очарование, обаяние’ < *гьайбат* ‘прелестно, изящно, красиво; грациозно; очаровательно, обаятельно’ и т. д. Как видно из последнего примера, конечный *-т* при образовании имен на *-лъи* выпадает, что характерно и для исконного словарного фонда.

дарг. *-деш*, ср.:

мискин-деш ‘бедность’, *хараб-деш* ‘бедствие’, *рахIят-деш* ‘благополучие’, *даим-деш* ‘вечность’, *манпагIят-деш* ‘выгода’, *нукьсан-деш* ‘дефект’, *асил-деш, адаб-деш* ‘достоинство’, *ахмах-деш* ‘дурость’, *зягIип-деш* ‘жидкость’ и т.п.

рут. *-валды*, ср.:

эдеми-валды ‘человечность’ < *эдеми* ‘человек, мужчина’, *илсан-валды* ‘человечность’ < *илсан* ‘человек’, *шийид-валды* ‘свидетельство’ < *шийид* ‘свидетель’, *фагьир-валды* ‘бедность’ < *фагьир* ‘бедняк’, *гьариб-валды* ‘бедность’ *гьариб* ‘бедняк; иноплеменник, пришелец’, *вагьши-валды* ‘дикость’ < *вагьши* ‘дикарь’, *лути-валды* ‘плутовство’ < *лути* ‘плут’, *фагьIле-валды* ‘занятие подсобного рабочего’ < *фагьIле* ‘подсобный рабочий’, *гьIашикь-валды* ‘занятие певца, ашуга’ < *гьIа-шикь* ‘певец, ашуг’, *гьIаким-валды* ‘высокая должность, положение’ < *гьIаким* ‘высокопоставленное лицо’ и т.д.

буд. *-вал*:

нукьсанувал ‘дефектность’ (*нукьсан* ‘дефект’), *разитувал* ‘согласие’ (*рази* ‘довольный’), *рахIамувал* ‘милостивость, милосердность’ (*рахIам* ‘милость, милосердие’), *сефилувал* ‘грусть, тоска’ (*сефил* ‘грустный’), *сефи-тувал* ‘глупость’ (*сефи* ‘глупый’) и т.п.

Реже заимствованные основы оформляются исконными суффиксами названий лиц, ср., например, дарг. *-кья* в *сихIру-кья* ‘волшебник’. В то же время в этой группе довольно распространены имена персидского и

тюркского поисхождения с суффиксами *-кар, -дар, -чи*. Ср., например, буд. *шикайет-чи* 'жалобщик'; *шикил-чи* 'художник, рисовальщик'; бежт. *адло-чи* 'человек, который наводит порядок, следит за порядком' и др.

Исконными суффиксами оформляются наречия, образуемые от заимствованных основ, ср.:

авар. *-го*: *вахIши-го* 'дико; зверски; хищнически', *хIакъир-го* (//*хIакъир*) 'презрительно', *хас-го* (//*хас*) 'особенно', *захIмат-го* 'с трудом; трудно; еле-еле' и т. п. (ряд арабских основ выступает в аварском языке в качестве наречия в безаффиксной форме).

Многие нахско-дагестанские лексемы, в морфологическом составе которых вычленяется арабский корень, оказываются непосредственно заимствованными из других восточных языков, на что указывают их словообразовательные морфемы, ср., например, тюркизмы с суффиксами *-ли/-лу*, ср. лезг.:

давам-лу 'продолжительный', *кьенят-лу* 'бережливый, экономный; расчетливый'; *лайих-лу* 'достойный'; *лазим-лу* 'нужный, необходимый'; *лезет-лу* 'доставляющий удовольствие, наслаждение; приятный'; и т.п.

- тюркизмы с суффиксами *-сиз/-суз*: лезг. *лезетсуз* 'неприятный, не доставляющий наслаждения, удовольствия'; *майилсуз* 'не имеющий склонности, призвания'; *малумсуз* 'неизвестный'; *манасуз* 'бессодержательный, бессмысленный' и т. п.

Наличие такого рода лексем служит еще одним веским доводом в пользу того, что многие арабизмы не были заимствованы непосредственно из арабского языка, а усваивались уже из тюркских языков и персидского.

Весьма продуктивным среди нахско-дагестанских способов словообразования оказывается словосложение. В качестве компонентов таких сложных слов обычно выступают синонимичные лексемы арабского происхождения, ср. бежт. *адло-низам* 'порядок; дисциплина'; *адаб-хъатир* 'уважение, почет', *аьгьваьл-гьаьл* 'состояние, обстоятельство';

цез. *къадру-къимат* ‘авторитет’; *гIахIвал-хIал* ‘житье-бытье’; *халкъи-гьадам* ‘народ’; *гIадлу-низам* ‘порядок; дисциплина’; *адаб-хIурмат, адаб-хатир* ‘почет’; *салам-калам* ‘приветствие’; *дунйал-гIалам* ‘свет, мир’; чам. *ахIвал-хIал* ‘положение; житье-бытье’; дарг. *низам-кьяйда* ‘распорядок’, *инсап-хIяя* ‘честь’, лак. *аьдлу-диван* (уст.) ‘правление, управление; законодательство, составление законов’; буд. *асыл-несил* ‘родовитый, из хорошего рода’, *йетим-йасыр* ‘сирота’ и т.п.

Реже встречаются композиты, объединяющие антонимичные основы, ср.: буд. *эвел-ахыр* ‘в конце концов’ (ср. чам. *авал-ахир* ‘начало и конец’);

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема арабско-восточнокавказских языковых контактов являетс одним из основных аспектов историко-лексикографического изучения нах ско-дагестанских языка и имеет как самое непосредственное практическое так и теоретическое значение. Рассмотренный в настоящей работе матери ал позволяет сделать следующие выводы:

Историческое развитие дагестанского общества, в котором к времени арабских завоеваний утвердились раннефеодальные отноше ния и которое характеризовалось социальной и имущественной диф ференциацией, послужило фактором, способствовавшим переносу ис ламской культуры на дагестанскую почву. Отсутствие литературног языка межнационального общения, социальный престиж арабског языка как языка победителей, владение которым становилось симво лом принадлежности к высшим сферам дагестанского общества, а за тем и основным признаком образованности, социальные услови функционирования идеологии, литературы и науки оказывали суще ственное воздействие на процесс распространения арабского языка н Северном Кавказе.

К причинам успехов арабской письменной культуры на дагестан ской почве следует отнести и существование установки на обладани знанием как важнейшей из ценностных ориентации в системе средне вековой арабо-мусульманской культуры, поскольку в исламском уче нии с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из усло вий веры; то, что приобщение к арабскому языку практически явл лось существенным видом социальной стратификации, отсутстви формальных ограничений - кастовых и этнических на приобретени знаний, которое опиралось на теоретическое равенство всех мусул

ман перед богом, на концепцию единства исламской общины. Кроме того, то, что в Дагестане жили потомки арабских завоевателей, способствовало процессу распространения арабского языка, что в конечном счете подготовило почву для развития арабской книжной письменности, а также арабоязычной литературы в регионе.

Расширению сферы функционирования арабского языка в Дагестане способствовали активные торгово-экономические и культурные контакты со странами Ближнего Востока, а также многочисленные случаи путешествий дагестанцев для получения знаний в различные центры мусульманской образованности.

В диссертации подробно проанализированы некоторые образцы арабоязычного наследия дагестанских авторов: Али Мухаммада Багдади, Саида из Аракани, Гасана Гузунова, Мухаммеда из Согратля.

Лексика нахско-дагестанских языков обнаруживает многочисленные свидетельства происходивших начиная с VII века н. э. контактов арабского языка с нахско-дагестанскими языками, которые не прекращались и в годы советской власти. Конкретный исторический характер языковых контактов наложил определенный отпечаток на степень актуальной принадлежности, тематический состав и функциональную сферу использования арабских заимствований в исследуемых языках. В связи с активными контактами на определенном временном этапе с мусульманским Востоком в области культуры, науки, религии, широким знанием арабского языка образованной частью населения, в эти языки проникло значительное количество арабских по происхождению лексем, соотносимых с рядом функциональных сфер. Однако в связи с прекращением активных контактов с арабским языком арабизмы в настоящее время можно охарактеризовать как пласт иноязычных заимствований, прекративший свой количественный рост. Дело в том, что судьбу арабизмов здесь в последние годы определял такой фактор, как дагестанско- и нахско-русское двуязычие, приводящее к вытеснению арабизмов заимствова-

ниями из русского языка. В языках, испытывающих влияние азербайджанского языка (бесписьменные языки лезгинской группы - крызский, будухский, хиналугский), позиция арабизмов оказывается более прочной.

Значительная часть арабских заимствований прочно закрепилась в лексической системе нахско-дагестанских языков. Арабизмы находят широкое употребление как в разговорно-обиходной речи, так и в литературных языках. Арабские заимствования существенно обогатили лексический состав этих языков. Заимствованные единицы, вступая в синонимические отношения с исконными лексемами, способствуют разгрузке многозначности исконного слова, дифференцируют оттенки его значения, оказывая существенное влияние на развитие и обогащение стилистических средств языка. Вместе с тем, определенное число арабизмов по ряду экстралингвистических причин переходит в разряд малоупотребительных или закрепляется в определенном жанровом стиле.

Наиболее значительны результаты арабско-восточнокавказского контактирования оказываются в сфере религиозной терминологии, общественно-политического и морально-этического лексикона, вообще в абстрактной лексике. В целом же классификация арабизмов позволяет выделить следующие тематические группы:

а) религиозные понятия, в т.ч. названия существ и явлений, связанных с потусторонним миром (“бог”, “рай”, “ангел” , “черт, дьявол”, “конец света” и др.), основные богословские термины (“обет, запрет”, “вера, религия”, “грех”, “преданность вере” и др.); названия людей по их отношению к вере (“мусульманин”, “мулла”, “паломник”, “муэдзин”, “богоотступник”, “иноверец” и др.); обозначения религиозных обрядов и связанных с ними понятий: “молитва”, “поминки”, “паломничество”, “обрезание”, “религиозная песня” и др.), названия предметов культового и обрядового назначения

"коран", "сура, глава корана", "мечеть", "библия", "амулет","саван" и др.);

б) абстрактные понятия: "род, вид", "причина", "различие", "характер", "недостаток", "обстоятельство", "темнота", "изменение" и др.

В этой группу по своей семантике выделяется подгруппа названий отрезков времени, ср. "время", "мгновенье", "история, дата","эпоха" и др.;

в) морально-этические понятия: "мораль, этика", "гордость, высокомерие", "честь, достоинство", "вина, виновность", "порядок, аккуратность", "верность, преданность", "сдержанность, терпение", "сплетня, кляуза", "хитрость; способ", "уважение, авторитет" и др.;

г) лексика, выражающая отношения между людьми, общественно-политические и экономические термины, наименования видов хозяйственной деятельности: "'разрешение, дозволение", "приветствие, поздравление", "завещание", "замечание, упрек", "имущество", "свадебное мероприятие", "предложение" и др. (тематические подгруппы: межличностные отношения, имущественные отношения, народ, общество, государство, власть, хозяйственно-экономические термины, речевое общение).

В выделяется группа обозначения людей по профессии и т. п., ср. "человек, мужчина", "человек", "свидетель", "отступник", "бедняк; иноплеменник, пришелец", "врач, доктор, костоправ", "начальник, руководитель", "подсобный рабочий", "певец, ашуг" и др.;

д) лексика искусства, науки, образования: "урок", "школа", "экзамен", "счет", "книга", "том, книга", "мотив; музыка", "мелодия, напев'", "переплет", "рассказ, легенда", "буква; цифра", "газетная статья","картина; портрет; рисунок", "поэт, стихотворец" и т.д.;

е) слова, выражающие качественные характеристики (отношение к действительности, общественнно-политические отношения, имущественное

положение, характер человека, морально-этическую оценку, эмоциональное состояние человека, физическое состояние человека, физические характеристики предметов и явлений): "подлинный, истинный", "несправедливый; неправый, ложный", "частный, личный", "гордый", "глупый, бестолковый", "занятый, увлеченный", "крепкий, прочный" и др.;

ж) названия одежды и домашней утвари ("халат"; "холст"; "атлас", "духи", "карман", "мыло","инструмент","подкладка" и др.),

з) лексика растительного и животного мира ("рассада"; "скорпион", "обезьяна"; "скот, скотина", "осел", "лошадь"/ "животное", "конопля" и др.);

и) названия строений и их частей ("этаж", "площадь", "луг", "баня", "основание", "центр", "двор", "развалины", "квартал; улица");

к) обозначения продуктов питания и т. п. ("шербет", "напиток", "суп", "варенье", "халва", "сахар","водка", "кофе","тесто", "кусок" и др.);

л) обозначения явлений неживой природы: "буря", "воздух", "небесная сфера" (тж. "бог"), "землетрясение"; в т.ч. названия веществ ("алмаз", "жемчуг", "ртуть", "малахит", "яхонт" и др.);

м) названия частей тела, болезней и т.п.: "наружность", "тело", "труп", "рожа; лицо", "куриная косточка, используемая в спорах", "грудная клетка" и др.;

н) термины родства: "дядя (со стороны отца)", "тетя (со стороны отца)", "кум; сородич" и др.;

о) служебные слова;

п) устойчивые выражения;

р) имена собственные, легко разъясняемые на почве языка-источника.

Арабизмы, включаясь в лексико-семантическую систему заимствующих языков, подверглись целому ряду изменений фонетического, морфологического и семантического характера, которые могут обладать определенной общностью на всей совокупности исследуемых языков, так и иметь индивидуальные для каждого языка особенности. Из общих закономерностей семантических изменений можно констатировать наиболее частое сужение значения, когда многозначное слово теряет одно или несколько из своих значений.

Помимо сужения, многочисленны примеры такого изменения значения, когда в арабском слове зафиксировано одно значение, а у его нахско-дагестанских коррелятов другое, причем нередко среди различных языков регистрируются разнонаправленные семантические изменения. Среди семантических трансформаций можно выделить такой их регулярный тип, когда нарицательные имена существительные арабского языка употребляются в рассматриваемых языках и как имена собственные. Об освоении арабизмов говорит и то, что многие выражения, имевшие определенные религиозные коннотации, в настоящее время функционируют уже как речевые штампы.

Заимствуемые лексемы образуют в рассматриваемых многочисленные синонимические пары исконных слов и арабизмов, последние нередко вступают в подобные отношения и между собой. Следует выделить как особый тип отношений и случаи вхождения в синонимические ряды русизмов, вытесняющих арабские и другие восточные по происхождению слова.

В области фонетики среди процессов, касающихся усвоения арабизмов, следует выделить, во-первых, такие звуковые изменения, которые представляют собой замену арабских звуков, не характерных для нахско-дагестанских языков сходными по звучанию. В ряде арабских фонем, противопоставленных в языке-источнике, происходит нейтрализация: так, фонемы, обозначаемые в арабском графемами са,

син и сад, передаются через "с"; через "з" передаются з̱аль, зейн, д̣ад и з̣а. С точки зрения дифференциации языков-реципиентов по формам и степени фонетического усвоения арабизмов интерес представляет процесс ф > п в языках северного ареала при сохранении ф в южнодагестанских языках (языки лезгинской группы, за исключением арчинского).

В области вокализма наиболее существенным процессом является утрата в заимствованиях противопоставления кратких и долгих гласных. В отдельных случаях дифференциация фонем а /ā сохраняется, однако их фонетическое качество изменяется. Это относится к тем примерам, когда краткий арабский гласный *а* передается через *е* (по-видимому, под влиянием азербайджанского языка, в котором ар. *а* отражается через гласный переднего ряда *ә*).

В области комбинаторики также выявляется два ареала устранение нетипичных для исхода слова звукосочетаний с помощью (а) "вставочных" гласных (эпентеза) (вставка в подобных словах в подавляющем большинстве примеров подчиняется правилам сингармонизма (*-ы-* после *-а-*, *-ы-*, *-у-* после *-у-*, *-и-* после *-и-, -э-*), хотя это происходит не всегда) (б) наращения конечного гласного; (2) упрощение двойных согласных, несвойственных рутульскому языку, происходящее как в ауслауте, так и в инлауте (в особенности сочетания с ларингальным смычным упрощаются также в инлауте.

Произношение конечного -т или отсутствие такового в отвлеченных существительных женского рода не зависит от ареала языков-реципиентов. При этом в передаче конечного -т все заимствующие языки ведут себя единообразно: ملّة milla[t] > *миллат, миллет* ‘нация, народ, народность, национальность’, но طائفة ṭā’ifa[t] > *тайпа, тайфа* и др. ‘род, племя’.

Морфологическое освоение арабских заимствований обычно проявляется в том, что иноязычная лексика включается в граммати-

ческую систему языка-реципиента, приобретая свойственные исконным словам словообразовательные и словоизменительные характеристики. Они включаются в соответствующие лексико-грамматические классы (части речи), получая характерные для них морфологические и синтаксические признаки. Большая часть арабизмов пополнила класс имен существительных, в меньшей степени - прилагательных. О некоторых именах можно говорить как об объединяющих в себе признаки существительного и прилагательного. В некоторых языках (аварский) основа адъектива функционирует в качестве наречия, а в атрибутивной функции оформляется соответствующим суффиксом. В глагольной лексике арабизмы функционируют лишь в качестве составной части сложных глаголов (благодаря противопоставлению вспомогательных глаголов такие лексические единицы создают четкую оппозицию по переходности-непереходности).

С точки зрения словоизменения существительные, заимствуемые из арабского языка подчиняются закономерностям, действующим в исследуемых языках. Иак, заимствуемые лексические элементы включаются в систему грамматических классов: названия людей – в I и II грамматический классы, неодушевленные – в III и IV классы.

Заимствованные имена существительные включаются в систему склонения, как правило, следуя наиболее продуктивным образцам. Падежное формообразование арабских заимствований не имеет отличий от словоизменения исконных имен. Наиболее архаичные арабизмы демонстрируют непродуктивные модели склонения.

Естественно, что заимствуемые лексемы в свою очередь теряют те лексико-грамматические свойства, которыми они обладали в арабском языке. Одной из утраченных категорий имени существительного можно назвать категорию собирательности.

Морфологическая освоенность арабизмов проявляется в их способности давать новые производные слова, образованные с использо-

ванием собственных словообразовательных средств. Среди них можно указать на оформление соответствующими суффиксами абстрактных имен, имен прилагательных и наречий.

Вышеизложенное позволяет заключить, что арабизмы являются, хотя и непродуктивным, но существенным пластом лексико-семантической системы нахско-дагестанских языка, выполняя в них значительную функциональную нагрузку. С точки зрения адаптированности они полностью приспособлены к фонетической и морфологической системе языка-реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1.*Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989; Указатель. М., 1995.

2.*Абдулджалилов И. Г.* К арабизмам в аварском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 2. Махачкала, 1997. – С. 95-99.

3. *Абдуллаев А.А.* Некоторые наблюдения над тюркизмами в аспекте лакско-русского билингвизма // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 75-80.

4.*Абдуллаев И.Х.* Межкавказский лексический фонд и дагестанские языки // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 24-25.

5.*Абдуллаев И.Х.* Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала, 1974. – 215 с.

6.*Абдуллаев И.Х.* Еще раз к происхождению гидрогима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. - С. 120-133.

7.*Абдуллаев М. А.* Мыслители народов Дагестана XIX и начала XX в.в. Махачкала: Дагучпедгиз, 1965. - 267 с.

8.*Абдуллаев М. А.* Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986. – 175 с.

9.*Абдуллаев С. Н.* Русско-даргинский словарь. Махачкала, 1950. – 1462 ст.

10.*Абукаров Ш. Г.* Тюркские заимствования в лезгинском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. – 22 с.

11.*Аджиев Ю. А.-П.* Фонетическое освоение арабизмов в кумыкском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и

тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 27-28.

12.*Азаев Х. Г.* Лексика и словобразование ботлихского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975. – 25 с.

13.*Азаев Х. Г.* Арабские заимствования в словарном составе ботлихского языка // Сборник научных сообщений факультета иностранных языков. Махачкала, 1973.

14.*Айтберов Т.* Из социальной терминологии агульцев // Отраслевая лексика дагестанских языков. Махачкала, 1984.

15.*Айтберов Т.* Аваро-арабская надпись из селения Корода (XIII-XIV вв.) // Эпиграфика Востока 1985, XXIII.

16.*Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Тюркизмы в аварском языке XVII в. (По данным перечня имущества княгини Кихилей) // Тюркско дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 48-61.

17.*Акуленко В.В.* Вопросы изучения лексических интернационализмов и процессов их образования. В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. – С. 65-89.

18.*Алексеев М.Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. – 158 с.

19.*Алексеев М.Е.* О методике сравнительно-исторических исследований (на материале дагестанских языков)// Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала., 1986. – С. 114-143.

20.*Алексеев М.Е.* Восточная лексика в склонении дагестанских языков // Теоретические проблемы языков Азии и Африки. V международный симпозиум ученых социалистических стран. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990. – С. 6.

21.*Алексеев М.Е.* Внутригрупповые контакты и сравнительно-историческая грамматика // Проблемы Языкового Контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическа

специфика описания контактных явлений. Всесоюз. науч. конф. Тез. докл. Махачкала, 1991. – С. 31.

22.*Алексеев М.Е., Загиров В.М.* Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1991. – 96 с.

23.*Алексеев М. П.* Многоязычие и литературный процесс // Многоязычие и литературное творчестве. Л.: Наука, 1981.

24.*Алироев И. Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала. 1975.

25.*Алироев И. Ю.* Чеченский язык. М.: Academia. 1999. – 160 с.

26.*Алкадари Гасан.* Диван ал-мамнун. Темир-Хан-Шура. 1911.

27.*Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан. Махачкала, 1-е изд.: 1929; 1994. – 222 с.

28.Арсамаков Б. И. Аз и мы. Назрань, 2001. – 187 с.

29.*Асланов А.М.* Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Баку, 1982. – 46 с.

30.*Асланов А.М.* Азербайджанский язык в орбите языкового взаимодействия. Баку, 1989. – 197 с.

31.*Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип, (около 7000 терминов). М.: Советская энциклопедия, 1969. - 607 с.

32.*Баламамедов А.-К.С.* Основы социальной лингвистики. Функионирование языков в Дагестане. Махачкала, 1992. – 87 с.

33.*Баламамедов А.-К.С.* Социолингвистический аспект сопоставительного исследования заимствованной лексики // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала, 1992. – С. 23-37.

34.*Барабанов А. М.* Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа // Сов.кавказоведение. М.-Л., Т.3. 1945. – С. 183-214.

35.*Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. Около 42000 слов. М., 1976. – 944 с.

36.*Бартольд В.В.* Сочинения, т.2. ч.1. М., 1966.

37.*Баскаков Н. А.* Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков // Проблемы двуязычия и многоязычия» М., 1972. - С. 74-82.

38.*Белкин В. М.* Среднеперсидские заимоствования в арабском литературном языке // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987. - С. 14-29.

39.*Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка ХУШ века. Л., 1972,

40.*Бобровников В. О.* Новые эпиграфические данные по истории ислама в Северо-западном Дагестане // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 6. М., 1999. – С. 29-47.

41.*Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. - 99 с.

42.*Бокарев Е.А.* Материалы к словарю гунзибского языка // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 147-182.

43.*Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М., 1965. – 492 с.

44.*Булгакова С. Г.* Принципиальная схема описания региональных арабских и персидских рукописей // Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей Южного Урала. Уфа, 1985.

45. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблема исследования. (Пер. с англ. и коммент. Ю. Жлуктенко). - Киев: Вища школа. Изд. при Киев. ун-те, 1979. - 265 с.

46.*Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937. – 410 с.

47. *Виноградова О. И., Климов Г. А.* Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология. 1977. М., 1979. – С. 154-158.

48.*Гаджиева Д. Х.* К описанию рукописей филологических сочинений, хранящихся в Рукописном фонде ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала. 1988. – С. 67-74.

49.*Гайдарбеков И.* Антология дагестанской поэзии иа арабском языке // РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.162. Л.423.

50.*Гайдаров Р.И.* Лексика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. – 265 с.

51.*Гайдаров Р.И.* Лингвистические контакты лезгин и азербайджанцев и их роль в развитии и обогащении лезгинского языка // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972. – С. 152-157.

52.*Гайдаров Р.И.* О специфике и результатах лезгино-арабских языковых контактов // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

53.*Гайдаров Р.И., Гасанова Р.Р.* Арабский пласт лексики агульского языка. (Исследование. Словарь. Текст). Махачкала, 1996. – 76 с.

54.*Гак В. Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971.

55.*Гамзатов Г. Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.

56.*Гамзатов Г. Г.* Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. М.,1982.

57.*Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* Сокровищница памятников письменности // Ежегодник иберийско-кваказского языкознания. *Тбилиси. 1982, т. IX.*

58.*Гамидов А.И.* Азербайджанские заимствования в будухском и хиналугском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1982. – 24 с.

59.*Гасанова С.Н.* Заимствованные компоненты в составе соматических фразеологических единиц лезгинских языков // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала, 1992. – С. 151-156.

60.*Генко А.Н.* Об отношении турецких языков к яфетическим языкам // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 фев.- 5 марта 1926: Стенографический отчет. Баку. – С. 118-122.

61.*Генко А. И.* Арабский язык и кавказоведение // Труды Второй сессии Ассоциации арабистов (Труды Института востоковедения, Вып. XXXVI). М.-Л., 1941. стр. 97-98.

62.*Гигинейшвили Б.К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. – 165 с.

63.*Гиргас В. Ф.* Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.

64.*Греппин Дж.* Несколько замечаний о лексических связях армянского с дагестанскими языками // Этимология. 1991-1993. М., 1994. – С. 159-164.

65.*Гудава М.Т.* О традициях арабского языка в Дагестане // Изв. АН Груз. ССР. Арабский язык и литература. № 1. Тбилиси.1979. – С. 130-137.

66.*Гудава М. Т.* Традиции изучения арабского языка в Дагестане. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Тбилиси,1980.ъ

67.*Гукасян В.Л.* Об азербайджанско-удинских языковых взаимоотношениях // Изв. АН Аз. ССР. Сер. ЛЯИ. Баку, 1966, N 3.

68.*Гукасян В.Л.* К трехъязычию удин // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. – С. 286-295.

69.*Г[укасян]. Ворошил.* Удинско-азербайджанско-русский словарь Баку: Элм, 1974. – 298 с.

70.*Гукасян В.Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Баку, 1973. – 62 с.

71.*Гукасян В.Л.* Тюркизмы в албанских источниках // Советская тюркология, 1970, № 3.

72.*Гукасян В.Л.* Древние тюркизмы в удинском языке // Изв. АН Аз. ССР. Сер. ЛЯИ. Баку, 1978, № 2. – С. 66-80.

73.*Гусейнова Ф.И.* Лексика рутульского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Тбилиси, 1988. – 25 с.

74.*Гусейнова Ф.И.* О тюркизмах в терминах животноводства в рутульском языке (Материалы по отраслевой лексике) // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 156-158.

75.*Гюльмагомедов А.Г.* Фонетические элементы азербайджанского языка в лезгинском языке (На материале куткашенских говоров) // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985 – С. 27-34.

76.*Гюльмагомедов А.Г.* Эминан гьакъикъат. I. ЧIалан словарь Махачкала, 1998. – 264 с.

77.*Гюльмагомедов А.Г., Гасанова Р.* К вопросу об изучении контактирования языков Южного Дагестана и Северного Азербайджана на фразеологическом уровне // Проблемы Языкового Контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений. Всесоюз. науч. конф Тез. докл. Махачкала, 1991. – с. 117-118.

78.*Гюльмагомедов А.Г., Талибов Б.Б.* К вопросу о типах интерференции (На материале лезгинского и азербайджанского языков) // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками Баку, 1972. – С. 157-164.

79.*Джамалов К.Э.* Способы выражения пространственных отношений в рутульском языке// Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990.

80.*Джейранишвили Е.Ф.* Рутульский язык// Языки народов СССР Т.IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

81.*Джейранишвили Е.Ф.* Цахский и мухадский языки. I. Фонетика Тбилиси, 1983.

82.*Джейранишвили Е.Ф.* Цахский и мухадский языки. II. Морфс логия. Тбилиси, 1983.

83.*Джидалаев Н.С.* О диахронии тюркско-дагестанских языкс вых контактов// Советская тюркология, 1970, № 3.

84.*Джидалаев Н.С.* К характеристике тюркско-дагестанских лен сических контактов: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Баку, 1972.

85.*Джидалаев Н.С.* Тюркско-дагестанские языковые контакті Общая характеристика // Тюркско-дагестанские языковые контакт (материалы и исследования). Махачкала, 1982.

86.*Джидалаев Н.С.* От редактора: Актуальные проблемы пре мета тюркско-дагестанских этноязыковых контактов // Тюркск дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. – С. 3-2

87.*Джидалаев Н.С.* Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт і торико-этимологического анализа. М., 1990. – 248 с.

88.*Джидалаев Н.С.* К характеристике тюркского лексическс влияния на дагестанские языки // Вопросы тюркских языков и в имоотношения их с другими языками. Баку, 1972.

89.*Дирр А. М.* Краткий грамматический очерк андийского язы СМОМПК. Тифлис, Вып. 34, 1905.

90.*Дирр А. М.* Арчинский язык. СМОМПК. Тифлис, Вып. 1908.

91.*Дирр А. М.* Материалы для изучения языков и наречий ан дидойской группы. Тифлис. СМОМПК. Тифлис, Вып. 40, 1909.

92.*Дирр А. М.* Рутульский язык. Тифлис, СМОМПК. Вып. 42, 1912.

93.*Дирр А. М.* Цахурский язык. Тифлис, СМОМПК. Вып. 43, 1913.

94.*Доза А.* История французского языка. М., 1956. – 471 с.

95.*Дургели Назир.* Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагустан Рук.фонд ИЯЛИ. Ф.30. Оп.2. Д.108.

96. *Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов. Автореф. канд дисс., Алма-Ата, 1959. – 22 с.

97.*Ефремов Л. П.* Калькирование как одна из причин возникно вения лексической омонимии // Изв. АН Казах. ССР. Серия филоло гии и искусствоведения, вып. 2, Алма-Ата, 1962. – С. 47-55.

98.*Жирков Л.И.* Аварско-русский словарь.М., 1936. – 187 с.

99.*Забитов С.М.* Функциональные изменения арабизмов в лез гинском языке // Сравнительно-сопоставительные исследования лек сики. Махачкала, 1992. – С. 75-80.

100.*Забитов С.М.* Арабские заимствования в лезгинском литера турном языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1983. 27 с.

101.Забитов С.М. К вопросу об употребительности арабских за имствований в лезгинском языке // Дуствал, 1978, № 2. – С. 29-32.

102.*Забитов С.М.* Виды синонимии лезгинских и арабских п происхождению лексем // Тезисы докладов V конференции молоды ученых (28-29 июня 1985 г.). Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1985. – С 112-113.

103.*Загиров В.М.* Лексика табасаранского языка: Автореф. дис.. канд. филол. наук . Тбилиси., 1978.

104.*Загиров В.М.* Лексика табасаранского языка. Махачкал 1981. – 108 с.

105.*Загиров В.М.* Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987

106.*Загиров В.М.* Историческая лексикология языков лезгинской группы: Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1989.

107.*Ибрагим из Агдаша.* Хашийят Ибрагим / Каталог арабских рукописей Института ИЯЛ им.Г.Цадасы Дагестанского филиала АН СССР / Под ред. М.-С.Саидова. М.,1977. Вып.1. № 67 (801.1).

108.Исаев А.А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана // Социологический сборник. Махачкала, 1970. С. 179

109.Исаев А.А. Источники по истории развития медицинских знаний в Дагестане 18-начала 20 вв. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С.77.

110.Исаев М.Г. Азербайджанские заимствования в тлянадинском говоре аварского языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 178-182.

111.*Исаев Н.Г.* Фонетика рутульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1973.

112.*Исаев Н. Г.* Некоторые вопросы консонантизма рутульского языка // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972.

113.*Исаев Н. Г.* Дистрибутивный анализ консонантных и вокалических фонем рутульского языка // Слово и словосочетание в языках различных типов. М., 1973.

114.*Исаева З. Г.* К вопросу об общем ономастическом фонде в языках северокавказских народов // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 116-120.

115.*Ихилов М. М.* Хновцы. Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. т. VI. Махачкала, 1959.

116. *Кавказский сборник*. Тифлис. Т.10. 1886.

117.*Канчавели Н. Г.* Арабоязычные документы дагестанского происхождв ния сороковых годов XIX столетия. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1971. – 15 с.

118.*Карасаев А. Т., Мациев А. Г.* Русско-чеченский словарь. М., 1978. – 728 с.

119.*Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.

120.*Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.

121.*Климов Г.А.* О дагестанских арменизмах // Этимология. 1991-1993. М., 1994. – С. 164-165.

122.*Климов Г.А. Халилов М.Ш.* К арабизмам в бежтинском языке // Восточная филология. Тбилиси, 1983, № 5.- С. 88-95.

123.*Клюева В.Н.* Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. 1954, № 3.

124.*Кононов А. Н.*Из истории кумыкского языкознания // Советская тюркология. Баку, 1982. № 1.

125.*Крачковский И. Ю.* Новые рукописи по истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // *Крачковский И. Ю.* Избр.соч., т. 6. М.-Л..1960. - С. 585-607.

126.*Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т.2, М.-Л.,1956.

127.*Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т.6. М.-Л.,1960.

128.*Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. – 208 с.

129.*Кубатов А.Б.* К вопросу о взаимоотношении азербайджанского и лезгинского языков // Изв. АН Аз. ССР. Сер. ЛЯИ. Баку, 1971, № 2.

130.*Кубатов А.Б.* Лексическое взаимоотношение азербайджанского и лезгинского языков (На материале кубинских говоров): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1973. – 27 с.

131.*Кубатов А.Б.* Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков (на материале кубинских говоров) // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 172-177.

132.*Кубатов А.Б.* Лексические инновации в лезгинских говорах Кубинского района Азербайджанской ССР //Десятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12-13 сентября 1983 года. Грозный, 1983. – С. 74-75.

133. *Курбайтаева Н.Б.* Система гласных в лакском и арабском языках в сравнительном плане // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 136-138.

134. *Курбайтаева Н.Б.* Арабизмы в произведении лакского писателя Курди Закуева "Хъявринсса ччаву" (Обманутая любовь) // Актуальные проблемы русского и дагестанских языков. Махачкала, 1997. – С. 28-29.

135. *Куркиев А. С.* Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979. –254 с.

136.*Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. М., 1966.

137.*Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1980. Ч.3.

138.*Лавров Л.И.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. // Сборник Музея антропологии и этнографии. т. XVII. М-Л., 1957.; т XVIII. М.-Л., 1958; т. XIX. М-Л., 1960.

139.*Лавров Л.И.* Рутульцы в прошлом и настоящем// Кавказский этнографический сборник. III. М.;Л., 1962.

140.*Лексика:* Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

141.*Лелашвили Л.З.* Традиции арабоязычной литературы в Дагестане: Автореф. дис... канд. филол. наук. Тбилиси,1977. – 28 с.

142.*Магомедбекова З.М.* О контактах между аварским и андийскими языками // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 56-61.

143.*Магомедов М.А.* О некоторых семантико-грамматических аспектах арабских заимствований в аварском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 2. Махачкала, 1997. – С. 114-118.

144.*Магомедова П.Т.* Тюркские заимствования в чамалинском языке // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 81-90.

145.*Магомедова П. Т.* Чамалинско-русский словарь /ИЯЛИ ДНЦ РАН. Махачкала, 1999. – 437 с. [ок. 8000 слов].

146.*Магомедханов М. М.* Арабизмы в аварском языке // IV всесоюзная конференция востоковедов "Восток: Прошлое и будущее народов" (Новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Т. 1. М., 1991. – С. 75-77.

147.*Магометов А. А.* Влияние азербайджанского языка на вокализм хиналугского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. Т. 9, 1982. – С. 177-189.

148.*Маджму ул ал-манзумат ал-аджамийа* / Сост. Абусуфьян сын Акая из Нижнего Казанища. Симферополь,1903 / Переизд. в г.Темир-Хан-Шуре в 1907 и 1914 гг.

149.*Маковский М. М.* К проблеме так называемой "интернациональной" лексики // ВЯ, 1960, № 1. – С. 44-51.

150.*Маллаева З. М.* Темпоральная лексика аварского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана (Тематический сборник)/ ИИЯЛ ДНЦ АН СССР. Махачкала, 1991. – С. 77-86.

151.*Маллаева З. М.* Лексические заимствования в аварском языке (темпоральная лексика) // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала: ДГУ, 1997. – С. 30-33.

152.*Маммаева Н. Ц.* Наречия-тюркизмы в лакском языке // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 91-99.

153.*Маргвелашвили Т.С.* Языковые особенности арабоязычных памятников Северного Кавказа: Автореф. дис.... канд. филол. наук, Тбилиси, 1953. – 20 с.

154.*Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. – С. 81-93.

155.*Махмудова С.М.* Особенности рутульской абстрактной лексики // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997. – С. 33-35.

156.*Махмудова С.М.* Система прошедших времен рутульского языка// Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. – С. 144-148.

157.*Мациев А. Г., Оздоев И. А.* Русско-чеченско-ингушский словарь. Грозный, 1966. – 575 с.

158.*Мациев А. Г., Оздоев И. А., Джамалханов З. О.* Чеченско-ингушско-русский словарь. Грозный, 1962

159.*Мейланова У.А.* К истории терминов животного мира в лезгинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. Т. 2, 1975. – С. 222-227.

160.*Мейланова У.А.* Азербайджанский элемент в ономастической системе будухов и крызов // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов". 24-26 окт. 1989 г. Грозный, 1989. – С. 48.

161.*Мейланова У.А.* Некоторые вопросы антропонимической системы будухцев и крызов// Дагестанская ономастика. Махачкала, 1991. – С. 144-149.

162.*Мейланова У.А.* Будухско-русский словарь. М.: Наука, 1984. – 253 с.

163.*Микаилов Ш. И.* К вопросу о путях образования и развития аварского литературного языка // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954. – С. 3-55.

164.*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

165.*Муркелинский Г. Б.* О словарном составе лакского языка // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954. С. 209-226.

166.*Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. – 359 с.

167.*Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. – 228 с.

168.*Мусаев М.-С.* Заимствованная лексика даргинского языка // Проблемы лингвистического анализа. М., 1966. – С.161-175.

169.*Мусаев М.-С.М.* Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. – 129 с.

170.*Найда Ю. А.* Наука перевода // ВЯ, 1970, №4. – С. 3-14.

171.*Никольский Л. Б.* О предмете социолингвистики // ВЯ, 1974, № 1. – С. 60-67.

172.Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973. – 318 с.

173.*Овхадов М.Р.* Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. - М.: МПГУ. 2000 - 244 с.

174.*Огиенно И. И.* Иноязычные элементы в русском языке. Киев, 1915.

175.*Оздоев И. А.* Русско-чеченско-ингушский словарь. Грозный, 1966.

176.*Омаров А.* Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868, Т.1.

177.*Оразаев Г.М.-Р.* "Северокавказский тюрки" в системе тюркских региональных письменных языков XVII-XIX вв. // Сов.тюркология. Баку, 1987. № 3.

178.*Павлов И. П.* Полное собрание сочинений. 2-е изд. М.,1951, т.3. кн.2.

179.*Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VI1-XV веках. Л., 1966.

180.*Печать Дагестана*: Справочник. Составитель А. А. Алиханова. Махачкала,1983.

181.*Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955. – 400 с.

182.*Рубинчик Ю. А.* Структурные типы арабских заимствований в персидском языке // Общее и восточное языкознание. М., 1999. - С. 219-228.

183.Русско-даргинский словарь. Сост. М.-Ш.А.Исаев. Махачкала: Дагучпедгиз, 1988. – 509 с. (ок. 11000 слов).

184.Русско-лакский словарь. Сост. Г.Б.Муркелинский. Махачкала, 1953. – 826 с. (34000 слов).

185.Русско-лакский словарь. Сост. Джидалаев Н.С. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. – 510 с. (10000 слов).

186.Русско-лезгинский словарь. Сост. М.М.Гаджиев. Махачкала, 1950. – 967 с. (35000 слов).

187.Русско-табасаранский словарь. Сост. Загиров В.М. Махачкала, 1988.- 447 с. (ок. 10000 слов).

188.Русско-табасаранский школьный словарь. Сост. А. Гаджиев. Махачкала, 1957. – 465 с. (16220 слов).

189.*Саадиев Ш.М.* Азербайджанские слова в лезгинском литературном языке // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972.

190.*Саадиев Ш.М.* Азербайджанские слова в лезгинском литературном языке// Труды Ин-та лит-ры и языка им. Низами, 1957. Т. 10. – С. 147-167.

191.*Саадиев Ш.М.* Определение иранизмов в лезгинском и крызском языках// Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 153-157.

192.*Саидбаев Т. С.* Ислам и общество. М., 1978.

193.*Саидов М.-С. Д.* Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Вып.1. Махачкала, 1948. – С. 136-142.

194.*Саидов М.-С.Д.* Дагестанская литература XVIII-X1X вв. на арабском языке // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.,1960.

195.*Саидов М.-С.* Аварско-русский словарь. М., 1967. – 808 с.

196.*Саидов М.-С., Микаилов Ш.И.* Русско-аварский словарь (ок. 37000 слов). Махачкала, 1951. – 1042 с.

197.*Сафаралиева Э.Я.* Как тебя зовут? Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1987. – 217 с.

198.*Сафаралиева Э.Я.* Антропонимика лезгинского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. – 17 с.

199.*Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

200.*Сулейманов Н.Д.* Способы словообразования агульских антропонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

201.*Суперанская А.В.* Структура имени собственного. М., 1969.

202.*Тагирова Н. А.* Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане в XIX в. (по материалам Рукописного фонда Института ИЯЛ) // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. – С. 75-87.

203.*Талибов Б.Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980. – 350 с.

204.*Талибов Б. Б.* Русско-лезгинский словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966 . – 442 с. (ок. 12 тыс. слов).

205.*Талибов Б.Б., Гаджиев М.М.* Лезгинско-русский словарь. М., 1966. – 604 с.

206.*Тарланов З.К.* Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1994. – 287 с.

207.Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.

208.*Умаханов М.-С. И.* Единство интернационального и атеистического воспитания: Опыт и проблемы // Коммунист, № 5. 1979.

209.*Ушаков В. Д.* Фразеология Корана (Опыт сопоставления фразоречений Корана и арабского классического языка). М.: Восточная литература, 1996. – 203 с.

210.*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. II – 671 с.; 1987. Т. IV – 861 с.

211.*Хайдаков С. М.* Очерки по лексике лакского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 199 с.

212.*Хайдаков С.М.* Лакско-русский словарь. Москва, 1962. – 424 с.

213.*Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. – 179 с.

214.*Хайдаков С.М.* Принципы именной классификации в дагестанских языках. М.: Наука, 1980.

215.*Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985.

216.*Халиков К.Г.* Арабизмы во фразеологии багвалинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 211-212.

217.*Халиков К.Г.* Идеография арабизмов в лексической системе багвалинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 213-214.

218.*Халиков К.Г.* Фонетическое освоение арабизмов в багвалинском языке // Актуальные проблемы развития лингвистики и лингводидактики. Тезисы докладов науч.-прак. конф. 12-13 ноября 1996 г. Махачкала, 1996. – С. 74-76.

219.*Халилов М.Ш.* Лексика бежтинского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981.

220.*Халилов М.Ш.* Аваризмы в бежтинском языке // Гьудуллъи, 1981, № 1. – С. 97-102 (авар.).

221.*Халилов М.Ш.* Фонетическая адаптация заимствований в бежтинском языке // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 184-189.

222.*Халилов М. Ш.* Грузинско-дагестанские языковые контакты (на материале аварско-цезских и некоторых лезгинских языков). Автореф. дис.... докт. филол. наук. Махачкала, 1993. – 51 с.

223.*Халилов М. Ш.* Цезско-русский словарь /ИЯЛИ ДНЦ РАН. М.: Academia, 1999. – 454 с. [ок. 7500 слов].

224.*Халилов М.Ш.* Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1996. – 410 с. [ок. 7000 слов].

225.*Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. 6, М., 1972. – С. 344-382.

226.*Церетели Г. В.* Письма Шамиля барону Л. П. // Вестник государственного музея Грузии. Т. IX (B.I). Тбилиси, 1936.

227.*Чалаева П.Ш.* Морфологическая адаптация русизмов в лакском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 226-228.

228.*Чешко Л. А.* О синонимах и словаре синонимов русского языка // Словарь синонимов русского языка. М., I971.

229.*Шанский Н.М.* Лексические и фразеологические кальки // Русский язык в школе. 1955, № 3. – С. 28-35.

230.*Шахрай О. Б.* К проблеме классификации заимствованной лексики. ВЯ, 1961, № 2. – С. 53-58.

231.*Шидфар Б. Я.* Образная система арабской классической литературы. М., 1974.

232.*Ширинова Н. К.* Лексика будухского языка Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. - 24 с.

233.*Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Южном Дагестане в X -XV вв. Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. т. VI. Махачкала, 1959.

234.*Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969.

235.*Шихсаидов А. Р.* Дагестанская историческая хроника Мухаммада Рафи. // В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1972. Л., 1977.

236.*Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X — XVI вв. как исторический источник. М., 1984.

237.*Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М. 1964. – 244 с.

238.*Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М. 1975. – 280 с.

239.*Эфендиев И.И.* Звукопереходы гласных в иранских заимствованиях в процессе их адаптации в лезгинском языке // Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. (24-25 июня 1993). Махачкала, 1993. – С. 110-111.

240.*Эфендиев И.И.* Ирано-лезгинские языковые контакты// IV всесоюзная конференция востоковедов "Восток: Прошлое и будущее народов" (Новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Т. 1. М., 1991. – С. 132-134.

241.Эфендиев Т. Н. Азербайджанские словообразовательные элементы в табасаранском языке // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972.

242.*Эфендиев Т. Н.* К вопросу о заимствованных наречиях и служебных частях речи в табасаранском языке // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. – С. 261-266.

243.*Эфендиев Т. Н.* Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1973. – 27 с.

244.*Эфендиев Т. Н.* О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 100-110.

245.*Erckert R.* Die Sprachen des ka*ukasischen Stammes. Wien, 1895.*

246.*Magometov A. A.* Contacts between the languages of Daghestan and Azeri// Caucasian Perspectives/ G.Hewitt (ed.). Unterschleissheim; München: Lincom Europa, 1992. – P. 377-383.

247.*Martinet A.* Eléments de linguistique generale. Paris, 1967.

248.*Nikolayev S.L., Starostin S.A.* A North Caucasian etymological dictionary. M.: Asterisk, 1994. - 1406 p.

249.*Outtier B.* Les emprunts Turcs en Oudi et Boudux // Caucasian Perspectives/ G.Hewitt (ed.). Unterschleissheim; München: Lincom Europa, 1992. – P. 384-386.

250.*Souvageot A.* Portrait de vocabulaire français. Paris, 1964.

Сокращенные названия языков

абаз. — абазинский
абх. — абхазский
авар. — аварский
агул. — агульский
адыгск. — адыгский
аз. — азербайджанский
анд. — андийский
ар. — арабский
арч. — арчинский
ахв. — ахвахский
ахт. — ахтынский
багв. — багвалинский
бац. — бацбийский
бежт. — бежтинский
ботл. — ботлихский
буд. — будухский
гин. — гинухский
год. — годоберинский
гунз. — гунзибский
дарг. — даргинский
инг. — ингушский
каб. — кабардинский
кар. — каратинский
крыз. — крызский
куб. — кубачинский
кур. — курахский

лак. — лакский

лезг. — лезгинский

перс. — персидский

рус. — русский

рут. — рутульский

тинд. — тиндинский

удин. — удинский

хвар. — хваршинский

хин. — хиналугский

цах. —цахурский

цез. — цезский

чам. — чамалинский

чеч. — чеченский

ОГЛАВЛЕНИЕ